

Н. М.
Карамзин

История
государства Российского
Том 10

*Царствование
Федора Иоанновича
1584-1598 г.*

Николай Михайлович Карамзин

**История государства
Российского. Том 10.
Царствование Федора
Иоанновича. 1584-1598 гг.
(История государства Российского #10)**

Двенадцатитомная «История государства Российского», написанию которой Карамзин посвятил последние 22 года своей жизни, охватывает период с древнейших времен до начала XVII века и является не только значительным историческим трудом, но и прекрасным литературным произведением.

Карамзин внес много нового в понимание общего хода русской истории и в оценки отдельных исторических событий, раскрыл при помощи психологического анализа идейные и моральные мотивы действий исторических личностей.

Полагая, что история человечества есть история всемирного прогресса, основу которого составляет борьба разума с заблуждением, просвещения – с невежеством. Карамзин видел задачу историка в том, чтобы наставлять людей в их общественной деятельности.

В десятом томе «Истории государства Российского» рассказывается о царствовании Федора Иоанновича с 1584 по 1598 год. В заключительной, IV главе автор дает оценку состояния России в конце XVI века.

Содержание

Глава I Царствование Феодора Иоанновича. г. 1584-1587	0006
Глава II Продолжение царствования Феодора Иоанновича. г. 1587-1592	0092
Глава III Продолжение царствования Феодора Иоанновича. г. 1591 – 1598	0178
Глава IV Состояние России в конце XVI века	0260

**Николай Михайлович
Карамзин
История государства
Российского. Том 10.
Царствование Федора
Иоанновича. 1584—1598 гг.**

Глава I

Царствование Феодора Иоанновича. г. 1584-1587

Свойства Феодоровы. Члены Верховной Думы. Волнение народа. Собрание Великой Думы земской. Царевич Димитрий и мать его отправляются в Углич. Мятеж в Москве. Власть и свойства Годунова. Царское венчание Феодорово. Разные милости. Годунов Правитель Царства. Усмирение Черемисского бунта. Вторичное покорение Сибири. Сношения с Англиею и с Литвою. Заговор против Годунова. Сравнение Годунова с Адашевым. Перемирие с Швециею. Посольство в Австрию. Возобновление дружества с Дашею. Дела Крымские. Посольство в Константинополь. Царь Иверский, или Грузинский, данник России. Дела с Персиею. Дела внутренние. Основание Архангельска. Строение Белого, или Царева, города в Москве. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйского. Судьба Магнусова семейства. Праздность Феодорова.

Первые дни по смерти тирана (говорит Римский Историк) бывают счастливейшими для народов: ибо конец страдания есть живейшее из человеческих удовольствий.

Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый Венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в ослабление вредное Государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тем более, что знали необыкновенную кротость наследника Иоаннова, соединенную в нем с умом робким, с набожностью беспредельною, с равнодушием к мирскому величию. На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника* и *молчальника*, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так, в часы искренности, говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого, старшего сына. Не наследовав ума царственного, Феодор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался,

но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах; одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных. Угадывая, что сей двадцатисемилетний Государь, осужденный природою на всегдашнее малолетство духа, будет зависеть от Вельмож или Монахов, многие не смели радоваться концу тиранства, чтобы не пожалеть о нем во дни безначалия, козней и смут Боярских, менее губительных для людей, но еще бедственнейших для великой Державы, устроенной сильною, нераздельною властью Царскою... К счастью России, Феодор, боясь власти как опасного повода к грехам, вверил кормило Государства руке искусной – и сие Царствование, хотя не чуждое беззаконий, хотя и самым ужасным злодейством омраченное, казалось современникам милостию Божиею, благоденствием, златым веком: ибо наступило после Иоаннова!

Новая пентархия, или Верховная Дума, составленная умирающим Иоанном из *пяти Вельмож*, была предметом общего внимания, надежды и страха. Князь Мстиславский отли-

чался единственно знатностию рода и сана, будучи старшим Боярином и Воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали как брата незабвенной Анастасии и дядю Государева, любили как Вельможу благодушного, не очерченного даже и злословием в бедственные времена кровопийства. В Князе Шуйском чтили славу великого подвига ратного, отважность и бодрость духа. Бельского, хитрого, гибкого, ненавидели как первого любимца Иоаннова. Уже знали редкие дарования Годунова и тем более опасались его: ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Малюты Скуратова, собственником и другом (едва ли искренним) Бельского. — Прияв власть государственную, Дума Верховная в самую первую ночь (18 марта) выслала из столицы многих известных услужников Иоанновой лютости, других заключила в темницы, а к родственникам вдовствующей Царицы, Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых умыслах (вероятно, в намерении объявить юного Димитрия наследником Иоанновы). Москва волновалась; но Бояре утишили сие волнение: торжествен-

но присягнули Феодору вместе со всеми чиновниками, и в следующее утро письменно обнародовали его воцарение. Отряды воинов ходили из улицы в улицу; пушки стояли на площадях. Немедленно послав гонцов в области с указом молиться о душе Иоанновой и счастливом Царствовании Феодора, новое правительство созвало Великую Думу земскую, знатнейшее Духовенство, Дворянство и всех людей именитых, чтобы взять некоторые общие меры для государственного устройства. Назначили день Царского венчания; соборною грамотою утвердили его священные обряды; рассуждали о благосостоянии Державы, о средствах облегчить народные тягости. Тогда же послали вдовствующую Царицу с юным сыном, отца ее, братьев, всех Нагих, в город Углич, дав ей царскую услугу, Стольников, Стряпчих, Детей Боярских и стрельцов для оберегания. Добрый Феодор, нежно прощаясь с младенцем Димитрием, обливался горькими слезами, как бы невольно исполняя долг болезненный для своего сердца. Сие удаление Царевича, единственного наследника Державы, могло казаться блестя-

щею ссылкой, и пестун Димитриев, Бельский, не желая в ней участвовать, остался в Москве: он надеялся законодательствовать в Думе, но увидел грозу над собою.

Между тем как Россия славилла благие намерения нового правительства, в Москве коварствовали зависть и незаконное властолюбие: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному Монарху, а скоро наименовали и человека, готового злодейством изумить Россию: сказали, что Бельский, будто бы отравив Иоанна, мыслит погубить и Феодора, умертвить всех Бояр, возвести на престол своего друга и советника – Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали Князей Шуйских, а Ляпуновых и Кикиных, Дворян Рязанских, их орудиями, возмутителями народа легковерного, который, приняв оную за истину, хотел усердием спасти Царя и Царство от умыслов изверга. Вопль бунта раздался из конца в конец Москвы, и двадцать тысяч вооруженных людей, чернь, граждане, дети Боярские, устремились к Кремлю, где едва успели затворить ворота, собрать несколько стрельцов для защиты и

Думу для совета в опасности незапной. Мятежники овладели в Китае-городе тяжелым снарядом, обратили Царь-пушку к воротам Флоровским и хотели разбить их, чтобы вломиться в крепость. Тогда государь выслал к ним Князя Ивана Мстиславского, Боярина Никиту Романовича, Дьяков Андрея и Василия Щелкаловых, спросить, что виною мятежа и чего они требуют? «Бельского! – отвечивал народ: – выдайте нам злодея! Он мыслит извести Царский корень и все роды Боярские!» В тысячу голосов вопили: «Бельского!» Сей несчастный Вельможа, изумленный обвинением, уstraшенный злобою народа, искал безопасности в государевой спальне, трепетал и молил о спасении. Феодор знал его невинность; знали оную и Бояре: но, искренно или притворно ужасаясь кровопролития, вступили в переговоры с мятежниками; склонили их удовольствоваться ссылкой мнимого преступника и немедленно выслали Бельского из Москвы. Народ, восклицая: «да здравствует Царь с верными Боярами!», мирно разошелся по домам; а Бельский с того времени Воеводствовал в Нижнем Новгороде.

От такой постыдной робости, от такого уничтожения самодержавной власти чего ожидать надлежало! Козней в Думе, своевольства в народе, беспорядка в правлении. Бельского удалили: Годунов остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая в нем Царицына брата: но он видел умысел клеветников; видел, что дерзкие виновники сего возмущения готовят ему гибель, и думал о своей безопасности. Дотоле дядя Царский, по древнему уважению к родственному старейшинству, мог считать себя первым Вельможею: так мыслил и двор и народ; так мыслил и лукавый Дьяк государственный, Андрей Щелкалов, стараясь снискать доверенность Боярина Юрьева и надеясь вместе с ним управлять Думою. Знали власть Годунова над сестрою нежною, добродетельною Ириною, уподобляемою Летописцами Анастасии (ибо тогда не было иного сравнения в добродетелях женских); знали власть Ирины над Феодором, который в сем мире истинно любил, может быть, одну супругу; но Годунов, казалось, выдал друга: радовались его бессилию или боязливости, не

угадывая, что он, вероятно, притворствовал в дружбе к Бельскому, внутренне опасаясь в нем тайного совместника, и воспользуется сим случаем для утверждения своего могущества: ибо Феодор мягкосердечный, обремененный Державою, испуганный мятежом, видя необходимость мер строгих для государственного устройства и не имея ни пронычания в уме, ни твердости в воле, искал более, нежели советника или помощника: искал, на кого возложить всю тягость правления, с ответственностию пред единым Богом, и совершенно отдался смелому честолюбцу, ближайшему к сердцу его милой супруги. Без всякой хитрости, следуя единственно чувству, зная ум, не зная только злых, тайных наклонностей Годунова, Ирина утвердила союз между Царем, неспособным властвовать, и подданным, достойным власти. Сей муж знаменитый находился тогда в полном цвете жизни, в полной силе телесной и душевной, имея 32 года от рождения. Величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех Вельмож (как говорит Лето-

писец), Борис не имел только... добродетели; хотел, умел благотворить, но единственно из любви ко славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели; если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших Венценосцев в мире; но рожденный подданным, с необузданною страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодною – и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борису.

Первым действием Годунова было наказание Ляпуновых, Кикиных и других главных возмутителей Московской черни: их послали в дальние города и заключили в темницы. Народ молчал или славил правосудие Царя; Двор угадывал виновника сей законной строгости и с беспокойством взирал на Бориса, кого решительное владычество открылось не прежде Феодорова Царского венчания, отложенного, ради шестинедельного моления об усопшем Венценосце, до 31 Мая (1584 г.).

В сей день, на самом рассвете, сделалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопил многие улицы в Москве, как бы в предзнаме-

нование грядущих бедствий; но суеверие успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце воссияло на чистом небе. Собралось бесчисленное множество людей на Кремлевской площади, так что воины едва могли очистить путь для Духовника государева, когда он нес, при звоне всех колоколов, из Царских палат в храм Успения *святыню Мономахову*. Живо-творящий Крест, венец и бармы (Годунов нес за духовником скипетр). Невзирая на тесноту беспримерную, все затихло, когда Феодор вышел из дворца со всеми Боярами, Князьями, Воеводами, чиновниками: государь в одежде небесного цвета, придворные в золотой – и сия удивительная тишина провожала Царя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания: ибо всем Россиянам дозволялось видеть священное торжество России, единого семейства под державою отца-Государя. Во время молебна Окольничие и Духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговейте и молитесь!» Царь и Митрополит Дионисий сели на изготовленных для них местах, у врат западных, и Феодор среди общего безмолвия сказал Перво-

святителю: «Владыко! родитель наш, Самодержец Иоанн Василиевич, оставил земное Царство и, прияв Ангельский образ, отошел на Царство Небесное; а меня благословил державою и всеми хоругвями Государства; велел мне, согласно с древним уставом, *помазаться* и венчаться Царским Венцем, диадемою и святыми бармами: завещание его известно Духовенству, Боярам и народу. И так, по воле Божией и благословению отца моего, соверши обряд священный, да буду Царь и *Помазанник!*» Митрополит, осенив Феодора крестом, отвечив: «Господин, возлюбленный сын Церкви и нашего смирения, Богом избранный и Богом на престол возведенный! данною нам благодатию от Святого Духа помазуем и венчаем тебя, да именуешься самодержцем России!» Возложив на Царя Живо-творящий Крест Монамахов, бармы и венец на главу, с молением, да благословит Господь его правление, Дионисий взял Феодора за десницу, поставил на особенном *Царском месте*, и вручив ему *скипетр*, сказал: «блуди хоругви великие России!» Тогда Архидиакон на амвоне, Священники в олтаре и Клиросы возгла-

сили многолетие Царю венчанному, приветствуемому Духовенством, сановниками, народом с изъявлением живейшей радости; и Митрополит в краткой речи напомнил Феодору главные обязанности Венценосца: *долж хранить Закон и Царство, иметь духовное повиновение к Святителям и веру к монастырям, искреннее дружество к брату, уважение к Боярам, основанное на их родовом старейшинстве*) милость к чиновникам, воинству и всем людям. «Цари нам вместо Бога, – продолжал Дионисий, – Господь вверяет им судьбу человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла; да спасают мир от треволения, и да боятся *серпа Небесного!* Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр, или следуй мудрым; будь добродетелен: ибо едина добродетель украшает Царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли благоволения Небесного? благоволи о подданных... Не слушай злых клеветников, о Царь, рожденный милосердым!.. Да цветет во дни твои правда; да успокоится отечество!.. И возвысит Господь царскую десницу твою над все-

ми врагами, и будет Царство твое мирно и вечно в род и род!» Тут, проливая слезы умиления, все люди воскликнули: «Будет и будет многолетно!» – Феодор, в полном царском одеянии, в короне Мономаховой, в богатой мантии, и держа в руке длинный скипетр (сделанный из драгоценного китового зуба), слушал Литургию, имея вид утомленного. Пред ним лежали короны завоеванных Царств; а подле него, с правой стороны, как Ближний Вельможа, стоял Годунов: дядя Феодоров, Никита Романович Юрьев, наряду с другими Боярами. Ничто, по сказанию очевидцев, не могло превзойти сего торжества в великолепии. Амвон, где сидел Государь с Митрополитом, налой, где лежала утварь царская, и места для Духовенства были устланы бархатами, а помост церкви коврами Персидскими и красными сукнами Английскими. Одежды Вельмож, в особенности Годунова и Князя Ивана Михайловича Глинского, сияли алмазами, яхонтами, жемчугом удивительной величины, так что иноземные Писатели ценят их в миллионы. Но всего более торжество украшалось веселием лиц и знаками живейшей люб-

ви к престолу. — После Херувимской Песни Митрополит, в дверях Царских, возложил на Феодора *Мономахову цепь Аравийского злата*; в конце же Литургии помазал его *Святым Миром и причастил Святых Таин*. В сие время Борис Годунов держал скипетр, Юрьев и Дмитрий Иванович Годунов (дядя Ирины), венец Царский на золотом блюде. Благословенный Дионисием и в южных дверях храма осыпанный деньгами, Феодор ходил поклониться гробам предков, моляся, да наследует их государственные добродетели. Между тем Ирина, окруженная Боярынями, сидела в *короне* под растворенным окном своей палаты и была приветствуема громкими восклицаниями народа: «Да здравствует Царица!» В тронной Вельможи и чиновники целовали руку у Государя; в столовой палате с ним обедали, равно как и все знатное Духовенство. Пирьы, веселия, забавы народные продолжались целую неделю и заключились воинским праздником вне города, где, на обширном лугу, в присутствии Царя и всех жителей Московских, гремело 170 медных пушек, пред осмью рядами стрельцов, одетых в тонкое сукно и в бар-

хат. Множество всадников, также богато одетых, провождало Феодора.

Одарив Митрополита, Святителей, и сам приняв дары от всех людей чиновных, гостей и купцев, Российских, Английских, Нидерландских, нововенчаный Царь объявил разные милости: уменьшил налоги; возвратил свободу и достояние многим знатным людям, которые лет двадцать сидели в темнице; исполняя завещание Иоанново, освободил и всех военнопленных; наименовал Боярами Князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Ивановичей Шуйских, Никиту Трубецкого, Шестунова, двух Куракиных, Федора Шереметева и трех Годуновых, внучатных братьев Ирины; пожаловал Герою, Князю Ивану Петровичу Шуйскому, все доходы города Пскова, им спасенного. Но сии личные милости были ничто в сравнении с теми, коими Феодор осыпал своего шурина, дав ему все, что подданный мог иметь в самодержавии: не только древний знатный сан Конюшого, в течение семнадцати лет никому не жалованный, но и титул *Ближнего Великого Боярина*, наместника двух Царств, Казанского и Астра-

ханского. Беспříkladному сану ответствовало и богатство беспříkladное: Годунову дали, или Годунов взял себе, лучшие земли и поместья, доходы области Двинской, Ваги, – все прекрасные луга на берегах Москвы-реки, с лесами и пчельниками, – разные казенные сборы Московские, Рязанские, Тверские, Северские, сверх особенного денежного жалованья: что, вместе с доходом его родовых отчин в Вязме и Дорогобуже, приносило ему ежегодно не менее осьми или девяти сот тысяч нынешних рублей серебряных: богатство, какого от начала России до наших времен не имел ни один Вельможа, так, что Годунов мог на собственном иждивении выводить в поле до ста тысяч воинов! Он был уже не временщик, не любимец, но Властитель Царства. Уверенный в Феодоре, Борис еще опасался завистников и врагов: для того хотел изумить их своим величием, чтобы они не дерзали и мыслить об его низвержении с такой высокой степени, недоступной для обыкновенного честолюбия Вельмож-Царедворцев. Действительно изумленные, сии завистники и враги несколько времени злобились втайне, без-

молвствуя, но вымышляя удар; а Годунов, сорвением души славолюбивой, устремился к великой цели: делами общественной пользы оправдать доверенность Царя, заслужить доверенность народа и признательность отечества. *Пентархия*, учрежденная Иоанном, как тень исчезла: осталась древняя Дума Царская, где Мстиславский, Юрьев, Шуйский судили наряду с иными Боярами, следуя мановению *Правителя*: ибо так современники именовали Бориса, который один, в глазах России, смело правил рулем государственным, повелевал именем Царским, но действовал своим умом, имея советников, но не имея ни совместников, ни товарищей.

Когда Феодор, утомленный мирским великолепием, искал отдохновения в набожности; когда, прервав блестящие забавы и пиры, в виде смиренного богомольца ходил пешком из монастыря в монастырь, в Лавру Сергиеву и в иные Святые Обители, вместе с супругою, провождаемою знатнейшими Боярынями и целым полком особенных Царицыных телохранителей (пышность новая, изобретенная Годуновым, чтобы вселить в народ более ува-

жения к Ирине и к ее роду)... в то время Правительство уже неуспешно занималось важными делами государственными, исправляло злоупотребления власти, утверждало безопасность внутреннюю и внешнюю. Во всей России, как в счастливые времена Князя Ивана Бельского и Адашева, сменили худых наместников, Воевод и судей, избрав лучших; грозя казнию за неправду, удвоили жалованье чиновников, чтобы они могли пристойно жить без лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, где надлежало восстановить честь оружия или спокойствие отечества. Начали с Казани. Еще лилась кровь Россиян на берегах Волги, и бунт кипел в земле Черемисской: Годунов более умом, нежели мечем, смирил мятежников, уверив их, что новый Царь, забывая старые преступления, готов, как добрый отец, миловать и виновных в случае искреннего раскаяния; они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Борис велел строить крепости на Горной и Луговой стороне Волги, Цывильск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурек и другие, населил оные Россиянами, и тем во-

дворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной.

Усмирив Казанское Царство, Годунов довершил завоевание Сибирского. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшение его сил от болезней и голода, он немедленно послал туда Воеводу Ивана Мансурова с отрядом стрельцов, а вслед за ним и других, Василия Сукина, Ивана Мясного, Данила Чулкова с знатным числом ратников и с огнестрельным снарядам. Первый встретил наших Сибирских витязей, Атамана Матвея Мещеряка с остатком Ермаковых сподвижников, на реке Туре. «Доблие Козаки ожили радостию», – говорит Летописец: не боясь новых опасностей и битв, ужасаясь единственно мысли явиться в отечестве бедными изгнанниками, с вестью о завоевании утраченном, они, исполненные мужества и надежды, возвратились к устью Тобола, но не могли взять Искера, где властвовал уже не старец Кучюм, а юный, бодрый Князь Сейдяк, его победитель: сведав о бегстве Козаков, он собрал толпы ногаев, преданных ему Татар Сибирских, выгнал Кучюма и, слыша о новом приближении Россиян, стоял

на берегу Иртыша с войском многочисленным, готовый к усильному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далее Иртышом, несмотря на осеннее время, холод и морозы. Там, где сия река впадает в Обь, они вышли на берег и сделали деревянную крепость: пишут, что Остяки, думая взять оную, принесли с собою славного Белогорского идола, или *Шайтана*, начали ему молиться под деревом и разбежались от ужаса, когда Россияне пушечным выстрелом сокрушили сей кумир обожаемый. – Воеводы Сукин и Мясной остановились на берегу Туры, и на месте городка Чингия основали нынешний Тюмень. Чулков же, не находя сопротивления или преодолев оное, заложил Тобольск, и в нем первую церковь Христианскую (в 1587 году); известил о том Воеводу Мансурова, Атамана Мещеряка, соединился с ними, разбил Князя Сейдяка, дерзнувшего приступить к Тобольской крепости, взял его в плен раненного, весь обоз, все богатство, и сею победою, которая стоила жизни последнему Ермакову Атаману, Никите Мещеряку, довершил падение Ногайского Иртышского Царства. Искер опустел, и То-

больск сделался новою столицею Сибири. Другое же, менее вероятное предание славит не мужество, а хитрость Воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнав, как пишут, что Сейдяк, друг его, Царевич Киргизский Ураз-Магмет, и Мурза-Карача вышли из Искера с пятьюстами воинами, и на *Княжеском лугу*, близ Тобольска, увеселяются птичьею ловлею, Воевода пригласил их к себе в гости, связал и послал в Москву. – Еще изгнанник Кучюм держался с шайками Ногаев Тайбугина Улуса в степи Барабинской, жег селения, убивал людей в волостях Курдацкой, Салынской, в самых окрестностях Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый Сибирский Воевода, Князь Кольцов-Мосальский, ходил во глубину пустынь Ишимских и близ озера Чили-Кула (1 Августа 1591) истребил большую часть его конницы, захватив двух жен Ханских и сына, именем Абдул-Хаира. Тщетно государь, желая водворить тишину в своем новом, отдаленном Царстве, предлагал Кучюму жалованье, города и волости в России; обещал даже оставить его Царем в земле Сибирской, если он с покорностию явится в Москве.

О том же писал к отцу и пленник Абдул-Хаир, славя великодушие Феодора, который дал ему и Царевичу Маметкулу богатые земли в собственность, *любя жить с смертных и милосердием виновных.* Оставленный двумя сыновьями, Ногайскими союзниками и знатным Чин-Мурзою (который выехал к нам вместе с матерью Царевича Маметкула), Кучюм гордо отвечивал на предложения Феодоровы: «Я не уступал Сибири Ермаку, хотя он и взял ее. Желая мира, требую Иртышского берега». Но бессильная злоба Кучюмова не мешала Россиянам более и более укрепляться в Сибири заложением новых городов от реки Печоры до Кета и Тары, для безопасного сообщения с Пермию и с Уфою, тогда же построенною, вместе с Самарою, для обуздания Ногаев. В 1592 году, при Тобольском Воеводе Князе Федоре Михайловиче Лобанове-Ростовском, были основаны Пелым, Березов, Сургут; в 1594 – Тара, в 1596 – Нарым и Кетский Острог, неодолимые твердыни для диких Остяков, Вогуличей и всех бывших Кучюмовых Улусников, которые иногда еще мыслили о сопротивлении, изменяли и не хотели платить ясака: так в грамотах

Царских упоминается о мятеже Пелымского Князя Аблегирима, коего велено было Воеводе нашему схватить хитростию или силою и казнить вместе с сыном и с пятью или шестью главными бунтовщиками Вогульскими. Кроме воинов, стрельцов и Козаков, Годунов посылал в Сибирь и земледельцев из Перми, Вятки, Каргополя, из самых областей Московских, чтобы населить пустыни и в удобных местах завести пашню. Распоряжениями благоразумными, обдуманными, без усилий тягостных, он навеки утвердил сие важное приобретение за Россию, в обогащение Государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышленности народной. Около 1586 года Сибирь доставляла в казну 200000 соболей, 10000 лисиц черных и 500000 белок, кроме бобров и горностаев.

В делах внешней Политики Борис следовал правилам лучших времен Иоанновых, изъявляя благоразумие с решительностию, осторожность в соблюдении целости, достоинства, величия России. Два Посла были в Москве свидетелями Феодорова воцарения: Елисаветин и Литовский. «Кончина Иоаннова

(пишет Баус) изменила обстоятельства и предала меня в руки главным врагам Англии: Боярину Юрьеву и Дьяку Андрею Щелкалову, которые в первые дни нового Царствования овладели Верховною Думою. Меня не выпускали из дому, стращали во время бунта Московского, и Щелкалов велел мне сказать в насмешку: „*Царь Английский умер!* Борис Годунов, наш доброжелатель, еще не имел тогда власти“. В начале Мая объявили Баусу, что он может ехать назад в Англию; представили его Царю, отпустили с честью, с дарами и с дружелюбным письмом, в коем Феодор говорил Елисавете: „Хотя дело о сватовстве и тесном союзе с Англиею кончилось смертью моего родителя, однако ж искренно желаю твоей доброй приязни, и купцы Лондонские не лишаются выгод, данных им последнею жалованною грамотою“. Но Баус в безрассудной досаде не хотел взять ни письма, ни даров Царских; оставил их в Колмогорах, и вместе с медиком Робертом Якоби уехал из России. Удивленный такою дерзостью, Феодор послал гонца Бекмана к Королеве; жаловался на Бауса; снова предлагал ей дружбу, обещая ми-

лость купцам Английским, с условием, чтобы и наши могли свободно торговать в Англии. Сей гонец долго жил в Лондоне, не видя Елисаветы; наконец увидел в саду, где и вручил ей письмо Государево.» «Для чего нынешний Царь (спросила Королева) не любит меня? Отец его был моим другом; а Феодор гонит наших купцов из России». Слыша от Бекмана, что Царь не гонит их, но жалуется, и что они платят казне вдвое менее иных чужеземных купцов в России, Елисавета написала в ответ к Феодору. «Брат любезнейший! с неизъяснимою скорбью узнала я о преставлении великого государя, отца твоего, славныя памяти, и моего нежнейшего друга. В его время смелые Англичане, открыв морем неизвестный дотоле путь в отдаленную страну вашу, пользовались там важными правами, и если обогащались, то не менее и Россию обогащали, благодарно хваляся покровительством Иоанновым. Но имею утешение в печали: гонец твой уверил меня, что сын достоин отца, наследовав его правила и дружество к Англии. Тем более сожалею, что посол мой Баус заслужил твое негодование: муж испытанный в делах

государственных, как здесь, так и в иных землях, — всегда скромный и благоразумный. Удивляюсь, хотя и верю твоим жалобам, которые могут быть изъяснены досадами, сделанными ему одним из твоих Советников Думных (Дьяком Щелкановым) явным доброхотом гостей Немецких. Но взаимная наша любовь не изменится от сей неприятности. Требуешь свободной торговли для купцов Российских в Англии: чего никогда не бывало, и что несовместно с пользою наших; но мы и тому не противимся, если ты исполнишь обещание Иоанново и дашь новую жалованную грамоту, для исключительной торговли в своем Царстве *обществу* Лондонских купцов, нами учрежденному, не позволяя участвовать в ее выгодах *другим* англичанам». Не весьма довольный ответом Елисаветы, ни холодным приемом Бекмана в Лондоне, но желая сохранить полезную связь с ее Державою, Царь велел (в Сентябре 1585 года) ехать к Королеве Английскому купцу, Иерониму Гросею, чтобы объясниться с нею удовлетворительнее и выбором такого посланника доказать ей искренность нашего доброго расположения. «Преде-

лы России, – писал Феодор к Елисавете с Горсеем, – открыты для вольной торговли всех народов, сухим путем и морем. К нам ездят купцы Султановы, Цесарские, Немецкие, Испанские, Французские, Литовские, Персидские, Бухарские, Хивинские, Шамахинские и многие иные, так что можем обойтись и без Англичан, и в угодность им *не затворим дорог* в свою землю. Для нас все равны; а ты, слушаясь корыстолюбивых гостей Лондонских, не хочешь равнять с ними и других своих подданных! Говоришь, что у вас никогда не бывало наших людей торговых – правда: ибо они и дома торгуют выгодно; следовательно, могут и впредь не ездить в Англию. Мы рады видеть купцов Лондонских в России, если не будешь требовать для них исключительных прав, несогласных с уставами моего Царства». Сии Феодоровы мысли о вольной торговле удивили Английского Историка, Юма, который находил в них гораздо более истины и проницания, нежели в Елисаветиных понятиях о купечестве.

Но Елисавета настояла: извиняясь пред Феодором, что важные государственные дела

мешали ей входить в дальние объяснения с Бекманом и что она виделась с ним только в саду, где обыкновенно гуляет и беседует с людьми ближними, Королева уже не требовала монополии для купцов Лондонских: убеждала Царя единственно освободить их от платежа тягостных пошлин – и, сведав от Горсея все обстоятельства Двора Московского, писала особенно к Царице и к брату ее, именуя первую *любезнейшею кровною сестрою*, а Годунова *родным приятелем*; славил у м и добродетель Царицы; уведомляла, что из дружбы к ней снова отпускает в Москву медика своего Якоби, особенно искусного в целении женских и *родильных* болезней; благодарила Годунова за доброхотство к Англичанам, надеясь, что он, как муж ума глубокого, будет и впредь их милостивцем, сколько в одолжение ей, столько и для истинных выгод России. Так хитрила Елисавета – и не бесполезно: Царица приняла ее ласковую грамоту с любовью, Годунов с живейшим удовольствием и (в 1587 году) дал право Англичанам торговать беспошлинно (лишив казну более двух тысяч фунтов стерлингов ежегодного дохода), с обя-

зательством: 1) не привозить к нам чужих изделий; 2) не рассылать закупщиков по городам, но лично самим меняться товарами; 3) не продавать ничего в розницу, а только оптом: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами, и проч.; 4) не отправлять людей своих сухим путем в Англию без ведома Государева; 5) в тяжбах с Россиянами зависеть от суда царских казначеев и Дьяка Посольского. Честолюбивый Борис не усомнился известить Королеву, что он доставил сии выгоды гостям Лондонским, чувствуя ее милость, и желает всегда *блюсти их под своею рукою*, в надежде, что они будут вести себя тихо, честно, без обманов, не мешая Испанцам, Французам, Немцам, ни *другим Англичанам* торговать в наших пристанях и городах: «ибо море Океан есть путь Божий, всемирный, незаградимый». Здесь в первый раз видим Вельможу Российского в переписке с иноземным Венценосцем: чего дотоле не терпела осторожная Политика наших Царей. В то же время получив бумагу от министров Елисаветиных о разных неумеренных требованиях их купечества, Годунов велел Дьяку Щелкалову написать в ответ, что

все возможное для Англии сделано, а более уже ничего не делается; что им стыдно беспокоить *такого великого человека* суесловием и что шурина Царскому, знаменитейшему Боярину Великой Державы Российской, неприлично самому отвечать на бумагу нескромную. Высоко ценя благосклонность славной Королевы и чувствительный к ее лести, Годунов знал однако ж меру угождения. Англичане старались низвергнуть ненавистного для них Щелкалова; но Борис, уважая его опытность и способности, вверял ему все дела иноземные и дал новое, знаменитое титуло *Дьяка Ближнего*.

Еще гораздо важнее и затруднительнее были для нас сношения с Литвою: ибо Стефан, как бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпеливо хотел довершить начатое: возвысить Державу свою унижением России, и считая Ливонию только задатком, а мир отдохновением, мечтало восстановлении древних границ Витовтовых на берегах Угры. Посол его, Сапега, узнав в Москве о кончине Иоанновой, сказал Боярам, что он без нового Королевского наказа не может видеть нового

Царя, ни говорить с ними о делах; ждал сего наказа три месяца, и представленный Феодору (22 Июня), объявил ему за тайну, будто бы в знак искреннего доброжелательства, о намерении Султана воевать Россию – то есть Баторий хотел испугать Феодора и страхом расположить к уступчивости против Литвы!.. Во время сего пышного, как обыкновенно, представления Царь сидел на троне с державою и скипетром; близ него стояли Рынды в белой одежде и в *золотых цепях*, у трона *один* Годунов: все иные Вельможи сидели далее. Но Послу оказали честь без ласки: не приглашенный Феодором к обеду, он с сердцем уехал домой и не впустил к себе чиновника с блюдами стола Царского. Начав переговоры, Сапега требовал, чтобы Феодор дал Королю 120 тысяч золотых за наших пленников, освободил Литовских без выкупа, удовлетворил всем жалобам его подданных на Россиян и не именовал себя в государственных бумагах *Ливонским* Князем, если не желает войны: ибо смерть Иоаннова, как думал Баторий, уничтожила договор Запольский. Ему ответствовали, что Феодор, движимый единственно человеколю-

бием, уже освободил 900 военнопленных, Поляков, Венгров, Немцев в день своего Царского венчания; что мы ожидаем такого же Христианского дела от Стефана; что справедливые жалобы Литовские не останутся без удовлетворения; что сын Иоаннов наследовав Державу, наследовал и титул отца, который именовался *Ливонским*. Вследствие многих прений Сапега заключил с Боярами мирное условие только на десять месяцев; а Царь послал Боярина, Князя Федора Михайловича Троекурова, и Думного Дворянина, Михайла Безнина, в Варшаву, чтобы склонить Короля к истинному миролюбию. Но Стефан более, нежели когда-нибудь, хотел войны и чаял в ней успеха, сведав, что делалось тогда в Москве, и с прибавлениями, внушенными злобою.

Годунов, стараясь деятельным, мудрым правлением заслуживать благодарность отечества, а ласками приязнь главных Бояр, спокойно властвовал 16 или 17 месяцев, презирал недоброжелателей, имея в руке своей сердце Государево и, снискав особенную дружбу двух знаменитейших Вельмож, Ники-

ты Романовича Юрьева и Князя Ивана Федоровича Мстиславского, один правительствовал, но советовался с ними, удовлетворяя тем их умеренному честолюбию. Сия счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева: ибо слабодушный Князь Мстиславский, хотя и названный *отец Борисов*, будучи обманут кознями врагов его: Шуйских, Воротынских, Головиных, пристал к ним и, если верить Летописцу, сделался участником заговора гнусного: хотели, чтобы он позвал Бориса на пир и предал в руки убийц! Так сказали Годунову уstraшенные друзья его, сведав о злобном кове; так сказал Годунов Царю... Было ли законное следствие, разыскание, неизвестно; знаем единственно, что Князя Ивана Мстиславского, неволею постриженного, сослали в обитель Кирилловскую; Воротынских, Головиных в места дальние; иных заключили в темницу; Шуйских не коснулись: для того ли, что не могли обличить их, или из уважения к ходайству Митрополита, связанного дружеством с ними? Вообще не казнили смертью ни одного человека. Может быть, Годунов опасался кровопролитием напомнить нена-

вистные времена Иоанновы; может быть – что еще вероятнее – он карал единственно личных своих недоброжелателей, распустив слух о мнимом злодейском умысле. Даже сын Мстиславского, Князь Федор Иванович, остался в Думе первым, или старейшим, Боярином. Несмотря на такую умеренность в наказании действительного или вымышленного преступления, столица и двор были в тревоге: ближние, друзья опальных, страшились дальнейшей мести, и знатный чиновник, Михайло Головин, ушел из Медынской своей отчины к Баторию, как бы в оправдание Годунова: ибо сей беглец-изменник, милостиво принятый в Литве, заклинал Короля не мириться с Царем уверяя, что Москва и Россия в безначалии, в неустройстве от малоумия Феодорова и несогласия Вельмож; что Королю надобно только идти и взять все, ему угодное, в нашем сиром, бедном отечестве, где никто не хочет ни воевать, ни служить Государю. Баторий верил и, холодно приняв Московских Послов, сказал им, что может из снисхождения дать нам перемирие на десять лет, если *возвратим* Литве Новгород, Псков, Луки, Смоленск,

землю Северскую, и примолвил: «Отец Феодоров не хотел меня знать: но узнал; сыну будет тоже».

Послы доказывали безрассудность Королевского требования: их не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первых, искусно разгласили, что Михайло Головин есть лазутчик, посланный к Стефану Московскими Боярами; во-вторых, предложили Вельможам Коронным и Литовским заключить тесный союз между их Державою и Россиею для истребления Хана Крымского. Та и другая мысль имела счастливое действие. В Варшаве перестали верить Головину, рассуждая, что знатные Россияне могли естественно уходить из отечества в Царствование жестокого Иоанна, а не Феодора милосердного; что сей мнимый беглец сорит деньгами, без сомнения данными ему из казны Царской для подкупа людей, и, нелепо унижая Россию, будто бы готовую упасть к ногам Стефановым, изобличает тем свою ложь; что Король, обольщенный Давидом Бельским, изгубил многочисленное войско под стенами ужасного Пскова и не должен быть новою жертвою легковерия; что

он уже близок к старости; что незапная смерть может исхитить меч, если и победный, из рук неумолимого воителя; что шумный Сейм будет спорить о выборе Стефанова преемника, а сильный враг опустошать Литву; что лучше воспользоваться известною слабостию Феодоровою для утверждения с Московскими Боярами искреннего, вечного союза между обоими Государствами, независимо от жизни или смерти их Венценосцев. Сие мнение одержало верх в Думе Королевской, так что Троекуров и Безнин не только возвратились в Москву с новою мирною грамотою, сроком на два года, но Король отправил к нам и своего посла чрезвычайного, с предложением столь неожиданным, что оно изумило Совет Царский!

Послом был знаменитый муж, Михайло Габурда, давно известный и приятный двору Московскому совершенным знанием нашего языка, умом гибким, вежливостию, а всего более усердием к Закону Греческому. Он вручил Боярам миролюбивые, ласковые письма от Вельмож Королевских и в тайной беседе с ними сказал: «Имея полную доверенность от го-

сударя нашего, Духовенства и всех мужей Думных, Коронных и Литовских, объявляю, что мы искренно хотим быть в неразрывном союзе с вашим отечеством и ревностно стоять против всех общих недругов. Для того оставим суетные прения о городах и волостях, коих ни вы нам, ни мы вам не уступим без кровопролития. Пусть каждый во веки веков бесспорно владеет тем, чем владеет ныне! Ничего не требуем: не требуйте и вы!.. Слушайте далее. Мы с вами братья единого Славянского племени, отчасти и единой Веры: для чего нам не иметь и единого Властителя? Господь да продолжит лета обоих Венценосцев; но они смертные: мы готовы, в случае Стефановой кончины, присоединить Великое Княжество Литовское и Польшу к Державе Феодора (так, чтобы Краков считался наравне с Москвою, а Вильна с Новымгородом), если, в случае Феодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана Государем всей России. Вот самый надежный способ – и нет иного – утвердить тишину, незыблемое, истинное дружество между нашими Государствами!» Бояре донесли Царю, и, после торжественного совещания

Думы с знатнейшим Духовенством, дали следующий ответ: «Мы не дозволяем себе и мыслить о кончине нашего великого Самодержца; не хотим даже предполагать и Стефановой: у вас иное обыкновение, едва ли достохвальное: ибо пристойно ли Послу ехать в чужую землю за тем, чтобы говорить о смерти своего Венценосца? Устраняя сию непристойность, объявляем согласие Государя на мир вечный». Но Гарабурда не хотел слышать о том без договора о соединении Держав, прибавив: «разве отдадите нам и Новгород и Псков: ибо Стефан не удовольствуется ни Смоленскою, ни Северскою областью». *А наш Государь, – сказали ему Бояре, – не даст вам ни драницы с кровли. Можем обойтись без мира. Россия ныне не старая: берегите от ее руки уже не Ливонию, не Полоцк, а Вильну!* Изъявив сожаление, что наши Вельможи и Духовенство не вразумились в мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся Царю, а после Боярам, которые особенно принимали его в *набережных сенях*, сидя на рундуке (где Борис занимал четвертое место, уступая первенство Князьям Мстиславскому, Ивану Петровичу

Шуйскому, Дмитрию Ивановичу Годунову); дали ему руку и письмо учтливое к Королевским Вельможам, сказав: «Ты был у нас с делом важным, но ничего не сделал. Ненавидя кровопролитие, Царь объяснится с Королем через своего Посла». Гарабурда уехал (30 Апреля), а Князь Троекуров вторично отправился к Стефану (28 Июня) с новым наказом.

Нет сомнения, что Баторий немедленно обнажил бы меч на Россию, если бы Вельможные Паны, особенно Литовские, боясь разорения земли своей, не противились его славолюбию и не грозили Королю отказом Сейма в деньгах и в людях. Обольщенный успехами войны с Иоанном, он только для вида и в угодность Вельможам сносился с нами, будто бы желая мира и, нелепо предлагая Думе Царской отдать ему Россию по смерти Феодора, в то же время просил денег у Папы, чтобы идти к Москве, для себя завоевать нашу землю, а для Рима нашу Церковь: Иезуит Антоний был его ревностным ходатаем (злобясь на Россиян за худой успех своего Посольства к Иоанну), и Сикст V обязался давать Стефану ежемесячно 25 тысяч скудий для *предприятия столь вели-*

кого! В сем расположении Стефан не думал следовать примеру Феодорова милосердия: хваля бескорыстное освобождение Литовских пленников, требовал неумеренного окупа за наших; взяв с Царя 54 тысячи рублей, отпустил некоторых, но удержал знатнейших и не хотел возвратить серебра, отнятого в Литве у гостей Московских, которые ехали в Грецию с милостынею для поминовения Царевича Иоанна; не унимал Воевод своих, которые из Ливонии, Витебска и других мест посылали шайки разбойников в области Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую; одним словом, явно искушал терпение России, чтобы произвести войну.

Троекуров нашел Стефана в Гродне и вручил его Панам грамоту наших Бояр. Прочитав ее, Паны изъявили сильное негодование. «Желая тишины (говорили они), мы вопреки Королю предлагали вам условия искреннего братства, согласные с выгодами обеих Держав; а вы, не ответствуя на главное предложение, пишете, что Царю угодно осчастливить Короля миром, если уступим вам Киев, Ливонию и все, что именуете древнею соб-

ственностию России! То есть мы кормим Вельмож Московских хлебом, а Вельможи Московские бросают нам камень! Отчего такая гордость? Разве мы не ведаем нынешних жалких обстоятельств вашей земли? У вас есть Царь; но какой? едва дышит, и бездетен: умеет только молиться. Бояре в смутах, народ в волнении, Держава в неустройстве, рать без усердия и без добрых Воевод. Знаем, что вы тайно сноситеся с братом Императора Немецкого: какое ваше намерение? можете ли найти защитника в Цесаре, когда он и себе худой защитник? Уже многие Государи Европейские метят на вас. Султан требует Астрахани и Казани; Хан с огнем и мечом в недрах России; народ Черемисский бунтует. Где ум ваших Бояр? Отечество в несгоде, а они презирают наше доброжелательство и твердят, что Царь готов стоять против всех недругов! Увидим. Доселе мы удерживали Стефана от исполнения клятвы, им данной при восшествии на престол: клятвы отнять у России все Литовское, чем она завладела после Витовта. Теперь не хотим досаждать ему пересказом ваших речей бездельных, но скажем: *Иди на*

Россию, до берегов Угры: вот наше золото, вот наши руки и головы!»

Князь Троекуров слушал хладнокровно, отвечивал с жаром: «Не мы, но вы суеслови-те, Паны Вельможные! Какие речи, дерзост-ные и нелепые! Царствование благодатное именуете несгодою и бедствием для России! Видите гнев Божий, где мы видим одну ми-лость Небесную! А будущее известно ли смертному? Вы не беседовали со Всевышним. Горе тому, кто злословит Венценосца! Имеем Царя здорового душою и телом, умного и счаст-ливого, достойного своих великих предков. Как отец, дед, прадед Феодоров, так и Феодор судит народ, строит землю, любит тишину, но готов и разить недругов. Есть у него воинство, какого еще не бывало в России: ибо он миро-стив к людям и жалует их щедро из казны своей; есть Воеводы доблие, ревнители славы умереть за отечество. Так, Феодор умеет мо-литься, и Господь, благоволя о небесной Вере его, конечно даст ему победу – и мир, и благо-денствие, и чад возлюбленных, да Царствует племя Св. Владимира во веки веков! Пусть из-менники оглошают землю бесстыдным лже-

словием о смутах Вельмож и неустройстве нашего Царства: ветер клевету развевает. Не хотим уподобиться вам дерзостию и в истине: молчим о том, что видим в Литве и в Польше, ибо мы присланы не для раздора». Далее, сказав, что Вельможи Российские знают только своего Царя и не сносятся с иноземными Князьями; что Султан требует не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что Хан, помня 1572 год и Князя Михайла Воротынского, не смеет заглянуть и в нашу Украину; что в России везде тишина; что мы спокойно властвуем и в отдаленной Сибири – на Конде, в *Пельмском* Государстве, в стране *Пегих Колмаков* и на Оби, где 94 города платят нам дань – Посол заключил сими словами: «То ли называете несгодою России? Мира желаем, но *не купим*. Хотите ли войны? Начинайте! Хотите ли доброго дела? Говорите о деле!»

Вступили в переговоры. Царь соглашался не требовать Киева, ни Волыни, ни Подолии, требуя для мира одной Ливонии, по крайней мере Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Киремпе, Мариенбурга, Тарваста. «К чему такое великодушие? – сказали Паны Князю Троекурову с на-

смешкою: – мы дозволяем вам отыскивать всей Литвы: завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обе Державы на веки веков и для того съехаться Вельможам Московским с Королевскими на границе, а Троекуров изъяснял им, что Царь не может решить столь важного дела без общей Земской Думы; что нужно немало времени для призвания всех государственных людей в Москву из Новагорода, Казани, Астрахани, Сибири – и требовал должайшего перемирия. «В России нет обычая советоваться с землею, – возражали Паны, – Царь вздумает, Бояре скажут да, и дело сделано»: Спорив несколько дней, утвердили перемирие еще на два месяца (от 3 Июня до Августа 1588), чтобы в течение сего времени съехаться Великим Послам с обеих сторон на реке Ивате, между Оршою и Смоленском, для условия о том, 1) «как Царю жить в любви братской с Стефаном, и 2) как их Государствам быть под единою Державою в случае Феодоровой или Стефановой кончины, или 3) какими городами Литве и России владеть бесспорно, буде они не захотят соединиться». Хотя третья статья отнимала силу у

второй; хотя в самом деле мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условиями: однако ж сей договор был подписан Троекуровым уже в крайности, когда Паны объявили ему отпуск. Мы желали длить время, в надежде на будущее, и видя доброе расположение к миру в земле неприятельской. Сам Архиепископ Гнезненский в беседе с Царским чиновником (Новосильцовым, посланным тогда в Вену) сказал ему, что Россия имеет одного непримиримого врага в Литве и в Польше: Батория, коему жить недолго; что у него открылись на ноге опасные раны и что медики не смеют целить их, боясь тем ускорить его смерть; что Стефан не любим народом за безмерное славолубие и за худое обхождение с супругою; что и Вельможи и Дворянство хотят быть под рукою Феодора, зная Христианские добродетели сего Венценосца, ум и благость Царицы, мудрость и высокие достоинства *Правителя*, Бориса Федоровича Годунова. «Сей муж знаменитый (продолжал Архиепископ) питал, утешал наших пленников, когда они еще сидели в темнице и, дав им

свободу, милостиво угостил в своих палатах, одарив каждого сукнами и деньгами. Слава его везде разносится. Вы счастливы, имея ныне Властителя подобного Алексею Адашеву, великому человеку, который управлял Россией в Царствование Иоанново». Еще недовольный таким сравнением, Новосильцов уверял, что Годунов превосходит Адашева и знаменитостью сана и глубоким разумом. – Одним словом, здравая Политика нудила нас удалять войну, сколько возможно. Еще Стефан бодрствовал духом и телом, отпуская Князя Троекурова; величавый и гордый в приветствиях, с видом суровым дал ему руку; велел кланяться Феодору... и сим заключил свои деяния в отношении к России, которая ненавидела и чтит его: ибо он, враждуя нам, исполнял законный долг, предписываемый Государю пользою Государства, и лучше легкомысленных Панов ведал невозможность истинного мира и трудность соединения Королевства их с Царством Московским. Уже Баторий назначил день Сейма в Варшаве, чтобы утвердить будущую судьбу Королевства заблаговременным избранием своего преемника, истиною и

красноречием оживить в сердцах любовь к отечеству, ревность ко славе; наконец исторгнуть согласие на войну с Россиею. Но Судьба не благоприятствовала замыслам великого мужа, как увидим в следующей главе.

В сих последних сношениях с Баторием Правительство наше имело еще особенную, тайную цель: хотело возвратить отечеству изгнанников и беглецов Иоаннова Царствования, не столько из милосердия, сколько для государственной выгоды. Слыша, что некоторые из них желают, но боятся ехать в Россию, Царь посылал к ним милостивые грамоты – именно к Князю Гаврилу Черкасскому, Тимофею Тетерину, Мурзе Купкееву, Девятому Кашкарову к самому изменнику Давиду Бельскому (свойственнику Годунова) – обещая им забвение вины, чины и жалованье, если они с раскаянием и с усердием явятся в Москве, чтобы доставить нам все нужные сведения о внутреннем состоянии Литвы, о видах и способах ее Политики. Феодор прощал всех беглецов, кроме несчастного Курбского (вероятно, что его уже не было на свете) и кроме нового изменника, Михайла Голови-

на: выведав от него много тайного о России, Баторий имел у нас и собственных лазутчиков, между купцами Литовскими: для чего Феодор велел им торговать единственно в Смоленске, запретив ездить в Москву.

Стараясь удалить разрыв с Литвою, но ожидая его непрестанно, Царь оказывал тем более миролюбия и снисходительности в делах с Шведским Королем, чтобы вдруг не иметь двух неприятелей, однако ж не забывая достоинства России, чувствуя необходимость загладить ее стыд возвратом нашей древней собственности, похищенной Шведами, и только отлагая войну до удобнейшего времени. Сведав о кончине Иоанновой, Эстонский наместник де-ла-Гарди спрашивал у Новгородского Воеводы, Князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина, хотим ли мы наблюдать договор, заключенный на берегу Плюсы, и будут ли наши Послы в Стокгольме для условия о вечном мире? Но в письме своем, как бы желая досадить Царю, он назвал Короля *Великим Князем Ижерским и Шелонския пятины в земле Русской*. Ему отвечали, что Россия никогда не слыхала о Шведском Вели-

ком Князе пятины Шелонской; что он (де-ла-Гарди) может извиниться единственно неведением государственных обычаев, будучи иноземцем и пришлецом, удаленным от Двора и дел Думных; что Царь исполняет договор отца своего, не любит бедствий войны и ждет послов Шведских, а своих не может отправить в Стокгольм. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди в новом письме к Шуйскому говорил о старом невежестве, о безумной гордости Россиян, еще необразумленных худыми ее следствиями. «Знайте (писал он), что меня не именуют чужеземцем в *высокохвальном* Королевстве Шведском: правда, нередко удаляюсь от двора, но единственно для того, чтобы учить вас смирению. Вы не забыли, думаю, сколько раз мои знамена встречались с вашими; то есть, сколько раз вы уклоняли их предо мною и спасались бегством?» Ответом на сию непристойность было молчание презрения. Еще благоразумнее и достохвальнее поступил Феодор в личном сношении с Королем Иоанном. Предлагая нам не возобновлять губельного кровопролития, Иоанн в грамоте к Царю употребил следующее выражение:

«отец твой, терзая собственную землю, питаюсь кровию подданных, был злым соседом и для нас и для всех иных Венценосцев». Сию грамоту Феодор возвратил Королю, велев сказать гонцу его, что к сыну не пишут так о родителе! Но слова не мешали делу: Боярин, Князь Федор Дмитриевич Шестунов, и Думный Дворянин Игнатий Татищев, съехались (25 Октября 1585) на устье Плюсы, близ Нарвы, с Шведскими знатными сановниками, Класом Тоттом, де-ла-Гардием и другими. Шведы требовали Новагорода и Пскова, а мы и взятых ими городов Российских и всей Эстонии, и семисот тысяч рублей деньгами; смягчались, уступали с обеих сторон и не могли согласиться. Шведы грозили нам союзом с Баторием и нанятием ста тысяч воинов: мы грозили им силою одной России, прибавляя: «не имеем нужды, подобно вам, закладывать города свои и нанимать воинов; действуем собственными руками и головами». Последние наши условия для мира, отвергнутые Шведами, состояли в том, чтобы Король возвратил нам Иваньгород, Яму, Копорье за 10000 рублей или 20000 Венгерских червонцев. Сказа-

ли: «Да будет же война!» Но одумались, и в Декабре 1585 года утвердили перемирие на четыре года без всяких уступок, с обязательством вновь съехаться Послам обеих держав в Августе 1586 года для соглашения о мире вечном. – Во время сих переговоров надменный де-ла-Гарди утонул в Нарове.

Еще две Державы Европейские находились тогда в сношениях с Феодором: Австрия и Дания. Известив Рудольфа о своем воцарении, он предлагал ему дружбу и свободную торговлю между их Государствами. Сановника Московского, Новосильцова, честили в Праге, где жил Император: не только Австрийские Министры, но и Легат Римский, Послы Испанский, Венецианский, давали ему обеды; расспрашивали его о Востоке и Севере; о Персии, землях Каспийских и Сибири; славили могущество Царя и хвалили разум Посланника, действительно разумного, как то свидетельствуют его бумаги. Он доносил Боярский Думе, что Рудольф занимался более своею великолепною конюшнею, нежели правлением, уступив тягостную для него власть умному Вельможе Адаму Дитрихштей-

ну; что Император, бедный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тем грозу меча Оттоманского; что состояние Европы печально; что Австрия бедствует в мире, а Франция в войне междоусобной; что Филипп II, подозревая сына (Карлоса) в умысле на жизнь отца, думает объявить наследником Испании Эрнеста, цесарева брата. В сих донесениях Новосильцов описывает и предметы гражданской жизни, плоды народного образования, заведения полезные или приятные, им виденные и неизвестные в России, даже сады и теплицы, исполняя Посольский наказ любопытного Годунова. Министры Австрийские за тайну объявили ему желание утвердить союз с Россиею, чтобы низвергнуть Батория и разделить его Королевство; но сия мысль, излишно смелая для слабого Рудольфа, осталась без действия: Император хотел послать к Царю собственного Вельможу, и не сдержал слова, написав с Новосильцовым единственно учтливое письмо к Феодору.

Фридерик, Король Датский, быв в явной недружбе с Иоанном, спешил уверить нового

Царя в искреннем доброжелательстве; прислал в Москву знатного чиновника; писал с ним, что всемирная слава о *Христианском нраве и чувстве* Феодоровом дает ему надежду прекратить все старые неудовольствия и возобновить дружественные связи с Россией, государственные и торговые. Сии связи действительно возобновились, и Дания уже не мыслила тревожить нашей морской Северной торговли, желая только участвовать в ее выгодах.

Будучи в мире – по крайней мере на время – с Христианскою Европою, Россия, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однако же непрестанно береглась Тавриды. Магмет-Гирей, обещая союз и Царю и Литве, тайно сносясь с Черемисою и явно посылая толпы разбойников в наши юго-восточные пределы, пал от руки брата, Ислам-Гирея, который с Янычарскою дружиною и с именем Хана прибыл из Константинополя. Убийством наследовав и трон и Политику своего предместника, Ислам писал к Феодору: «Отец твой купил мир с нами десятью тысячами рублей, сверх мехов драгоценных, присланных от вас мое-

му брату. Дай мне еще более – и мы раздавим Литовского недруга: с одной стороны мое войско, с другой – Султанское, с третьей – Ногаи, с четвертой полки твои устремятся на его землю», – и в то же время Крымские шайки, вместе с Азовцами, с Ногаями Казыева Улуса, жгли селения в уездах Белевском, Козельском, Воротынском, Мещовском, Мосальском: Думный дворянин, Михайло Безнин, с легкою конницею встретил их на берегу Оки, под Слободою Монастырскою, разбил наголову, отнял пленников и получил от Царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза Крымцы, числом от тридцати до сорока тысяч, злодействовали в Украине: в июне 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы Московские били, гнали их, следом пепла и крови; не отходили от берегов Оки; стояли в Туле, в Серпухове, ожидая самого Хана. Таврида уподоблялась для нас ядовитому гаду, который издыхает, но еще язвит смертоносным жалом: ввергала огонь и смерть в пределы России, невзирая на свое изнурение и бедствия, коих она была тогда жертвою. Сыновья Магмет-Гиреевы, Сайдет и Мурат, изгнанные дядею, (в

1585 году) возвратились с пятнадцатью тысячами Ногаев, свергнули Ислам-Гирея с престола, взяли его жен, казну, опустошили все Улусы. Сайдет назвался Ханом; но Ислам, бежав в Кафу, через два месяца снова изгнал племянников, с 4000 Султанских воинов одержав над ними победу в кровопролитной сече; умертвил многих Князей и Мурз, обвиняемых в измене; окружил себя Турками и дал им волю насильствовать, убивать и грабить. Пользуясь сими обстоятельствами, Царь предложил убежище изгнанникам Сайдету и Мурату: дозволил первому кочевать с толпами Ногайскими близ Астрахани; звал второго в Москву, честил, обязал присягою в верности и с двумя Воеводами отпустил в Астрахань, где надлежало ему быть орудием нашей политики и где встретили его как знаменитого Князя Владетельного: войско стояло в ружье; в крепости и в пристани гремели пушки, били в набаты и в бубны, играли в трубы и в сурны. В сем древнем городе, наполненном купцами Восточными, Мурат явился с великолепием Царским: открыл пышный двор; торжественно принимал соседственных Князей и Послов

их, держа в руке хартию Феодорову с золотою печатью, именовал себя владыкою четырех рек: Дона, Волги, Яика и Терека, всех вольных Улусников и Козаков; хвалился растоптать Ислама и смирить надменного Султана; говорил: «милостию и дружбою Царя Московского будем Царями: брат мой Крымским, я Астраханским; для того *великие люди* Российские даны мне в службу». Так говорил он своим единоверцам, а Воеводу Астраханского, Князя Федора Михайловича Лобанова-Ростовского, тайно убеждал избавить его от строгого, явно-го присмотра, дабы Ногаи и Крымцы имели к нему более доверенности и не видали в нем раба Московского: ибо Лобанов и другие Воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всеми движениями Мурата. Величаясь знаками наружного уважения, он ездил в мечеть сквозь ряды многочисленных стрельцов, но не мог ни с кем объясняться без свидетелей. Между тем служил нам ревностно: склонял Ногаев к тишине и к покорности; уверял, что Царь единственно для их безопасности и для обуздания хищных Козаков строит города на Самаре и на Уфе; грозил огнем и мечом мя-

тежному Князю сей Орды, Якшисату, за неприязнь к России, и вместе с братом своим, Сайдетом, готовился ударить на Тавриду, с Ногаями, Козаками, Черкесами, ожидая только Феодорова повеления, пушек и десяти тысяч обещанных ему стрельцов для сего предприятия.

(1585—1587 гг.) Но Царь медлил. Опасаясь Стефана гораздо более, нежели Ислама, и неуверенный в мире с первым, он писал к Мурату (в феврале 1587 года): «Благоприятное время для завоевания Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирить иного врага, сильнейшего. Будь готов с верными Ногаями и Козаками идти к Вильне, где встретишься со мною; и когда управимся с своим Литовским недругом, тогда легко истребим и вашего: поздравим Сайдет-Гирея Ханом Улусов Крымских». А к Исламу приказывал государь в сие же время: «Хан Сайдет-Гирей, Царевич Мурат, Князья Ногайские, Черкесские, Шавкальские, Тюменские и Горские молят нас о дозволении свергнуть тебя с престола. Еще удерживаем их на время; еще можем забыть твои разбои, буде искренно желаешь

ополчиться на Литву, когда выйдет срок перемирия, заключенного нами с ее властителем кровожадным: ибо мы верны слову и договорам. Я сам поведу рать свою от Смоленска к Вильне; а ты с главною силою иди в Волынию, в область Галицкую и далее; вели иной рати идти к Путивлю, где она соединится с нашею Северскою, чтобы осадить Киев, имея с правой стороны мое войско Астраханское, коему должно с Царевичем Муратом также вступить в Литву. Испытав худые следствия впадений в Россию, испытай счастья союзом с нею». Предвидя, что Сайдет, низвергнув Ислама, подобно ему сделался бы для нас атаманом разбойников, и что мы променяли бы только одного варвара на другого, Феодор обольщал сыновей Магмет-Гиреевых Крымским Ханством, а Хана ужасал ими, чтобы иметь более силы для войны с Баторием. Сия хитрость не осталась без действия: Ислам, боясь племянников, уверял Феодора, что впадения Крымцев в Россию происходили от своевольства некоторых Мурз, казненных за то без милосердия; что он ждет Московского Посла с шертною грамотою и наступит всеми силами

на Литву. Ислам в самом деле объявил своим Улусникам, что им до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Феодорову!

Всего более занимаясь Баторием, Швециею, Тавридою, мы видели опасность важную и с другой стороны, будучи в соседстве с державою страшною для целой Европы, и конечно не имели нужды в предостережениях Австрийского Двора, чтобы ожидать грозы с берегов Воспора. Трофеи Султанские в наших руках, замысел Солиманов на Астрахань, бегство и гибель Селимовой рати в пустынях Каспийских, не могли остаться без следствия: вся хитрость Московской Политики должна была состоять в том, чтобы удалить начало неминуемого, ужасного борения до времен благоприятнейших для России, коей надлежало еще усилиться и внешними приобретениями и внутренним образованием, дабы вступить в смертный бой с сокрушителями Византийского Царства. Так действовали Иоанн Великий, сын, внук его, умев даже иногда приязнию Султанов обуздывать и Крым и Литву; того хотел и Феодор, отправив (в Июле 1584 года) посланника Благова в Константи-

нополь, известить Султана о восшествии своем на престол, объяснить ему миролюбивую систему России, в рассуждении Турции, и склонить Амурата к дружественной связи с нами. «Наши прадеды (Иоанн и Баязет), – писал Феодор к Султану, – деды (Василий и Солиман), отцы (Иоанн и Селим) назывались братьями, и в любви ссылались друг с другом: да будет любовь и между нами. Россия открыта для купцов твоих, без всякого завета в товарах и без пошлины. Требуем взаимности, и ничего более». А посланнику велено было сказать пашам Амуратовым следующее: «Мы знаем, что вы жалуетесь на разбой Терских Козаков, мешающих сообщению между Константинополем и Дербентом, где ныне Султан властвует, отняв его у Шаха Персидского: отец Государев, Иоанн, для безопасности Черкесского Князя, Темгрюка, основал крепость на Тереке, но в удовольствие Селима вывел оттуда своих ратников: с сего времени живут в ней Козаки Волжские, опальные беглецы, без Государева ведома. Жалуетесь еще на утеснение Магометанской Веры в России: но кого же утесняем? В сердце Московских вла-

дений, в Касимове, стоят мечети и памятники Мусульманские: Царя Шиг-Алея, Царевича Кайбулы. Саин-Булат, ныне Симеон, Великий Князь Тверской, принял Христианство добровольно, а на место его сделан Царем Касимовским Мустафалей, Закона Магометова, сын Кайбулин. Нет, мы никогда не гнали и не гоним иноверцев». Не имея приказа входить в дальнейшие объяснения, Благов, честимый в Константинополе наравне с Господарем Волошским и более Посла Венецианского, не без труда убедил Амурата послать собственного чиновника в Москву. Паши говорили: «Султан есть великий Самодержец; Послы его ездят только к знаменитым Монархам: к Цесарю, к Королю Французскому, Испанскому, Английскому: ибо они имеют с ним важные дела государственные и *присылают ему казну или богатую дань*; а с вами у нас одни купеческие дела». Благов отвечал: «Султан велик между Государями Мусульманскими, Царь велик между Христианскими. Казны и дани не присылаем никому. Торговля важна для Государств: могут встретиться и другие дела важнейшие; но если Султан не отправит

со мною знатного чиновника в Москву, то Послам его уже никогда не видать очей Царских». Султан велел надеть на Благова кафтан бархатный с золотом и ехать с ним в Москву Чаушу своему, Адзию Ибрагиму, коего встретили, на берегах Дона, Воеводы Российские, высланные для безопасности его путешествия. Вручив Феодору письмо Султанское (в Декабре 1585), Ибрагим отказался от всяких переговоров с Боярами; а Султан, называя Феодора *Королем Московским*, изъявлял ему благодарность за добрую волю быть в дружбе с Оттоманскою Империею, подтверждал свободу торговли для наших купцев в Азове и восточным слогом превозносил счастье мира; но требовал в доказательство искренней любви, чтобы Царь выдал Ибрагиму изменника, Магмет-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унял Донского Атамана, Кишкина, злого разбойника Азовских пределов. Видя, что система Константинопольского Двора в отношении к России не изменилась – что Султан не думает о заключении дружественного, государственного договора с нею, желая единственно свободной торговли между обеими

Державами, до первого случая объявить себя нашим врагом, Царь отпустил Ибрагима с ответом, что на Дону злодействуют более Козаки Литовские, нежели Российские; что Атаман Кишкин отозван в Москву и товарищам его не велено тревожить Азовцев; что о сыне Магмет-Гирееве, нашем слуге и присяжнике, будет наказано к Султану с новым Послом Царским. Но в течение следующих шести лет мы уже никого не посылали в Константинополь, и даже явно действовали против Оттоманской Империи.

В самый день Ибрагимова отпуска (5 Октября 1586) Государь торжественно вступил в обязательство, которое могло и должно было быть весьма неприятно для Султана. Около ста лет мы не упоминали о Грузии: в сей несчастной земле, угнетаемой Турками и Персиянами, властвовал тогда Князь, или Царь, Александр, который прислав в Москву Священника, Монаха и наездника Черкесского, слезно молил Феодора взять древнюю знаменитую Иверию под свою высокую руку, говоря: «Настали времена ужасные для Христианства, предвиденные многими боговдохно-

венными мужами. Мы, единоверные братья Россиян, стенаем от злочестивых: един ты, Венценосец Православия, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебе челом до лица земли со всем народом: да будем твои во веки веков!» Столь убедительно и жалостно предлагали России новое Царство, неодолимое для воинственных древних Персов и Македонян, блестящее завоевание Помпеево! Она взяла его: дар опасный! ибо мы, господством на берегах Кура, ставили себя между двумя сильными, воюющими державами. Уже Турция владела Западною Ивериею и спорила с Шахом о Восточной, требуя дани с Кахетии, где Царствовал Александр, и с Карталинии, подвластной Князю Симеону, его зятю. Но дело шло более о чести и славе нашего имени, нежели о существенном господстве в местах столь отдаленных и едва доступных для России, так, что Феодор, объявив себя верховным владыкою Грузии, еще не знал пути в сию землю! Александр предлагал ему основать крепости на Тереке, послать тысяч двадцать воинов на мятежного Князя Дагестанского, Шавкала (или Шамхала), овладеть его столи-

цею, Тарками, и берегом Каспийского моря открыть сообщение с Ивериею чрез область ее данника, Князька Сафурского. Для сего требовалось немало времени и приготовлений: избрали другой, вернейший путь, чрез землю мирного Князя Аварского; отправили сперва гонцов Московских, чтобы обязать Царя и народ Иверский клятвою в верности к России; а за гонцами послали и знатного сановника, Князя Симеона Звенигородского, с жалованною грамотою. Александр, целуя крест, клялся вместе с тремя сыновьями, Ираклием, Давидом и Георгием, вместе со всею землею, быть в вечном, неизменном подданстве у Феодора, у *будущих* его детей и наследников, иметь одних друзей и врагов с Россиею, служить ей усердно *до издыхания*, присылать ежегодно в Москву пятьдесят златотканых камок Персидских и десять ковров с золотом и серебром, или, в их цену, собственные узоры чья земли Иверской; а Феодор обещал всем ее жителям *бесстрашное пребывание в его державной защите*— и сделал, что мог.

В удовольствие Султана оставленный нами городок *Терский*, несколько времени слу-

жив действительно пристанищем для одних Козаков вольных, был немедленно исправлен и занят дружинами стрельцов под начальством Воеводы, Князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть России над Князьями Черкесскими и Кабардинскими, ее присяжниками со времен Иоанновых, и вместе с ними блюсти Иверию. Другое Астраханское войско смирило Шавкала и завладело берегами Койсы. Доставив Александру снаряд огнестрельный, Феодор обещал прислать к нему и мастеров искусных в литии пушек. Ободренный надеждою на Россию, Александр умножил собственное войско: собрал тысяч пятнадцать всадников и пеших; вывел в поле, строил, учил; давал им знамена крестоносные, Епископов, Монахов в предводители, и говорил Князю Звенигородскому: «Слава Российскому Венценосцу! Это не мое войско, а Божие и Феодорово». В сие время Паши Оттоманские требовали от него запасов для Баки и Дербента: он не дал, сказав: «Я холоп великого Царя Московского!» и на возражение их, что Москва далеко, а Турки близко, отвечал: «Терек и Астрахань

недалеко». Но Царская наша Дума благоразумно советовала ему манить Султана и не раздражать до общего восстания Европы на Оттоманскую Империю. Встревоженный слухом, что Царевич Мурат, будучи зятем Шавкаловым, мыслит изменить нам, тайно ссылаясь с тестем, с Ногаями, с вероломными Князьями Черкесскими, чтобы незапно овладеть Астраханью и отдать ее Султану, Александр заклинал Государя не верить Магометанам, прибавляя: «Если что сделается над Астраханью, то я кину свое бедное Царство и побегу, куда несут очи». Но Князь Звенигородский успокоил его. «Мы не спускаем глаз с Мурата (говорил он) и взяли аманатов у всех Князей Ногайских, Казыева Улуса и Заволжских. Султан с Ханом постыдно бежали от Астрахани (в 1569 году); а ныне она еще более укреплена и наполнена людьми воинскими. Россия умеет стоять за себя и своих». Между тем, занимаясь государственною безопасностью Иверии, мы усердно благодетельствовали ей в делах Веры: прислали ученых Иереев исправить ее церковные обряды и живописцев для украшения храмов святыми иконами. Александр с уми-

лением повторял, что жалованная грамота Царская упала ему с неба и вывела его из тьмы на свет: что наши священники суть Ангелы для Духовенства Иверского, омраченного невежеством. В самом деле, славясь древностию Христианства в земле своей, сие несчастное Духовенство уже забывало главные уставы Вселенских Соборов и святые обряды богослужения. Церкви, большею частию на крутизне гор, стояли уединенны и пусты: осматривая их с любопытством, Иереи Московские находили в некоторых остатки древней богатой утвари с означением 1441 года: «Тогда, — изъяснял им Александр, — владел Ивериею великий деспот Георгий; она была еще единым Царством: к несчастью, прадед мой разделил ее на три Княжества и предал в добычу врагам Христовым. Мы окружены неверными; но еще славим Бога истинного и Царя благоверного». Князь Звенигородский именем России обещал свободу всей Иверии, восстановление ее храмов и городов, коих он везде видел развалины, упоминая в своих доносениях о двух бедных городках, Крыме и Загеме, некоторых селениях и монастырях. С то-

го времени Феодор начал писаться в титуле *Государем земли Иверской, Грузинских Царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских Князей.*

Восстановлением Терской крепости и присвоением Грузии досаждая Султану, мы еще более возбуждали его негодование дружбою с Персиею. Известив Феодора о своих мнимых победах над Турками, шах Годабенд (или Худабендей) предложил ему изгнать Турков из Баки и Дербента, обязываясь уступить нам в вечное владение сии издавна Персидские города, если и сам возьмет их. Чтобы заключить союз на таком условии, Феодор послал к Шаху (в 1588 году) Вворянина Васильчикова, который нашел Годабенда уже в темнице: воцарился сын его, Мирза Аббас, свергнув отца. Но сия перемена не нарушила доброго соглашения между Россиею и Персиею. Новый Шах, с великою честью приняв в Казбине сановника Феодорова, послал двух Вельмож, Бутакбека и Андибея, в Москву, объявить Царю, что уступает нам не только Дербент с Бакою, но и Таврис и всю Ширванскую землю, если нашим усердным содействием Турки будут вытесне-

ны оттуда; что Султан предлагал ему мир, желая выдать дочь свою за его племянника, но что он (Аббас) не хочет и слышать о сем, в надежде на союз России и Венценосца Испанского, коего Посол находился тогда в Персии. Особенно представленные Годунову, Вельможи Шаховы сказали ему: «Если Государи наши будут в искренней любви и дружбе, то чего не сделают общими силами? Мало выгнать Турков из Персидских владений: можно завоевать и Константинополь. Но такие великие дела совершаются людьми ума великого: какая для тебя слава, муж знаменитый и достоинствами и милостию Царскою, если твоими мудрыми советами избавится мир от насилия Оттоманов!» Им ответствовали, что мы уже действуем против Амурата; что войско наше на Тереке и заграждает путь Султанскому от Черного моря к Персидским владениям; что другое, еще сильнейшее, в Астрахани; что Амурат велел было своим Пашам идти к морю Каспийскому, но удержал их, сведав о новых Российских твердынях в сих местах опасных, о соединении всех Князей Черкесских и Ногайских, готовых под Московскими знаме-

нами устремиться на Турков. С сим отпустили Послов, сказав, что наши выедут вслед за ними к шаху; но они еще не успели выехать, когда узнали в Москве о мире Аббаса с Султаном.

Так действовала внешняя, и мирная и честолюбивая политика России в течение первых лет Феодорова Царствования или Годунова владычества, не без хитрости и не без успеха, более осторожно, нежели смело, – грозя и маня, обещая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но к ней готовились, везде укрепляясь, везде усиливая рать: желая как бы невидимо присутствовать в ее станах, Феодор учредил общие смотры, избирая для того воинских Царедворцев, способных, опытных, которые ездили из полку в полк, чтобы видеть исправность каждого, оружие, людей, устройство, и доносить Государю. Воеводы, неуступчивые между собою в зловердных спорах о родовом старейшинстве, без прекословия отдавали себя на суд Дворянам, Стольникам, Детям Боярским, представлявшим лицо Государево в сих смотрах.

Внутри Царства все было спокойно. Прави-

тельство занималось новою описью людей и земель пашенных, уравнием налогов, населением пустынь, строением городов. В 1584 году Московские Воеводы, Нащокин и Волохов, основали на берегу Двины город Архангельск, близ того места, где стоял монастырь сего имени и двор купцев Английских. Астрахань, угрожаемую Султаном и столь важную для наших торговых и государственных дел с Востоком, для обуздания Ногаев, Черкесских и всех соседственных с ними Князей, укрепили каменными стенами. В Москве, вокруг Большого Посада, заложили (в 1586 году) Белый, или Царев город, начав от Тверских ворот (строителем оного назван в летописи Русский художник Конон Федоров), а в Кремле многие палаты: Денежный Двор, Приказы Посольский и Поместный, Большой Приход или Казначейство, и дворец Казанский. Упомянем здесь также о начале нынешнего Уральска. Около 1584 года шесть или семь сот Волжских Козаков выбрали себе жилище на берегах Яика, в местах привольных для рыбной ловли; окружили его земляными укреплениями, и сделались ужасом Ногаев, в особенности Кня-

зя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался Царю на их разбои и коему Царь всегда ответствовал, что они беглецы, бродяги, и живут там самовольно; но Урус не верил и писал к нему: «Город столь значительный может ли существовать без твоего ведома? Некоторые из сих грабителей, взятые нами в плен, именуют себя людьми Царскими». Заметим, что тогдашнее время было самым цветущим в истории наших Донских или Волжских Козаков-витязей. От Азова до Искера гремела слава их удальства, раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаев, утверждая власть Московских Венценосцев над севером Азии.

В сих обстоятельствах, благоприятных для величия и целости России, когда все доказывало ум и деятельность правительства, то есть Годунова, он был предметом ненависти и злых умыслов, несмотря на все его уловки в искусстве обольщать людей. Сносясь от лица своего с Монархами Азии и Европы, меняясь дарами с ними, торжественно принимая их Послов у себя в доме, высокомерный Борис желал казаться скромным: для того уступал

первые места в Совете иным старейшим Вельможам; но, сидя в нем на *четвертом* месте, одним словом, одним взором и движением перста заграждал уста противоречию. Вымышлял отличия, знаки Царской милости, чтобы пленять суетность Бояр, и для того ввел в обыкновение званые обеда, для мужей Думных, во внутренних комнатах дворца, где Феодор угощал вместе и Годуновых и Шуйских, иногда не приглашая Бориса: хитрость бесполезная! Кого *Великий Боярин* приглашал в сии дни к своему обеду, тому завидовали гости Царские. Все знали, что Правитель оставляет Феодору единственно имя Царя – и не только многие из первых людей государственных, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь к Борису. Господство беспредельное в самом достойном Вельможе бывает противно народу. Адашев имел некогда власть над сердцем Иоанновым и судьбою России, но стоял смиренно за Монархом умным, пылким, деятельным, как бы исчезая в его славе: Годунов самовластвовал явно и величался пред троном, закрывая своим надмением слабую тень Венценосца. Жалели о ни-

чтожности Феодоровой и видели в Годунове хищника прав Царских; помнили в нем Чето-во Могольское племя и стыдились унижения Рюриковых державных наследников. Лъстцов его слушали холодно, неприятелей со вниманием, и легко верили им, что зять Малютин, временщик Иоаннов, есть тиран, хотя еще и робкий! Самыми общественными благодеяниями, самыми счастливыми успехами своего правления он усиливал зависть, острил ее жало и готовил для себя бедственную необходимость действовать ужасом; но еще старался удалить сию необходимость: для того хотел мира с Шуйскими, которые, имея друзей в Думе и приверженников в народе, особенно между людьми торговыми, не представляли враждовать Годунову, даже открыто. Первосвященник Дионисий взялся быть миротворцем: свел врагов в своих палатах Кремлевских, говорил именем отечества и Веры; тронул, убедил – так казалось – и Борис с видом умиления подал руку Шуйским: они клялись жить в любви братской, искренно добротствовать друг другу, вместе радеть о государстве – и Князь Иван Петрович Шуйский с

лицом веселым вышел от Митрополита на площадь к Грановитой палате известить любопытный народ о сем счастливом мире: доказательство, какое живое участие принимали тогда граждане в делах общественных, уже имев время отдохнуть после *Грозного*. Все слушали любимого, уважаемого Героя Псковского в тишине безмолвия; но два купца, выступив из толпы, сказали: «Князь Иван Петрович! вы миритесь нашими головами: и нам и вам будет гибель от Бориса!» Сих двух купцев в ту же ночь взяли и сослали в неизвестное место, по указу Годунова, который, желав миром обезоружить Шуйских, скоро увидел, что они, не уступая ему в лукавстве, под личиною мнимого нового дружества оставались его лютыми врагами, действуя заодно с иным, важным и дотоле тайным неприятелем Великого Боярина.

Хотя Духовенство Российское никогда сильно не изъявляло мирского властолюбия, всегда более угождая, нежели противясь воле Государей в самых делах церковных; хотя, со времен Иоанна III, Митрополиты наши в разных случаях отзывались торжественно, что

занимаются единственно устройством бого-служения, Христианским учением, совестью людей, спасением душ: однако ж, присутствуя в Думах земских, сзываемых для важных государственных постановлений – не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданские – имея право советовать Царю и Боярам, толковать им уставы Царя Небесного для земного блага людей – сии Иерархии участвовали в делах правления соответственно их личным способностям и характеру Государей: мало при Иоанне III и Василии, более во время детства и юности Иоанна IV, менее в годы его тиранства. Феодор, духом младенец, превосходя старцев в набожности, занимаясь Церковию ревностнее, нежели Державною, беседуя с Иноками охотнее, нежели с Боярами, какую государственную важность мог бы дать сану Первосвященства, без руководства Годунова, при Митрополите честолюбивом, умном, сладкоречивом? ибо таков был Дионисий, прозванный *мудрым Грамматиком*. Но Годунов не для того хотел державной власти, чтобы уступить ее Монахам: чистил Духовенство, как и Бояр, только знаками

уважения, благосклонно слушал Митрополита, рассуждал с ним, но действовал независимо, досаждая ему непреклонностью своей воли. Сим объясняется неприязненное расположение Дионисия к Годунову и тесная связь с Шуйскими. Зная, что правитель велик Царицею – думая, что слабодушный Феодор не может иметь и сильной привязанности, ни к Борису, ни к самой Ирине; что действием незапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному – Митрополит, Шуйские, друзья их тайно условились с гостями Московскими, Купцами, некоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именем всей России торжественно ударить челом Феодору, чтобы он развелся с неплодною супругою, отпустив ее, как вторую Соломонию, в монастырь, и взял другую, дабы иметь наследников, необходимых для спокойствия Державы. Сие моление народа, будто бы устрашаемого мыслию видеть конец Рюрикова племени на троне, хотели подкрепить волнением черни. Выбрали, как пишут, и невесту: сестру Князя Федора Ивановича Мстиславского, коего отец, низверженный Годуновым, умер, в Кириллов-

ской области. Написали бумагу; утвердили оную целованием креста... Но Борис, имея множество преданных ему людей и лазутчиков, открыл сей ужасный для него заговор еще вовремя, и поступил, казалось, с редким великодушием: без гнева, без укоризн хотел усовестить Митрополита; представлял ему, что развод есть беззаконие; что Феодор еще может иметь детей от Ирины, цветущей юностию, красотою и добродетелию; что во всяком случае трон не будет без наследников, ибо Царевич Димитрий живет и здравствует. Обманутый, может быть, сею кротостию, Дионисий извинялся, стараясь извинить и своих единомышленников ревностною, боязливою любовью к спокойствию России, и дал слово, за себя и за них, не мыслить более о разлучении супругов нежных; а Годунов, обещаясь не мстить ни виновникам, ни участникам сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную Княжну Мстиславскую, как опасную совместницу Ирины, постригли в Монахини. Все было тихо в столице, в Думе и при дворе; но недолго. Чтобы явно не нарушить данного обещания, Годунов лицемерно со-

вестный, искал другого предлога мести, оправдываясь в уме своем злобою врагов непримиримых, законом безопасности собственной и государственной, всеми услугами, оказанными им России и еще замышляемыми в ревности к ее пользе – искал и не усомнился прибегнуть к средству низкому, к ветхому орудию Иоаннова тиранства: ложным доносам. Слуга Шуйских, как уверяют, продал ему честь и совесть; явился во дворце с известом, что они в заговоре с Московскими купцами и думают изменить Царю. Шуйских взяли под стражу; взяли и друзей их, Князей Татевых, Урусовых, Колычевых, Быкасовых, многих Дворян и купцов богатых. Нарядили суд; допрашивали обвиняемых и свидетелей; людей знатных и чиновных не коснулись телесно, купцов и слуг пытали, безжалостно и бесполезно: ибо никто из них не подтвердил клеветы доносчика – так говорил народ; но суд не оправдал судимых. Шуйских удалили, хвалясь милосердием и признательностию к заслуге Героя Псковского: Князя Андрея Ивановича, объявленного главным преступником, сослали в Каргополь; Князя Ивана Петровича,

будто бы им и его братьями обольщенного, на Белоозеро; у старшего из них, Князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, отняли Каргопольское Наместничество, но дозволили ему, как невинному, жить в Москве; других заточили в Буй-городок, в Галич, в Шую; Князя Ивана Татеева в Астрахань, Крюка-Колычева в Нижний Новгород, Быкасовых и многих дворян на Вологду, в Сибирь, в разные пустыни; а купцам Московским (участникам заговора против Ирины), Федору Нагаю с шестью товарищами, отсекали головы на площади. Еще не трогали Митрополита; но он не хотел быть робким зрителем сей опалы и с великодушною смелостию, торжественно, пред лицом Феодора назвал Годунова клеветником, тираном, доказывая, что Шуйские и друзья их гибнут единственно за доброе намерение спасти Россию от алчного властолюбия Борисова. Так же смело обличал Правителя и Крутицкий Архиепископ Варлаам, грозя ему казнию Небесною и не бояся земной, укоряя Феодора слабостию и постыдным ослеплением. Обоих, Дионисия и Варлаама, свели с престола (кажется, без суда): первого заточили в мона-

стырь Хутынский, второго в Антониев Новгородский, посвятив в Митрополиты ростовского Архиепископа Иова. Опасаясь людей, но уже не страшась Бога, Правитель – так уверяют Летописцы – велел удавить двух главных Шуйских в заточении: Боярина Андрея Ивановича, отличного умом, и знаменитого Князя Ивана Петровича... Спаситель Пскова и нашей чести воинской, муж бессмертный в Истории, коего великий подвиг описан современниками на разных языках Европейских ко славе Русского имени, лаврами увенчанную главу свою предал срамной петле в душевной темнице или в яме! Тело его погребли в обители Св. Кирилла... Так начались злодеяния; так обнаружилось сердце Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное кознями врагов, ожесточенное местию! – Надеясь страхом обуздывать недоброжелательство, милостями умножать число приверженников и мудростию в делах государственных сомкнуть уста злословию, Борис дерзнул тогда же на обман вероломный и новую лютость. Мнимый, единственный в Истории Король Ливонский, бедный Магнус, еще в

Иоанново время кончил жизнь в Нильтене, где вдовствующая супруга его, Мария Владимировна, и двулетняя дочь Евдокия оставались без имени, без отечества, без друзей: Годунов призвал их в Москву, обещая богатый Удел и знаменитого жениха юной вдове, Марии; но *предвидя будущее* – опасаясь, чтобы, в случае Феодоровой и Димитриевой кончины, сия правнука Иоанна Великого не вздумала, хотя и беспримерно, хотя и несогласно с нашими государственными уставами, объявить себя наследницею трона (коим он уже располагал в мыслях) – Борис, вместо удела и жениха, представил ей на выбор монастырь или темницу! Инокinya неволею, Мария требовала одного утешения: не быть разлученною с дочерью; но скоро оплакала ее смерть *неестественную*, как думали, и еще жила лет восемь в глубокой печали, с горькими слезами вспоминая судьбу родителей, мужа и дочери. Сии две жертвы подозрительного беззакония, Мария и Евдокия, лежат в Троицкой Сергиевой Лавре, близ того места, где, вне храма, видим и смиренную, как бы опальную могилу их гонителя, ни величием, ни славою не спасенно-

го от праведной мести Небесной!

Но сия месть еще ожидала дальнейших преступлений... Смирив двор опалою Шуйских, Духовенство свержением Митрополита, а граждан столицы казнию знатных гостей Московских – окружив Царя и заняв Думу своими ближними родственниками, Годунов уже не видал никакого сопротивления, никакой важной для себя опасности до конца Феодоровой жизни – или дремоты: ибо так можно назвать смиренную праздность сего жалкого Венценосца, которую современники описывают следующим образом:

«Феодор вставал обыкновенно в четыре часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещенной днем и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, Святою водою и с иконою Угодника Божия, празднуемого в тот день церковью. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять и более; шел к Ирине, в ее комнаты особенные, и вместе с нею к Заутрене; возвратясь, садился на креслах в большой горнице, где приветствовали его с добрым днем некоторые ближние люди

и Монахи; в 9 часов ходил к Литургии, в 11 обедал, после обеда спал не менее трех часов; ходил опять в церковь к Вечерне и все остальное время до ужина проводил с Царицею, с шутами и с карлами, смотря на их кривлянья или слушая песни – иногда же любуясь работою своих ювелиров, золотарей, швещов, живописцев; ночью, готовясь ко сну, опять молился с Духовником и ложился с его благословением. Сверх того всякую неделю посещал монастыри в окрестностях столицы и в праздничные дни забавлялся медвежьей травлею. Иногда челобитчики окружали Феодора при выходе из дворца: *избывая мирские суеты и докуки*, он не хотел слушать их и посылал к Борису!»

Внутренно радуясь сему уничижительному бездействию Царя, хитрый Годунов тем более старался возвысить Ирину в глазах Россиян, одним ее державным именем, без Феодорова, издавая милостивые указы, прощая, жалую, утешая людей, чтобы общию к ней любви, соединенною с уважением и благодарностию народа, утвердить свое настоящее величие и приготовить будущее.

Глава II

Продолжение царствования Феодора Иоанновича. г. 1587- 1592

Смерть Батория. Важные переговоры с Литвою. Перемирие. Сношения с Австриею и с Тавридою. Война Шведская. Новое перемирие с Литвою. Величие Годунова. Учреждение Патриаршества в России. Замысел Годунова. Убиение Царевича Димитрия. Пожар в Москве. Нашествие Хана и битва под Москвою. Новый сан Годунова. Донской монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердие и слава Годунова. Беременность Ирины. Рождение и кончина Царевны Феодосии.

12 декабря 1586 года скончался Стефан Баторий (или от яда или от неискусства врачей, как думали), один из знаменитейших Венценосцев в мире, один из опаснейших злодеев России, коего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его Державу: ибо мы боялись увидеть в нем нового Гедимиона, нового Витовта; а Польша и Литва неблагодарные

предпочитали дешевое спокойствие драгоценному величию. Если бы жизнь и Гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века: столь зависима судьба Государств от лица и случая, или от воли Провидения!

20 Декабря Боярская Дума получила из разных мест известие о смерти Короля, хотя еще и не совсем достоверное: Воеводы наши с Литовской границы писали о том к Царю как о слухе, прибавляя, что Вельможные Паны мыслят избрать себе в Государи Стефанова брата, Князя Седмиградского, или Шведского Королевича, Сигизмунда, или его (Феодора). Честь и польза сего возможного соединения трех Держав казались Годунову очевидными: немедленно послали Дворянина, Елизария Ржевского, в Литву: удостовериться в Стефановой кончине, изъяснить Панам участие в их горести и предложить им избрание Царя в Короли. Ржевский возвратился из Новагородка с благодарным письмом Литовских Вельмож; но они не хотели входить в переговоры, сказав, что дело столь великое будет решено Сей-

мом в Варшаве, куда Царь должен прислать своих Послов; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Феодор и Бояре Московские пишут к ним слишком холодно, не следуя примеру Императора, Франции и Швеции, которые осыпают их (Панов) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми. Между тем Польша и Литва были в сильном волнении; страсти кипели; Вельможи и Дворянство разделились: одни держали сторону Замоиского, сподвижника Стефанова; другие Зборовских, врагов Батория, так, что они в торжественных собраниях обнажали мечи на усердных читателей его славной памяти. Обе стороны ждали Сейма как битвы: ополчались, нанимали воинов, имели стражу и станы в поле. Но смежная с нами Литва опасалась России; для того знатные Послы, Вельможи Черниковский и Князь Огинский, прибыли в Москву (6 Апреля) и молили Феодора утвердить новою записью перемирие с их сиротствующею Державою до конца 1588 года. Охотно заключая сей договор, Бояре сказали им, что от Вельмож Коронных и Литовских зависит счастье и бедствие отечества: сча-

стие, если поддадутся Великому Монарху России; бедствие, если вновь обратятся к Седмиградскому варвару или к тени Шведского Королевства. «Вы уже имели Батория на престоле (говорили они) и с ним войну, разорение, стыд: ибо руками своего Венценосца платили дань Султану. Можно ли ожидать великодушия от пришельца, низкого родом и духом, алчного единственно к корысти и безжалостного к Христианству? В его ли сердце обитает святая любовь, без коей и власть двигать горы, по выражению Апостола, есть ничто? Не в угодность ли Оттоманам хотите избрать и Шведского Королевича? Без сомнения угодите им: ибо они радуются междоусобию Христиан; а кровопролитие неминуемо, если Сигизмунд с ненавистию к России сядет на престол Ягеллонов. Монарха нашего вы уже знаете, равно великого и милосердного; знаете, что первым действием его воцарения было бескорыстное освобождение ваших пленников: великодушие непонятное для Батория, ибо он торговал Российскими пленниками до конца дней своих. Баторий в могиле, и Феодор не радуется, не мыслит о мести, но изъявляет вам

сожаление и предлагает способ навеки успокоить Литву с Польшею; желает Королевства не для умножения сил и богатства Державы своей (ибо силен и богат Россиею), но для защиты вас от неверных; не хочет никаких прибытков; уступит Панам и Рыцарству все, что земля Королю платила: даст им сверх того поместья в новых Российских владениях и собственною казною воздвигнет крепости на берегах Днепра, Донца и Дона, чтобы нога Оттоманов и Крымцев не топтала ни Киевской, ни Волынской, ни Подольской области. Цари неверные опустят руки; заключенные в своих пределах, едва ли и в них удержатся. Россия возьмет для себя Азов, Кафу, Ханство Крымское; для вас земли Дунайские. Многочисленные воинства ожидают слова Государева, чтобы устремиться... на кого? решите... на врагов ли Христианства, если будете иметь единого Монарха с нами, или на Литву и на Ливонию, если предпочтете нам Шведов. Думайте не о дружбе Султана: ибо какое согласие между светом и тьмою, какое общение верному с неверным? думайте о славе и победе. Что мешает нашему братству? закоренелая ваша, по

грехам, ненависть к России. Обратимся к любви: все зависит от начала, и малый огонь производит великий пламень. Государь Российский, обещая вам безопасность и величие, не требует от вас ничего, кроме *ласки*». Послы убеждали Царя отправить на Сейм кого-нибудь из Вельмож своих, и два Боярина, Степан Васильевич Годунов, Князь Федор Михайлович Троекуров, с знатным Дьяком Васильем Щелкаловым, немедленно выехали из Москвы в Варшаву, имея полную доверенность Государеву и 48 писем к Духовным и к светским, Коронным и Литовским сановникам, но без даров. Федор предлагал Сейму следующие условия:

«1) Государю Российскому быть Королем Польским и Великим Князем Литовским; а народам обеих Держав соединиться вечною, неразрывною приязнию.

2) Государю Российскому воевать *лично*, и всеми силами, Оттоманскую Империю, низвергнуть Хана Крымского, посадить на его место Сайдет-Гирея, слугу России, и заключив союз с Цесарем, Королем Испанским, Шахом Персидским, освободить Молдавию, землю

Волошскую, Боснию, Сербию, Венгрию, от ига Султанского, чтобы присоединить оные к Литве и Польше, коих войско в сем случае будет действовать вместе с Российским.

3) Рать Московская, Казанская, Астраханская, без найма и платы, будет всегда готова для защиты Литвы и Польши.

4) Государю не изменять ни в чем их прав и вольностей без приговора Вельможной Думы: она располагает независимо казною и всеми доходами Государственными.

5) Россиянам в Литве и Польше, Литовцам и Полякам в России вольно жить и совокупляться браком.

6) Государь жалует земли бедным Дворянам Литовским и Польским на Дону и Донце.

7) Кому из ратных людей Стефан Баторий остался должным, тем платит Государь из собственной казны, до ста тысяч золотых монет Венгерских.

8) Деньги, которые шли на содержание крепостей, уже не нужных, между Литвою и Россиєю, употребить обеим Державам на войну с неверными.

9) Россия, изгнав Шведов и Датчан из Эсто-

нии, уступит все города ее, кроме Нарвы, Литве и Польше.

10) Купцам Литовским и Польским открыть свободный путь во все земли Государства Московского и чрез оные в Персию, в Бухарию и другие Восточные страны, также морем к устью Двины, в Сибирь и в великое *Китайское* Государство, где рождаются камни драгоценные и золото».

В письменном наставлении, данном Послам, достойна замечания статья о Царевиче Димитрии, где сказано: «если Паны упомянут о юном брате Государевом, то изъяснить им, что он младенец, не может быть у них на престоле и должен воспитываться в своем отечестве». Правитель готовил ему иную долю!

Нет сомнения, что Феодор, подобно отцу и деду, искренно хотел Королевского сана, чтобы соединить Державы, искони враждебные, узами братства, предлагая Вельможной Думе условия выгодные, с обещаниями лестными, с надеждами блестящими, – жертвуя миллионом нынешних рублей, и в противность главному Иоаннову требованию соглашаясь быть Королем избранным, с властью ограничен-

ною, без всякого наследственного права для его детей или рода. Действительно ли мыслил Царь или Правитель ополчиться на Султана, чтобы завоеванием богатых земель Дунайских усилить Литву и Польшу, которые могли впредь иметь особенных Властителей и снова враждовать России? Но он для такого важного предприятия ставил в условие союз Императора, Испании, Персии, и не входил в обязательство решительное, прельщая воображение Панов мыслию смелую и великою. Готовый по-видимому к уступчивости и снисхождению для успеха в своем искании, Федор оказал и хладнокровную непреклонность, когда Сейм безрассудно потребовал от него жертв несовместных с Православием, достоинством и пользою России.

Бояр наших, Степана Годунова и Князя Троекурова, именем Польской Думы остановили (12 Июля (1587 г.)) в селе Окуневе, в пятнадцати верстах от Варшавы, сказав им, что для них нет безопасного места в столице, исполненной неистовых людей воинских, мятежа и раздоров. Так было действительно. Духовенство, Вельможи, Рыцарство или Шляхта

не могли согласиться в избрании Короля: Замойский и друзья его, в угодность вдовствующей супруге Баториевой, предлагали Шведского Принца, Сигизмунда, сына ее сестры; Зборовские – Австрийского Герцога, Максимилиана; Паны Литовские и Примас, Архиепископ гнезненский, – Феодора; а Султан, доброхотствуя Стефанову брату, грозил им войною, если они, вместо его, изберут Максимилиана или Царя Московского, врагов Оттоманской Империи. Так называемое *Рыцарское коло* место шумных совещаний, представляло иногда зрелище битвы: толпы вооруженных стреляли друг в друга. Наконец условились благоразумно прекратить междоусобие и выставить в поле три знамени: Российское, Цесарское, Шведское, чтобы видеть под каждым число избирателей, и тем решить большинство голосов. Знаменем Феодоровым была *Московская шапка*, Австрийским *шляпа Немецкая*, Шведским *сельдь* – и первое одержало верх: под ним стеклося такое множество людей, что друзья Австрии и Шведов, видя свою малочисленность, от стыда присоединились к нашим. Но сие блестящее торжество

Российской стороны оказалось бесплодным, когда дело дошло до условий.

4 Августа Духовенство, Сенаторы, Дворянство обеих соединенных Держав с великою честью приняли Годунова и Троекурова в *Рыцарском Коле*, выслушали предложения Федоровы и, желая дальнейших объяснений, избрали 15 Вельмож, духовных и светских, которым надлежало съехаться для того с нашими Послами в селе Каменце, близ Варшавы. Там, к удивлению Годунова и Троекурова, сии Депутаты встретили их следующими, неожиданными вопросами: «Соединит ли Государь Московский Россию с Королевством так, как Литва соединилась с Польшею, навеки и неразрывно? приступит ли к Вере Римской? будет ли послушен Наместнику Апостольскому? будет ли венчаться на Королевство и приобщится ли Святых Таин в Латинской Церкви, в Кракове, от Архиепископа Гнезненского? Будет ли в Варшаве чрез 10 недель? и напишет ли в своем титуле Королевство Польское выше Царства Московского?» Бояре ответствовали: «1) Государь желает навеки соединить Литву и Польшу с Россиею так, чтобы они все-

ми силами помогали друг другу в случае неприятельского нападения и чтобы их жители могли свободно ездить из земли в землю: Литовцы к нам, Россияне в Литву, с дозволения Государя. 2) Он родился и будет жить всегда в Греческой Православной Вере, следуя святым обрядам ее; венчаться на Королевство должен в Москве или в Смоленске, в присутствии ваших чинов Государственных; обязывается чтить Папу и не мешать действию его власти над Духовенством Польским, но не допустит его мешаться в дела Греческой Церкви. 3) Царь приедет к вам, когда успеет. 4) *Корона Ягайлова будет под шапкою Мономаха, и титул Феодоров: Царь и Великий Князь всея России, Владимирский и Московский, Король Польский и Великий Князь Литовский.* Если бы и Рим Старый и Рим Новый, или Царствующий град Византия, приложились к нам: то и древнего, славного их имени Государь не поставил бы в своем титуле выше России».

«Итак, Феодор не желает быть нашим Королем, – возразили Паньы: – отказывает решительно, обещает неискренно; пишет, например, что его войско готово защитить нас от

Султана: Турки обыкновенно впадают в нашу землю из Молдавии с Дуная, из Трансильвании, от Белгорода; а войско Московское далеко, еще далее Астраханское и Казанское. Султан, Цесарь, Шведы грозят нам войною в случае, если изберем Короля не по их желанию: что же даст нам Царь, и сколько денег будет давать ежегодно для содержания рати? ибо у нас довольно своих людей: Московских не требуем. Деньги нужны и для того, чтобы усилить сторону ваших доброжелателей на Сейме. Знаете ли, что Император за избрание Максимилиана обязывается тотчас прислать Вельможной Думе 600 тысяч золотых и ежегодно присылать столько же в течение шести лет; а Король Испанский 800 тысяч и столько же ежегодно в течение осьми лет?» – Послы сказали: «У Царя готово многочисленное легкое войско для вашей защиты: Козаки Волжские, Донские и самые Крымцы: ибо Ханом их будет присяжник Государев, Сайдет-Гирей. Царь намерен помогать вам и казною, но без всякого обязательства. Хвалитесь щедростию Австрии и Короля Испанского; но рассудите, что благоверный Царь желает венца Королев-

ского не для своей пользы и чести, а единственно ради вашего спокойствия и величия. Сколько лет Христианская кровь лилася в битвах Россиян с Литвою? Государь мыслит навеки удалить сие бедствие; а вы, Паны, не думая о том, весите золото Испанское и Австрийское! Да будет, как вам угодно; и если казна для вас милее покоя Христианского, то знайте, что Государь не хочет быть купцем, и за деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего Королевства; не хочет питать сребролюбия людей бесчувственных ко благу отечества и вооружать их друг на друга в мятежных распрях Сейма: ибо не любит ни драк, ни беззакония!»

Сия твердость произвела сильное действие в Депутатах: они встали, несколько минут рассуждали между собою тихо и наконец с досадою объявили Послам, что Феодору не быть на престоле Ягеллонов; когда же Годунов и Троекуров предложили им отсрочить избрание Короля и послать Вельмож в Москву для новых объяснений с Царем, Кардинал Радзивил и другие Депутаты отвечали: «Вы смеесть над нами. Из всех краев Литвы и Польши

мы съехались в Варшаву, живем здесь осьмую неделю как на войне, тратим спокойствие и деньги; а вы хотите еще другого Сейма! Не разъедемся без выбора»; Тогда Феодоры Послы советовали им избрать Максимилиана, благоприятеля России. «Не имеем нужды в ваших наставлениях, – сказали Паны с грубостию, – нам указывает Бог, а не Царь Русский». – Хотели по крайней мере заключить мир, но также не могли согласиться в условиях: Литва требовала Смоленска и земли Северной, а Феодор Дерпта. Разошлись с неудовольствием; но сим еще не кончились переговоры.

В сей самый день и в следующие были жаркие прения между государственными чинами Сейма, друзьями Австрии, Швеции и России. Первые, особенно Духовенство и все Епископы, говорили, что совесть не позволяет им иметь Королем иноверца, еретика; а единомышленники их, светские Вельможи, прибавляли: «естественного, закоренелого врага Литвы и Польши, который сядет на Королевство с тяжким могуществом России, чтобы подавить нашу вольность, все права и законы.

Вы жаловались на угнетение, когда Стефан привел к нам несколько сот Гайдуков Венгерских: что будет, когда увидим здесь грозную опричнину, несметные тысячи надменных, суровых Москвитян? Поверите ли, чтобы они в гордости своей захотели к нам *присоединиться*? Не скорее ли захотят *приставить Державу нашу к Московской, как рукав к кафтану?*» Другие унижали Феодора, называя его скудоумным, неспособным блюсти Государство, обуздывать своеволие, дать силу Королевской власти, прибавляя, что он едва ли чрез шесть месяцев может быть к ним, а Турки, непримиримые враги Царя, завоевателя двух или трех Держав Мусульманских, успеют между тем взять Краков. Вельможи нашей стороны возражали так: «Первый закон для Государства есть безопасность: избранием Феодора мы примиряем врага сильного, Россию, и находим в ней защиту от другого, не менее опасного: от Турков. Султан запрещает нам возвести Феодора на престол Королевства; но должно ли слушаться неприятеля? Не должно ли именно сделать, чего он не желает? Что касается до Веры, то Феодор крещен во имя

Святой Троицы, и мы знаем, что в Риме есть Церковь Греческая: следственно Папа не осуждает сей Веры и без сомнения дозволит ему в ней остаться, с некоторыми, может быть, условиями. Феодор великодушно освободил наших пленников, усмирил мятежи в своем Царстве, два раза победил Хана; желает в духе любви соединить Державы, коих взаимная ненависть произвела столько бедствий, и будучи Властителем Самодержавным, господствовать именем закона над людьми свободными: где же его скудоумие? Не видим ли в нем Монарха человеколюбивого и мудрого? мог ли бы он без ума править Россиянами, непостоянными и лукавыми? К тому же скудоумие Властителя менее губительно для Государства, чем внутренние раздоры. Мы замышляем не новое: сколь многие из вас, до избрания и после бегства Генрикова, хотели Царя Московского, в удостоверении, что Иоанн оставил бы тиранство в России, а к нам прибыл бы только с могуществом спасительным? Переменилось ли что-нибудь с того времени? разве к лучшему: ибо Феодор и в России не тиранствует, но любит подданных

и любим ими».

Сии убеждения заставили Сейм возобновить переговоры: Депутаты его вторично съехались с Московскими Послами в Каменце и хотели, чтобы Царь немедленно дал Вельможной Думе 100 тысяч золотых на военные издержки, основал крепости не на Дону, где они могут быть полезны только для России, а на Литовской юго-западной границе, – платил жалованье Козакам Днепровским из казны своей, отвел земли Польской Шляхте не в дальних, диких степях, каких много и в Литве за Киевом, но в областях Смоленской и Северной. Послы изъявили некоторую уступчивость: соглашались дать Панам 100 тысяч золотых; не отвергали и других требований; предложили, чтобы Феодору писаться в титуле Царем *всёя России, Королем Польским, Великим Князем Владимирским, Московским и Литовским*. Самое главное препятствие в рассуждении Веры уменьшилось, когда Воевода Виленский, Христофор Радзивил, и Троцкий, Ян Глебович, тайно сказали нашим Послам, что Феодор может, вопреки их Духовенству, остаться в Греческой Вере, если испросит

только благословение у Папы и даст ему надежду на соединение Церквей. «Для своего и нашего блага (говорили они) Феодор должен быть снисходителен: ибо мы, в случае его упрямства, изберем врага России, Шведа, а не Максимилиана, о коем в Литве никто слышать не хочет, для того, что он корыстолюбив и беден: заведет нас в войну с Султаном и не поможет Королевству ни людьми, ни казною. Сам Император велик единственно титулом и богат только долгами. Знаем обычай Австрийцев искоренять права и вольности в землях, которые им поддаются, и везде обременять жителей несносными налогами. К тому же у нас писано в книгах и вошло в Пословицу, что Славянскому языку не видать добра от Немецкого!»

Но Феодор не хотел искать милости в Папе, ни манить его лживым обещанием соединения Церквей; не хотел также (чего неотменно требовали и все Литовские Паны) венчаться на Королевство в Польше, от Святителя Латинского, ужасаясь мысли изменить тем Православию или достоинству Российского Монарха – и Послы наши, имея дружелюбные

свидания с Депутатами Сейма, 13 Августа услышали от них, что Канцлер Замойский и немногие Паны выбрали Шведского Принца, а Воевода Познанский, Станислав Згурка, и Зборовские Максимилиана. Тщетно Вельможы Литовские уверяли наших Бояр, что сие избрание, как незаконное, останется без действия; что если Феодор искренно желает быть Королем, и решится, не упуская времени, к ним приехать, то они все *головами своими кинутся* к Кракову и не дадут короны ни Шведу, ни Австрийцу! Замойский мечом и золотом вдовствующей Королевы Анны доставил престол Сигизмунду, уничтожив избрание Максимилиана. Послы наши успели только в одном: заключили с Вельможною Думою пятнадцатилетнее перемирие без всяких уступок и выгод, единственно на том условии, чтобы обеим Державам владеть, чем владеют, и чтобы избранному Королю подтвердить сей договор в Москве чрез своих уполномоченных. — Еще Феодор, выслушав донесение Степана Годунова и Троекурова, надеялся, что по крайней мере Литва не признает Сигизмунда Королем, и для того еще пи-

сал ласковые грамоты к ее Вельможам, соглашаясь быть особенным Великим Князем Литовским, Киевским, Волынским, Мазовским, обещая им независимость и безопасность; писал к ним и Годунов, отправив к каждому дары богатые (ценою в 20 тысяч нынешних рублей)... но поздно! Дворянин Ржевский возвратился из Литвы с вестью, что 16 декабря Сигизмунд коронован в Кракове и что Вельможи Литовские согласились на сей выбор. Ржевский уже знал о том, но вручил им дары: они взяли их с изъявлением благодарности и желали, чтобы Царь всегда был милостив к Литве единой!

Царь изъявил досаду, не за отвержение его условий на Сейме, но за избрание Сигизмунда: мы видели, что Феодор, подобно Иоанну, охотно уступал Королевство Эрцгерцогу, не имея никаких состязаний с Австриею; но тесная связь Шведской Державы с Польскою усиливала сих двух наших неприятелей, и главное обязательство, взятое Замойским с Сигизмунда, состояло в том, чтобы ему вместе с отцом его, Королем Иоанном, ополчиться на Россию: или *завоевать Москву*, или по край-

ней мере Смоленск, Псков, а Шведскому флоту Двинскую гавань Св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Дух Баториев, казалось, еще жил и враждовал нам в Замоиском! – Тем более Феодор желал согласить виды и действия нашей Политики с Австрийскою: с 1587 года до 1590 мы слали гонца за гонцом в Вену, убеждая Императора доставить Максимилиану всеми способами корону Польскую, если не избранием, то силою – вызывались снабдить его и деньгами для вооружения – уверяли, что нам будет даже приятнее уступить сию Державу Австрии, нежели соединить с Россиею – живо описывали счастье спокойствия, которое утвердится тогда в Северной Европе и даст ей возможность заняться великим делом изгнания Турков из Византии – хвалились нашими силами, говоря, что от России зависит устремить бесчисленные сонмы Азиатские на Султана; что шах персидский выведет в поле 200 тысяч воинов, Царь бухарский 100 тысяч, хивинский 50 тысяч, иверский 50 тысяч, владетель шавкальский 30 тысяч, Князья Черкесские, тюменский, *окутский* 70 тысяч, ногаи 100 тысяч;

что Россия, легко усмирив Шведа и не имея уже иных врагов, примкнет Крестоносные легионы свои к войскам Австрии, Германии, Испании, папы, Франции, Англии – и варвары Оттоманские останутся единственно в памяти! Гонцов Московских задерживали в Литве и в Риге: для того мы открыли путь в Австрию через Северный океан и Гамбург; хотели, чтобы Рудольф и Максимилиан немедленно прислали уполномоченных в Москву для договора, где и как действовать. Сведая же, что Замойский, следуя за бегущим Максимилианом, вступил в Силезию, одержал над ним решительную победу, взял его в плен, томил, бесчестил в неволе, Феодор стыдил Рудольфа неслыханным уничтожением Австрии. Но все было бесполезно. Император в своих отзывах изъявлял только благодарность за доброе расположение Царя; вместо знатного Вельможи прислал (в Июне 1589) маловажного сановника Варкоча в Москву, извиняясь недосугами и неудобствами сообщения между Веною и Россиею; писал, что о войне Турецкой должно еще условиться с Испаниею и таить намерение столь важное от Англии и Франции, ибо

они ищут милости в Султане; что война с Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимилиана... И Царь узнал, что Император, вымолив свободу брата, клятвенно обязался не думать о короне Польской и жить в вечном мире с сею Державою. «Вы начинаете великие дела, но не вершите их, – писал Борис Годунов к Австрийскому Министерству, – для вас благоверный Царь наш не хотел слушать никаких дружественных предложений Султановых и Ханских; для вас мы в остуде с ними и с Литвою: а вы, не думая о чести, миритесь с Султаном и с Сигизмундом!» Одним словом, мы тратили время и деньги в сношениях с Австриею, совершенно бесполезных.

Гораздо усерднее, в смысле нашей Политики, действовал тогда варвар, новый Хан Крымский, преемник умершего (в 1588 году) Ислама, брат его, именем Казы-Гирей. Приехав из Константинополя с Султанскою милостивою грамотою и с тремястами Янычар господствовать над Улусами разоренными, он видел необходимость поправить их, то есть искать добычи, не зная другого промысла,

кроме хищения. Надлежало избрать Литву или Россию в феатр убийств и пожаров; Хан предпочел Литву, в надежде на ее безначалие или слабость нового Короля; и готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотел лестию выманить богатые дары у Феодора: писал к нему, что доброжелательствуя нам искреннее всех своих предместников, он убедил Султана не мыслить впредь о завоевании Астрахани; что Москва и Таврида будут всегда иметь одних неприятелей. В конце 1589 года Казы-Гирей известил Феодора о сожжении Крымцами многих городов и сел в Литве и в Галиции: хваля его *доблесть* и дружественное к нам расположение, Царь в знак признательности честил Хана умеренными дарами, однако ж держал сильное войско на берегах Оки; следственно худо ему верил.

Но Батория уже не было, Султан не ополчался на Россию, Хан громил Литву: сии обстоятельства казались Царю благоприятными для важного подвига, коего давно требовала честь России. Мы хвалились могуществом, имея действительно многочисленнейшее войско в Европе; а часть древней России была

Шведским владением! Срок перемирия, заключенного с Королем Иоанном, уже исходил в начале 1590 года, и вторичный Съезд Послов на берегу Плюсы (в сентябре 1586 года) остался бесплодным: ибо Шведы не согласились возвратить нам своего завоевания: без чего мы не хотели слышать о мире. Они предлагали только мену: отдавали Копорье за погост Сумерский и за берега Невы. Иоанн жаловался, что Россияне тревожат набегами Финляндию, свирепствуя в ней как тигры; Федор же упрекал Воевод Шведских разбоями в областях Заонежской, Олонецкой, на Ладоге и Двине: летом в 1589 году они приходили из Каянии грабить волости монастыря Соловецкого и Печенского, Колу, Керет, Ковду и взяли добычи на полмиллиона нынешних рублей серебряных. Склоняя Короля к уступкам, Царь писал к нему о своих великих союзниках, Императоре и Шахе. Король отвечал с насмешкою: «Радуюсь, что ты ныне знаешь свое бессилие и ждешь помощи от других: увидим, как поможет тебе сват наш, Рудольф; а мы и без союзников управимся с тобою». Невзирая на сию грубость, Иоанн желал еще третьего

съезда Послов, когда Феодор велел объявить ему, что мы не хотим ни мира, ни перемирия, если Шведы, сверх Новгородских земель, ими захваченных, не уступят нам Ревеля и всей Эстонии; то есть мы объявили войну!

Доселе Годунов блистал умом единственно в делах внешней и внутренней Политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имея духа ратного, не алкая воинской славы, хотел однако ж доказать, что его миролюбие не есть малодушная боязливость в таком случае, где без стыда и без явного нарушения святых обязанностей власти нельзя было миновать кровопролития. Исполняя сей важный долг, он употребил все способы для несомнительного успеха: вывел в поле (если верить свидетельству наших приказных бумаг сего времени) около трехсот тысяч воинов, конных и пеших, с тремястами легких и тяжелых пушек. Все Бояре, все Царевичи (Сибирский Маметкул, Русланей Кайбулич, Ураз-Магмет Онданович Киргизский), все Воеводы из ближних и дальних мест, городов и деревень, где они жили на покое, должны были в назначенный срок явиться под Царскими знаменами: ибо

тихий Феодор, не без сожаления оставив свои мирные, благочестивые упражнения, сел на бранного коня (так хотел Годунов!), чтобы войско оживить усердием, а главных сановников обуздывать в их местничестве безрассудном. Князь Федор Мстиславский, знатнейший из родовых Вельмож, начальствовал в большом полку, в передовом – Князь Дмитрий Хворостинин, Воевода славнейший умом и доблестью. Годунов и Федор Никитич Романов-Юрьев (будущий знаменитый Филарет), двоюродный брат Царя, находились при нем, именуясь *Дворовыми* или *Ближними Воеводами*. Царица Ирина ехала за супругом из Москвы до Новагорода, где Государь распорядил полки: велел одним воевать Финляндию, за Невою; другим Эстонию, до моря; а сам с главною силою, 18 Генваря 1590 (года), выступил к Нарве. Поход был труден от зимней стужи, но весел ревностью войска: Россияне шли взять свое – и взяли Яму, Генваря 27. Двадцать тысяч Шведов, конных и пеших, под начальством Густава Банера, близ Нарвы встретили Князя Дмитрия Хворостинина, который разбил их и втоптал в город, наполненный

людьми, но скудный запасами: для того Банер, оставив в крепости нужное число воинов, ночью бежал оттуда к Везенбергу, гонимый нашею Азиатскою конницею, и бросив ей в добычу весь обоз, все пушки; в числе многих пленников находились и знатные чиновники Шведские. 4 Февраля Россияне обложили Нарву; сильною пальбою в трех местах разрушили стену и требовали сдачи города. Тамошний Воевода, Карл Горн, величаво звал их на приступ, и мужественно отразил его (18 Февраля): Воеводы Сабуров и Князь Иван Токмаков легли в проломе, вместе со многими детьми Боярскими, стрельцами, Мордовскими и Черкесскими воинами. Однако ж сия блистательное для Шведов дело не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стены падали, и многочисленное войско осаждающих готовилось к новому приступу (21 Февраля). В то же время Россияне беспрепятственно опустошали Эстонию до самого Ревеля, а Финляндию до Абова: ибо Король Иоанн имел более гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстонии, чтобы дать мир Шведам; но Царь, *исполняя Хри-*

стианское моление Годунова (как сказано в наших приказных бумагах), удовольствовался восстановлением древнего рубежа: Горн именем Королевским (25 Февраля) заключил перемирие на год, уступив Царю, сверх Ямы, Иваньгород и Копорье, со всеми их запасами и снарядом огнестрельным, условясь решить судьбу Эстонии на будущем съезде Послов: Московских и Шведских – даже обещая уступить России всю землю Корельскую, Нарву и другие города Эстонские. Мы хвалились умеренностию. Оставив Воевод в трех взятых крепостях, Феодор спешил возвратиться в Новгород к супруге и с нею в Москву торжествовать победу над одною из Держав Европейских, с коими отец его не советовал ему воевать, боясь их превосходства в ратном искусстве! Духовенство со крестами встретило Государя вне столицы, и Первосвяtitель Иов в пышной речи сравнивал его с Константином Великим и Владимиром, именем отечества и Церкви благодаря за изгнание неверных из недр Святой России и за восстановление олтарей истинного Бога во граде Иоанна III и в древнем владении Славян Ильменских.

Скоро вероломство Шведов доставило новый значительный успех оружию миролюбивого Феодора. Король Иоанн, упрекая Горна малодушием, объявил договор, им заключенный, преступлением, усилил войско в Эстонии и выслал двух Вельмож, Наместников Упсальского и Вестерготского, на съезд с Князем Федором Хворостининым и Думным Дворянином Писемским к устью реки Плюсы, не для того, чтобы отдать России Эстонию, но чтобы требовать возвращения Ямы, Иванягорода и Копорья. Не только Феодоровы Послы, но и Шведские воины, узнав о сем, изъявили негодование: стоя на другом берегу Плюсы, кричали нашим: «не хотим кровопролития!» и принудили своих уполномоченных быть снисходительными, так, что они, уже ничего не требуя, кроме мира, наконец уступили России Корельскую область. Мы неотменно хотели Нарвы – и Послы разъехались; а Шведский генерал, Иоран Бое, в ту же ночь вероломно осадил Иваньгород: ибо срок Нарвского договора еще не вышел. Но мужественный Воевода, Иван Сабуров, в сильной вылазке наголову разбил Шведов: и генерала Бое и самого

Герцога Зюдерманландского, который с ним соединился. Главная рать Московская стояла в Новгороде: она не приспела к битве, нашла крепость уже освобожденною и только издали видела бегство неприятеля.

Воюя с Шведами, Феодор желал соблюсти мир с Литвою, и в то время, когда полки Московские шли громить Эстонию, Годунов известил всех градоначальников в Ливонии Польской, что они могут быть спокойны, и что мы не коснемся областей ее, в точности исполняя договор Варшавский. Но Сигизмунд молчал: чтобы узнать его расположение, Дума Московская послала гонца в Вильну с письмом к тамошним Вельможам, уведомляя их о намерении Хана снова идти на Литву, и прибавляя: «Казы-Гирей убеждал Государя нашего вместе с ним воевать вашу землю и предлагал ему Султанским именем вечный мир; но Государь отказался, искренно вам доброжелательствуя. Остерегаем вас, думая, что рано или поздно вы увидите необходимость соединиться с Россиею для общей безопасности Христиан». Сие лукавство не обмануло Панов: читая письмо, они усмехались и весьма учти-

вою грамотою изъявили нам благодарность, сказав однако ж, что у них другие слухи; что сам Феодор, если верить пленникам Крымским, обещаниями и дарами склоняет Хана ко впадению в Литву. Между тем 600 Литовских Козаков разбойничали в южных пределах России, сожгли новый город Воронеж, убили тамошнего начальника, Князя Ивана Долгорукого: мы требовали удовлетворения и велели Царевичу Араслан-Алею, Кайбулину сыну, идти с войском в Чернигов. Наконец, в Октябре 1590 года Послы Сигизмундовы, Станислав Радоминский и Гаврило Война, приехали в Москву договариваться о мире и союзе; но в первой беседе с Боярами объявили, что Россия нарушила перемирие взятием Шведских городов и должна возвратить их. Им ответствовали, что Швеция не Литва; что родственная связь Королей не уважается в политике, и что мы взяли свое, казнив неправду и вероломство. О вечном мире говорили долго: Сигизмунд как бы из великодушия отказывался от Новагорода, Пскова, Северских городов и проч., но без Смоленска не хотел мириться. Бояре же Московские твердили: «не

дадим вам ни деревни Смоленского уезда». С обеих сторон около двух месяцев велеречили о выгодах тесного Христианского союза всех Держав Европейских. Бояре с живостию представляли Вельможам Литовским, что Король без сомнения весьма неискренно желает сего союза, испрашивая в то же время (как было нам известно) милость у Султана; что Сигизмунда ожидает Баториева участь, стыд, унижение бесполезное пред надменностию Оттоманов; что Баторий думал угодить Амурату злодейским убиением славнейшего из всех Рыцарей Литовских, *Подковы*, и не угодил: ибо до смерти трепетал гневного Султана и платил ему дань рабскую; что одна Россия, в чувстве своего величия отвергнув ложную дружбу неверных, есть надежный щит Христианства; что Хан, столь ужасный для Сигизмундовой Державы, не смеет ни делом, ни словом оскорбить Феодора, коему более двухсот Крымских Князей и Мурз служат в войске. Хотя Послы уже не оказывали спеси и грубости, как бывало в Стефаново время, однако ж не принимали нашего снисходительного условия: «владеть обеим Державам, чем вла-

деют». Истощив все убеждения, Царь (1 Января 1591) призвал на совет Духовенство, Бояр, сановников и решился единственно подтвердить заключенное в Варшаве перемирие впредь еще на двенадцать лет, с новым условием, чтобы ни Шведы нас, ни мы Шведов не воевали в течение года. Феодор, исполняя древний обычай, дал присягу в соблюдении договора и послал Окольничего Салтыкова-Морозова взять такую же с Сигизмунда.

Россия наслаждалась миром, коего не было только в душе Правителя!.. Устраним дела внешней Политики, чтобы говорить о любопытных, важных происшествиях внутренних.

В сие время Борис Годунов в глазах России и всех Держав, сносящихся с Москвою, стоял на вышней степени величия, как полный властелин Царства, не видя вокруг себя ничего, кроме слуг безмолвных или громко славословящих его высокие достоинства; не только во дворце Кремлевском, в ближних и в дальних краях России, но и вне ее, пред Государями и Министрами иноземными, знатные сановники Царские так изъяснялись по своему наказу: «Борис Федорович Годунов есть на-

чальник земли; она вся приказана ему от самодержца и так ныне устроена, что люди дивятся и радуются. Цветет и воинство, и купечество, и народ. Грады украшаются каменными зданиями без налогов, без работы невольной, от Царских избытков, с богатою платою за труд и художество. Земледельцы живут во льготе, не зная даней. Везде правосудие свято: сильный не обидит слабого; бедный сирота идет смело к Борису Федоровичу жаловаться на его брата или племянника, и сей истинный Вельможа обвиняет своих ближних даже без суда, ибо пристрастен к беззащитным и слабым!» – Нескромно хваляся властью и добродетелию, Борис, равно славолубивый и хитрый, примыслил еще дать новый блеск своему господству важною церковною новостью.

Имя Патриархов означало в древнейшие времена Христианства единственно смиренных наставников Веры, но с четвертого века сделалось пышным, громким титлом главных Пастырей Церкви в трех частях мира, или в трех знаменитейших городах тогдашней всемирной Империи: в Риме, в Алексан-

дрии и в Антиохии. Место священных воспоминаний, Иерусалим, и Константинополь, столица торжествующего Христианства, были также признаны особенными, великими Патриархиями. Сей чести не искала Россия, от времен Св. Владимира до Феодоровых. Византия Державная, гордая, не согласилась бы на равенство своей Иерархии с Киевскою или с Московскою: Византия раба Оттоманов не отказала бы в том Иоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, из уважения ли к первобытному уставу нашей Церкви, или опасаясь великим именем усилить духовную власть, ко вреду Монаршей. Борис мыслил иначе: свергнув Митрополита Дионисия за козни и дерзость, он не усомнился возвысить смиренного Иова, ему преданного, ибо хотел его важного содействия в своих важных намерениях. Еще в 1586 году приезжал в Москву за милостынею Антиохийский Патриарх Иоаким, коему Царь изъявил желание учредить Патриархию в России: Иоаким дал слово предложить о том Собору Греческой Церкви и предложил с усердием, славя чистоту нашей Веры. В Июле 1588 года, к великому удовольствию Феодора,

явился в Москве и Патриарх Константинопольский, Иеремия. Вся столица была в движении, когда сей главный Святитель Христианский (ибо престол Византийского Архиепископства уже давно считался первым), старец знаменитый несчастьем и добродетелию, с любопытством взирая на ее многолюдство и красоту церквей, благословляя народ и душевно умиляясь его радостным приветствием, ехал на осляти к Царю по стогнам Московским; за ним ехали на конях Митрополит Монеувасийский (или Мальвазийский) Иерофей и Архиепископ Элассонский Арсений. Когда они вошли в златую палату, Феодор встал, чтобы встретить Иеремию в нескольких шагах от трона; посадил близ себя; с любовью принял дары его: икону с памятниками Страстей Господних, с каплями Христовой крови, с мощами Св. Царя Константина – и велел Борису Годунову беседовать с ним наедине. Патриарха отвели в другую комнату, где он рассказал Борису свою историю. Лет десять управляв Церковию, Иеремия, обнесенный каким-то злым Греком, был сослан в Родос, и Султан, вопреки торжественному обету Маго-

мета II не мешаться в дела Христианской духовной власти, незаконно дал Патриаршество Феопиту. Чрез пять лет возвратили изгнаннику сан Иерарха; но в древнем храме Византийских Первосвятителей уже славили Аллу и Магомета: сия церковь сделалась мечетью. «Обливаясь слезами, – говорил Иеремия, – я вымолил у жестокого Амурата дозволение ехать в земли Христианские для собрания милостыни, чтобы посвятить новый храм истинному Богу в древней столице Православия: где же, кроме России, мог я найти усердие, жалость и щедрость?» Далее, беседа с Годуновым, он похвалил мысль Феодорову иметь Патриарха Российского; а лукавый Годунов предложил сие достоинство самому Иеремии, с условием жить в Владимире. Иеремия соглашался, но хотел жить там, где Царь, то есть в Москве: чего не хотел Годунов, доказывая, что несправедливо удалить Иова, мужа святого, от Московского храма Богоматери; что Иеремия, не зная ни языка, ни обычаев России, не может быть в духовных делах наставником Венценосца без толмача, коему непристойно читать во глубине души Госуда-

ревой. «Да исполнится же воля Царская! – отвечивал Патриарх, – уполномоченный нашею Церковию, благословлю и поставлю, кого изберет Феодор, вдохновенный Богом». В выборе не было сомнения; но для обряда Святители Российские назначали трех кандидатов: Митрополита Иова, Архиепископа Новгородского Александра, Варлаама Ростовского, и поднесли доклад Царю, который избрал Иова. 23 Генваря (1589), после Вечерни, сей *наименованный* Первосвятитель, в епитрахили, в омофоре и в ризе, пел молебен в храме Успения, со всеми Епископами, в присутствии Царя и бесчисленного множества людей; вышел из алтаря и стал на амвоне, держа в руке свечу, а в другой письмо благодарственное к Государю и к Духовенству. Тут один из знатных сановников приблизился к нему, держа в руке также пылающую свечу, и сказал громко: «Православный Царь, Вселенский Патриарх и Собор освященный возвышают тебя на престол Владимирский, Московский и всея России». Иов отвечивал: «Я раб грешный; но если Самодержец, *Вселенский Господин* Иеремия и Собор удостоивают

меня столь великого сана, то приемлю его с благодарением»; смиренно преклонил главу, обратился к Духовенству, к народу, и с умилением произнес обет ревностно блюсти вверенное ему от Бога стадо. Сим исполнился *устав избрания*, торжественное же *посвящение* совершилось 26 Генваря, на Литургии, как обыкновенно ставили Митрополитов и Епископов, без всяких новых обрядов. Среди *Великой*, или Соборной, церкви, на помосте, был изображен мелом орел двоеглавый и сделан *феатрон* о двенадцати степенях и двенадцати *огненниках*: там старейший Пастырь Восточного Православия, благословив Иова как сопрестольника великих отцов Христианства и возложив на него дрожащую руку, молился, да будет сей Архиерей Иисусов неугасаемым светильником Веры. Имея на главе митру с крестом и с короною, новопоставленный Московский Патриарх священнодействовал вместе с Византийским; и когда, отпев Литургию, разоблачился, Государь собственною рукою возложил на него драгоценный крест с животворящим древом, бархатную зеленую мантию с источниками, или полосами, низанны-

ми жемчугом, и белый клубок с знамением креста; подал ему жезл Св. Петра Митрополита и в приветственной речи велел именоваться главою Епископов, отцем отцев, Патриархом всех земель Северных, по милости Божией и воле Царской. Иов благословил Феодора и народ; а лики многолетствовали Царю и двум Первосвятителям, Византийскому и Московскому, которые сидели с ним рядом на стульях. Вышед из церкви, Иов, провождаемый двумя Епископами, Боярами, многими чиновниками, ездил на осляти вокруг стен Кремлевских, кропя их Святою водою, осеняя крестом, читая молитвы о целости града, и вместе с Иеремиею, со всем Духовенством, Синклитом, обедал у Государя.

Чтобы утвердить достоинство и права Российского священноначалия, написали уставную грамоту, изъясняя в ней, что *Ветхий Рим* пал от ереси Аполлинариевой, что *Новый Рим*, Константинополь, обладаем безбожными племенами Агарянскими; что *третий Рим* есть Москва; что вместо лжепастыря Западной Церкви, омраченной духом суемудрия, первый вселенский Святитель есть Патриарх

Константинопольский, второй Александрийский, третий *Московский и всея России*, четвертый Антиохийский, пятый Иерусалимский; что в России должно молиться о Греческих, а в Греции о нашем, который впредь, до скончания века, будет избираем и посвящаем в Москве независимо от их согласия или одобрения. К наружным отличиям сего Архипастыря нашей церкви прибавили следующие: «Выход его должен быть всегда с лампадою, с пением и звоном; для облачения иметь ему амвон о трех степенях; в будни носить клобук с Серафимами и крестами обнизными, мантии объяринные и всякие иные с полосами; ходить в пути с крестом и жезлом; ездить на шести конях». Тогда же Государь с двумя Патриархами соборно уложил быть в России *четырем Митрополитам*: Новгородскому, Казанскому, Ростовскому и Крутицкому; *шести Архиепископам*: Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому – и *осьми Епископам*: Псковскому, Ржевскому, Устюжскому, Белозерскому, Коломенскому, Северскому, Дмитровскому.

Участвуя более именем, нежели делом, в

сих церковных распоряжениях, Иеремия, Митрополит Монеувасийский и Архиепископ Элассонский ездили между тем в Лавру Сергиеву, где, равно как и в Московских храмах, удивлялись богатству икон, сосудов, риз служебных; в столице обедали у Патриарха Иова, славя мудрость его беседы; славили также высокие достоинства Годунова и редкий ум старца, Андрея Щелкалова; всего же более хвалили щедрость Российскую: ибо их непрестанно дарили, серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями, соболями, деньгами. Представленные Царице, они восхитились ее святостию, смиренным величием, ангельскою красотою, сладостию речей, равно как и наружным великолепием. На ней была корона с двенадцатью жемчужными зубцами, диадема и на груди золотая цепь, украшенная драгоценными камнями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупным жемчугом, и мантия не менее богатая. Подле Царицы стоял Царь, а с другой стороны Борис Годунов, без шапки, смиренно и благоговейно; далее многие жены знатные, в белой одежде, сложив руки. Ирина с умиле-

нием просила Святителей Греческих молить Бога, чтобы он даровал ей сына, наследника Державе – «и все мы, тронутые до глубины сердца (говорит Архиепископ Элассонский в описании своего путешествия в Москву) вместе с нею обливаясь слезами, единогласно воззвали ко Всевышнему, да исполнится чистое, столь усердное моление сей души благочестивой!» – Наконец Государь (в мае 1589) отпустил Иеремию в Константинополь с письмом к Султану, убеждая его не теснить Христиан, и сверх даров послал туда 1000 рублей, или 2000 золотых монет Венгерских, на строение новой Патриаршей церкви, к живейшей признательности всего Греческого Духовенства, которое, Соборною грамотою одобрив учреждение Московской Патриархии, доставило Феодору сию хартию (в Июне 1591) чрез Митрополита терновского, вместе с Мощами Святых и с двумя коронами, для Царя и Царицы.

Таким образом устави́лась новая верховная степень в нашей Иерархии, чрез 110 лет испроверженная самодержцем великим как бесполезная для церкви и вредная для едино-

властия Государей, хотя разумный учредитель ее не дал тем Духовенству никакой новой Государственной силы и, переименовав имя, оставил Иерарха в полной зависимости от Венценосца. Петр I знал историю Никона и *разделил*, чтобы ослабить власть духовную; он уничтожил бы и сан Митрополита, если бы в его время, как в Иоанново или в древнейшие, *один* Митрополит управлял Российской Церковью. Петр Царствовал и хотел только слуг: Годунов, еще называясь подданным, искал опоры: ибо предвидел обстоятельства, в коих дружба Царицы не могла быть достаточною для его властолюбия и – спасения; обуздывал Бояр, но читал в их сердце злую зависть, ненависть справедливую к убийце Шуйских; имел друзей: но они им держались и с ним бы пали, или изменили бы ему в превратности рока; благоотворил народу, но худо верил его благодарности в невольном чувстве своих внутренних недобродетельных побуждений к добру и знал, что сей народ в случае важном обратит взор недоумения на Бояр и Духовенство. Годунов на месте Петра Великого мог бы также уничтожить сан Патриарха;

но, будучи в иных обстоятельствах, хотел Польстить честолюбию Иова титлом высоким, чтобы иметь в нем тем усерднейшего и знаменитейшего пособника: ибо наступал час решительный, и самовластный Вельможа дерзнул наконец приподнять для себя завесу будущего!

(1591 г.) Если бы Годунов и не хотел ничего более, имея все, кроме Феодоровой короны, то и в сем предположении мог ли бы он спокойно наслаждаться величием, помышляя о близкой кончине Царя, слабого не только духом, но и телом – о законном его наследнике, воспитываемом матерью и родными в явной, хотя и в честной ссылке, в ненависти к Правителю, в чувствах злобы и мести? Что ожидало в таком случае Ирину? монастырь: Годунова? темница или плаха – того, кто мановением двигал Царство, ласкаемый Царями Востока и Запада!.. Уже дела обнаружили душу Борису: в ямах, на лобном месте изгибли несчастные, коих опасался Правитель: кто же был для него опаснее Димитрия?

Но Годунов еще томился душевным голодом и желал, чего не имел. Надменный своими

достоинствами и заслугами, славою и лестию; упоенный счастьем и могуществом, волшебным для души самой благородной; кружась на высоте, куда не восходил дотолѣ ни один из подданных в Российской Державе, Борис смотрел еще выше, и с дерзким вожделением: хотя властвовал беспрекословно, но не своим именем; сиял только заимствованным светом; должен был в самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться пред тению Царя и бить ему челом вместе с рабами. Престол казался Годунову не только святым, лучезарным местом истинной, самобытной власти, но и райским местом успокоенія, до коего стрелы вражды и зависти не досягают, и где смертный пользуется как бы божественными правами. Сия мечта о прелестях верховнаго державства представлялась Годунову живее и живее, более и более волнуя в нем сердце, так, что он наконец непрестанно занимался ею. Летописец рассказывает следующее, любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство: «Имея ум редкій, Борис верил однако ж искусству гадателей; призвал некоторых из них в тихий

час ночи и спрашивал, что ожидает его в будущем? Льстивые волхвы или звездочеты ответствовали: *тебя ожидает венец...* но вдруг умолкли, как бы испуганные дальнейшим предвидением. Нетерпеливый Борис велел им договорить; услышал, что ему царствовать только семь лет, и, с живейшею радостью обняв предсказателей, воскликнул: *хотя бы семь дней, но только царствовать*». Столь нескромно Годунов открыл будто бы внутренность души мнимым мудрецам суеверного века! По крайней мере он уже не таился от самого себя; знал, чего хотел! Ожидая смерти бездетного Царя, располагая волею Царицы, наполнив Думу, двор, приказы родственниками и друзьями, не сомневаясь в преданности великоименитого Иерарха Церкви, надеясь также на блеск своего правления и замышляя новые хитрости, чтобы овладеть сердцем или воображением народа, Борис не страшился случая беспримерного в нашем отечестве от времен Рюриковых до Феодоровых: трона упраздненного, конца племени державного, мятежа страстей в выборе новой династии, и твердо уверенный, что скипетр,

выпав из руки последнего Венценосца Мономаховой крови, будет вручен тому, кто уже давно и славно Царствовал без имени Царского, сей алчный властолюбец видел, между собою и престолом, одного младенца безоружного, как алчный лев видит агнца!.. Гибель Димитриева была неизбежна!

Приступая к исполнению своего ужасного намерения, Борис мыслил сперва объявить злосчастного Царевича незаконнорожденным, как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги: не велел молиться о нем и помянуть его имени на Литургии; но рассудив, что сие супружество, хотя и действительно незаконное, было однако ж утверждено или терпимо церковною властью, которая торжественным уничтожением оно призналась бы в своей человеческой слабости, к двойному соблазну Христиан – что Димитрий, невзирая на то, во мнении людей остался бы Царевичем, единственным Феодоровым наследником – Годунов прибегнул к вернейшему способу устранить совместника, оправдываясь слухом, без сомнения его же друзьями распущенным, о мнимой преждевременной на-

клонности Димитриевой ко злу и к жестокости: в Москве говорили всенародно (следственно без страха оскорбить Царя и Правителя), что сей младенец, еще имея не более шести или семи лет от роду, есть будто бы совершенное подобие отца: любит муки и кровь: с веселием смотрит на убиение животных: даже сам убивает их. Сею сказкою хотели произвести ненависть к Димитрию в народе; выдумали и другую для сановников знатных: рассказывали, что Царевич, играя однажды на льду с другими детьми, велел сделать из снега двадцать человеческих изображений, назвал оные именами первых мужей Государственных, поставил рядом и начал рубить саблею: изображению Бориса Годунова отсек голову, иным руки и ноги, приговаривая: «так вам будет в мое Царствование!» В противность клевете нелепой, многие утверждали, что юный Царевич оказывает ум и свойства достойные отрока Державного; говорили о том с умилением и страхом, ибо угадывали опасность невинного младенца, видели цель клеветы – и не обманулись: если Годунов боролся с совестью, то уже победил ее и, приго-

говив легковерных людей услышать без жалости о злодействе, держал в руке яд и нож для Димитрия; искал только, кому отдать их для совершения убийства!

Доверенность, откровенность свойственна ли в таком умысле гнусном? Но Борис, имея нужду в пособниках, открылся ближним, из коих один, Дворецкий Григорий Васильевич Годунов, залился слезами, изъявляя жалость, человечество, страх Божий: его удалили от совета. Все другие думали, что смерть Димитриева необходима для безопасности Правителя и для Государственного блага. Начали с яда. Мамка Царевичева, Боярыня Василиса Волохова, и сын ее, Осип, продав Годунову свою душу, служили ему орудием; но зелие смертоносное не вредило младенцу, по словам летописца, ни в яствах, ни в питии. Может быть, совесть еще действовала в исполнителях адской воли; может быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая меру ее, к досаде нетерпеливого Бориса, который решился употребить иных, смелейших злодеев. Выбор пал на двух чиновников, Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, одолженных

милостями Правителя; но оба уклонились от сделанного им предложения: готовые умереть за Бориса, мерзли душегубством; обязались только молчать, и с сего времени были гонимы. Тогда усерднейший клевет Борисов, дядька Царский, Окольничий Андрей Лупп-Клешнин, представил человека надежного: Дьяка Михайла Битяговского, ознаменованного на лице печатью зверства, так, что дикий вид его ручался за верность во зле. Годунов высыпал золото; обещал более, и совершенную безопасность; велел извергу ехать в Углич, чтобы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей Царицы, не спускать глаз с обреченной жертвы и не упустить первой минуты благоприятной. Битяговский дал и сдержал слово.

Вместе с ним приехали в Углич сын его, Данило, и племянник Никита Качалов, также удостоенные совершенной доверенности Годунова. Успех казался легким: с утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ее домашним обиходом, надзирая над слугами и над столом; а мамка Димитриева с сыном помогала им советом и делом. Но Димитрия хра-

нила нежная мать!.. Извещенная ли некоторыми тайными доброжелателями или своим сердцем, она удвоила попечения о милом сыне; не расставалась с ним ни днем, ни ночью; выходила из комнаты только в церковь; питала его из собственных рук, не вверяла ни злой мамке Волоховой, ни усердной кормилице Ирине Ждановой. Прошло немало времени; наконец убийцы, не видя возможности совершить злодеяние втайне, дерзнули на явное, в надежде, что хитрый и сильный Годунов найдет способ прикрыть оное для своей чести в глазах рабов безмолвных: ибо думали только о людях, не о Боге! Настал день, ужасный происшествием и следствиями долговременными: 15 Мая, в субботу, в шестом часу дня, Царица возвратилась с сыном из церкви и готовилась обедать; братьев ее не было во дворце; слуги носили кушанье. В сию минуту Боярыня Волохова позвала Димитрия гулять на двор: Царица, думая идти с ними же, в каком-то несчастном рассеянии остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего: но мамка силою вывела его из горницы в сени и к нижнему крыльцу, где

явились Осип Волохов, Данило Битяговский, Никита Качалов. Первый, взяв Димитрия за руку, сказал: «Государь! у тебя новое ожерелье». Младенец, с улыбкою невинности подняв голову, отвечал: «Нет, старое...» Тут блеснул над ним убийственный нож; едва коснулся гортани его и выпал из рук Волохова. Закричав от ужаса, кормилица обняла своего Державного питомца. Волохов бежал; но Данило Битяговский и Качалов вырвали жертву, зарезали и кинулись вниз с лестницы, в самое то мгновение, когда Царица вышла из сеней на крыльцо... Десятилетний Святой Мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своею грудью: он *трепетал, как голубь*, испуская дух, и скончался, уже не слышав вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодейством, и на убийц, бежавших двором к воротам: некому было остановить их; но Всевышний мститель присутствовал!

Через минуту весь город представил зрелище мятежа неизъяснимого. Пономарь Соборной церкви – сам ли, как пишут, видел убий-

ство, или извещенный о том слугами Царицы – ударил в набат, и все улицы наполнились людьми; встревоженными, изумленными; бежали на звук колокола; смотрели дыма, пламени, думая, что горит дворец; вломились в его ворота; увидели Царевича мертвого на земле: подле него лежали мать и кормилица без памяти; но имена злодеев были уже произнесены ими. Сии изверги, невидимым Судиею ознаменованные для праведной казни, не успели или боялись скрыться, чтобы не обличить тем своего дела; в замешательстве, в испуге, уstraшенные набатом, шумом, стремлением народа, вбежали в избу разрядную; а тайный Вождь их, Михайло Битяговский, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не мог отбить запертой им двери и бесстрашно явился на месте злодеяния: приблизился к труп убиенного; хотел утишить народное волнение; дерзнул сказать гражданам (заблаговременно изготовив сию ложь с Клешниним или с Борисом), что младенец умертвил сам себя ножом в падучей болезни. «Душегубец!» – завопили толпы; камни посыпались на злодея. Он искал убежища во

дворце, с одним из клеветников своих, Данилом Третьяковым: народ схватил, убил их; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломив дверь разрядной избы. Третий убийца, Осип Волохов, ушел в дом Михайла Битяговского; его взяли, привели в церковь Спаса, где уже стоял гроб Димитриев, и там умертвили, в глазах Царицы; умертвили еще слуг Михайловых, трех мещан уличенных или подозреваемых в согласии с убийцами, и женку юродивую, которая жила у Битяговского и часто ходила во дворец; но мамку оставили живую для важных показаний: ибо злодеи, издыхая, облегчили свою совесть, как пишут, искренним признанием; наименовали и главного виновника Димитриевой смерти: Бориса Годунова. Вероятно, что устрешенная мамка также не запиралась в адском кове; но судию преступления был сам преступник!

Беззаконно совершив месть, хотя и праведную – от ненависти к злодеям, от любви к Царской крови забыв гражданские уставы – извиняемый чувством усердия, но виновный пред судилищем Государственной власти, народ опомнился, утих и с беспокойством ждал

указа из Москвы, куда градоначальники послали гонца с донесением о бедственном проишествии, без всякой утайки, написав бумагу на имя Царя. Но Годунов бодрствовал: верные ему чиновники были расставлены по Углицкой дороге; всех едущих задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели к Борису. Желание злого властолюбца исполнилось!.. Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершенного удостоверения людей беспристрастных, то по крайней мере для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты Углицкие: сказали в них, что Царевич в судорожном припадке заколол себя ножом от небрежения Нагих, которые, закрывая вину свою, бесстыдно оклеветали Дьяка Битяговского и ближних его в убиении Димитрия, взволновали народ, злодейски истерзали невинных. С сим подлогом Годунов спешил к Феодору, лицемерно изъявляя скорбь душевную; трепетал, смотрел на небо – и, вымолвив ужасное слово о смерти Димитриевой, смешал слезы крокодиловы с искренними слезами доброго, нежного брата. Царь, по словам Летописца, горько пла-

кал, долго безмолвствуя; наконец сказал: «Да будет воля Божия!» и всему поверил. Но требовалось чего-нибудь более для России: хотели оказать усердие в исследовании всех обстоятельств сего несчастья: нимало не медля, послали для того в Углич двух знатных сановников государственных – и кого же? Окольного Андрея Клешнина, главного Борисова пособника в злодействе! Не дивились сему выбору: могли удивиться другому: Боярина Князя Василия Ивановича Шуйского, коего старший брат, Князь Андрей, погиб от Годунова и который сам несколько лет ждал от него гибели, будучи в опале. Но хитрый Борис уже примирился с сим Князем честолюбивым, легкомысленным, умным без правил добродетели, и с меньшим его братом, Димитрием, женив последнего на своей юной своячине, и дав ему сан Боярина. Годунов знал людей и не ошибся в Князе Василии, оказав таким выбором мнимую неустрашимость, мнимое беспристрастие. – 19 Мая, ввечеру, Князь Шуйский, Клешнин и Дьяк Вылузгин приехали в Углич, а с ними и Крутицкий Митрополит, прямо в церковь Св. Преображения.

Там еще лежало Димитриево тело окровавленное, и на теле нож убийц. Злосчастная мать, родные и все добрые граждане плакали горько. Шуйский с изъятием чувствительности приступил ко гробу, чтобы видеть лицо мертвого, осмотреть язву; но Клешнин, увидев сие Ангельское, мирное лицо, кровь и нож, затрепетал, оцепенел, стоял неподвижно, обливаясь слезами; не мог произнести ни единого слова: он еще имел совесть! Глубокая язва Димитриева, гортань перерезанная рукою сильного злодея, не собственною, не младенческою, свидетельствовала о несомнительном убиении; для того спешили предать земле Святые Мощи невинности; Митрополит отпел их – и Князь Шуйский начал свои допросы: памятник его бессовестной лживости, сохраненный временем как бы в оправдание бедствий, которые чрез несколько лет пали на главу, уже Венценосную, сего слабого, если и не безбожного человекоугодника! Собрав Духовенство и граждан, он спросил у них: *каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол сам себя?* Единодушно, единогласно – иноки, священники, мужи и

жены, старцы и юноши – ответствовали: Царевич убиен своими рабами, Михайлом Битяговским с клеветами, по воле Бориса Годунова. Шуйский не слушал далее; распустил их; решился допрашивать тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями; призывал, кого хотел; писал, что хотел – и наконец, вместе с Клешниным и с Дьяком Вылузгиным, составил следующее донесение Царю, основанное будто бы на показаниях городских чиновников, мамки Волоховой, Жильцов, или Царевичевых детей Боярских, Димитриевой кормилицы Ирины, Постельницы Марьи Самойловой, двух Нагих: Григория и Андрея Александрова, – Царициных Ключников и Стряпчих, некоторых граждан и духовных особ: «Димитрий, в Среду Маия 12, занемог падучею болезнию; в Пятницу ему стало лучше: он ходил с Царицею к Обедне и гулял на дворе; в Субботу, также после Обедни, вышел гулять на двор с мамкою, кормилицею, Постельницею и с молодыми Жильцами; начал играть с ними ножом в тычку, и в новом припадке черного недуга проткнул себе горло ножом, долго бился о землю и скончал-

ся. Имея сию болезнь и прежде, Димитрий однажды уязвил свою мать, а в другой раз объел руку дочери Андрея Нагого. Узнав о несчастьи сына, Царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский, из коих ни одного тут не было; но Царица и *пьяный* брат ее, Михайло Нагой, велели умертвить их и Дьяка Битяговского безвинно, единственно за то, что сей усердный Дьяк не удовлетворял корыстолюбию Нагих и не давал им денег сверх указа Государева. Сведав, что сановники Царские едут в Углич, Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу, – вымазать оные кровью и положить на теле убитых, в обличение их мнимого злодеяния». Сию нелепость утвердили своею подписью Воскресенский Архимандрит Феодорит, два Игумена и Духовник Нагих, от робости и малодушия; а свидетельство истины, мирское, единогласное, было утаено: записали только ответы Михайла Нагого, как бы явного клеветника, упрямо стоящего в том, что Димитрий погиб от руки злодеев.

Шуйский, возвратясь в Москву, 2 Июня

представил свои допросы Государю; Государь же отослал их к Патриарху и Святителям, которые, в общей думе с Боярами, велели читать сей свиток знатному Дьяку Василью Щелкалову. Выслушав, Митрополит Крутицкий, Геласий, встал и сказал Иову: «Объявляю Священному Собору, что вдовствующая Царица, в день моего отъезда из Углича, призвала меня к себе и слезно убеждала смягчить гнев Государев на тех, которые умертвили Дьяка Битяговского и товарищей его; что она сама видит в сем деле преступление, моля смиренно, да не погубит Государь ее бедных родственников». Лукавый Геласий – исказив, вероятно, слова несчастной матери – подал Иову новую бумагу от имени городского Углицкого прикащика, который писал в ней, что Димитрий действительно умер в черном недуге, а Михайло Нагой пьяный велел народу убить невинных... И Собор (воспоминание горестное для Церкви!) поднес Феодору доклад такого содержания: «Да будет воля Государева! Мы же удостоверились несомненно, что жизнь Царевичева прекратилась судом Божиим; что Михайло Нагой есть винов-

ник кровопролития ужасного, действовал по внушению личной злобы и советовался с злыми *вещунами*, с Андреем Мочаловым и с другими; что граждане Углицкие вместе с ним достойны казни за свою *измену* и беззаконие. Но сие дело есть земское: ведает оное Бог и Государь; в руке Державного опала и милость. А мы должны единственно молить Всевышнего о Царе и Царице, о тишине и благоденствии народа!» Феодор велел Боярам решить дело и казнить виновных: привезли в Москву Нагих, кормилицу Димитриеву с мужем и мнимого вещуна Мочалова в тяжких оковах; снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагого, и не могли вынудить от него лжи о самоубийстве Димитрия; наконец сослали всех Нагих в отдаленные города и заключили в темницы; вдовствующую Царицу, неволею постриженную, отвезли в дикую пустыню Св. Николая на Выксе (близ Череповца); тела злодеев, Битяговского и товарищей его, кинутые Углицким народом в яму, вынули, отпели в церкви и предали земле с великою честью; а граждан тамошних, объявленных убийцами невинных, казнили смертью, числом око-

ло двухсот; другим отрезали языки; многих заточили; большую часть вывели в Сибирь и населили ими город Пелым, так что древний, обширный Углич, где было, если верить преданию, 150 церквей и не менее тридцати тысяч жителей, опустел навеки, в память ужасного Борисова гнева на смелых обличителей его дела. Остались развалины, вопия к небу о мести!

Карая великодушие, Годунов с такою же дерзостью наградил злодеяние, дав богатые земли и поместья гнусной мамке Волоховой, жене и дочерям Битяговского; осыпал дарами мужей Думных и всех знатных сановников; ласкал их, угощал обедами роскошными (не мог успокоить одного Клешнина, в терзаниях совести умершего чрез несколько лет Схимником)... Но в безмолвии Двора и Церкви слышен был ропот народа, не обманутого ни следствием Шуйского, ни приговором Святителей, ни судом Боярским: лазутчики Годунова слышали вполголоса произносимые слова о страшном заклятии, тайном его виновнике, жалостном ослеплении Царя, бессовестном потворстве Вельмож и Духовенства; видели в

толпах печальные лица. Борис, тревожимый молвою, нашел способ утишить оную, в великом бедствии, которое тогда постигло столицу. Накануне Троицы, в отсутствие Государя, уехавшего с Боярами в Лавру Св. Сергия, запылал в Москве двор Колымажный, и в несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и за ним Двор Посольский, слободы Стрелецкие, все Занеглинье: дома, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, где жило знатное Дворянство, уцелели; но граждане остались без крова, некоторые и без имени. Стон и вой раздавались среди обширного пепелища, и люди толпами бежали на Троицкую дорогу встретить Феодора, требовать его милости и помощи: Борис не допустил их до Царя; явился между ими с видом любви и сожаления, всех выслушал, всем обещал, и сделал обещанное: выстроил целые улицы, раздавал деньги, льготные грамоты; оказывал щедрость беспримерную, так, что Москвитяне, утешенные, изумленные сими благодеяниями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался он

несчастьем столицы для приобретения любви народной, или был тайным виновником оного, как утверждает летописец и как думали многие из современников? В самых Разрядных книгах сказано, что Москву жгли тогда злодеи; но Борис хотел обратить сие подозрение на своих ненавистников: взяли людей Афанасия Нагого и братьев его, допрашивали и говорили, что они уличаются в злодействе; однако ж не казнили их, и дело осталось неясным для потомства.

Скоро и другой, как бы благоприятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностью взволновав Москву и всю Россию, отвлек мысли народа от ужасной Димитриевой смерти: нашествие варваров. Маня Феодора уверениями в дружестве, Хан Казы-Гирей сносился с Королем Шведским, требовал от него золота, обещал сильным впадением поколебать Москву и действительно к тому готовился, исполняя приказ Султана, врага нашего, и будучи сам недоволен Россиею: во-первых, он сведал, что мы тайно известили Литовских Панов о намерении его снова идти на их землю и предлагали им общими сила-

ми воевать Тавриду (о чем, вероятно, дал ему знать Король Сигизмунд); во-вторых, Феодор не отпустил Царевича Мурата к Хану, который убедил сего племянника забыть старое и хотел сделать Калгою, или главным Вельможею Орды Таврической: Мурат жил в Астрахани, неизменно усердствовал России, обуздывал Ногаев и, к искреннему сожалению Феодора, скоропостижно умер, *испорченный*, как думали, подосланными к нему из Крыма злодеями; но Хан утверждал, что Россияне ядом отравили Мурата, и клялся отмстить им. Третьею виною Казы-Гиреева ополчения на Россию была мысль его Князей, что каждый добрый Хан обязан, в исполнение древнего обычая, хотя однажды видеть берега Оки для снискания воинской чести: то есть они желали Русской добычи и верили бывшему у них послу Шведскому, что все наше войско занято войною с Королем его. Мы всегда имели друзей и лазутчиков в Крыму, чтобы знать не только действия, но и все замыслы Ханов; в сие время находились там и гонцы Московские: следственно Хан не мог утаить от нас своего вооружения чрезвычайного; но умел

обмануть: уверил бдительного Правителя, что идет разорять Вильну и Краков; назначил знатное Посольство в Москву для заключения союза с нами; требовал, чтобы и Царь немедленно прислал к нему кого-нибудь из первых сановников. Между тем все Улусы были в сильном движении; все годные люди садились на коней, от старого до малого; с ними соединились и полки Ногайские Казыева Улуса, и Султанские, из Азова, Белагорода, с огнестрельным снарядом. Наступала весна, всегда опасная для южной России; а Царская Дума не тревожилась, выслав в начале Апреля знатных Воевод к нашей обыкновенной береговой рати: Князя Мстиславского, Ноготкова, Трубецких, Голицына, Федора Хворостинина, в Серпухов, Калугу и в другие места. Еще в Мае разъезды наши не встречали ни одного Татарина на берегах Донца Северского и Боровой: видели только следы зимнего кочевья и юрты оставленные. Но 26 Июня прискакали в Москву гонцы с вестью, что степь покрылась тучами Ханскими; что не менее ста пятидесяти тысяч Крымцев идет к Туле, обходя крепости, нигде не медля, не рассыпаясь для грабе-

жа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: в тот же час послали указы к Воеводам всех степных крепостей, велели им спешить к Серпухову, соединиться с Князем Мстиславским, чтобы встретить Хана в поле. К несчастью, главное войско наше стояло тогда в Новгороде и Пскове, наблюдая Шведов; оно не могло приспеть к решительной битве: о нем уже не думали. Объявили Москву в осаде; поручили блюсти Дворец Государев Князю Ивану Михайловичу Глинскому, Кремль Боярину Князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому, Китай Голицину, Белый город Ногтеву-Суздальскому и Мусе Туренину. 27 Июня сведения о быстром стремлении неприятеля к столице, уверились в невозможности соединения всех полков на берегах Оки до прихода Ханского и переменили распоряжение: велели Мстиславскому идти к Москве, чтобы пред ее священными стенами, в виду храмов и палат Кремлевских, в глазах Царя и Царицы, за Веру, за отечество сразиться с неверными. В ободрение народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваем неприятеля в сети и хотим внутри

России истребить его совершенно. В самом деле сие отступление прибавляло к береговому войску еще несколько тысяч лучших ратников Московских, благородную дружину Государеву, знатных Дворян и детей Боярских, кроме вооруженных граждан: давало нам важный перевес в силах и выгоду биться под стенами неодолимыми, под громом тяжелого огнестрельного снаряда, ужасного для варваров. Надлежало единственно взять меры, чтобы Хан не ввергнул огня и разрушения в недра столицы, как сделал Девлет-Гирей в 1571 году: для того с удивительною скоростью укрепили предместье за Москвою-рекою деревянными стенами с бойницами; обратили монастыри в твердыни: Даниловский, Новоспасский, Симонов; назначили стан войску верстах в двух от города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили там дощатый подвижный городок на колесах и церковь Св. Сергия, где поставили икону Богоматери, бывшую с Димитрием в Донской битве; пели молебны, обходили всю Москву с крестами и с нетерпением ждали Мстиславского. 29 Июня сей Воевода выступил из Серпухова, оставив

на Оке малочисленную стражу, и ночевал на Лопасне, среди высоких курганов, славных памятников незабвенной победы 1572 года: шел тот же неприятель; но Россия уже не имела Воротынского! 1 Июля, ввечеру, полки расположились на лугах Москвы-реки, против села Коломенского, а Воеводы спешили к Государю с донесением и для совета; возвратились в следующее утро и ввели полки в изготовленный для них стан, против монастыря Даниловского. В тот день сам Государь приехал к войску, осмотрел его, жаловал Воевод и всех людей ратных *милостивыми словами*, спрашивал их о здравии, не оказывая робости, изъявляя надежду на Бога и на своих добрых Россиян.

Июля 3 известили Феодора, что Хан перешел Оку под Тешловым, ночует на Лопасне, идет прямо к Москве; что передовой отряд неприятельский, встретив мужественного Воеводу, Князя Владимира Бахтеярова, высланного на Похру с двумястами пятьюдесятью детьми Боярскими, разбил его и гнал, жестоко уязвленного, до селения Биц. Тогда войско наше изготовилось к сражению; каждый

полк занял свое место, не выходя из укреплений, и ввечеру пришла к ним вся дружина Царская, явился наконец и Борис Годунов, в полном доспехе, на ратном коне, под древним знаменем Великокняжеским: кто был душою Царства в Совете, тому надлежало одушевить и воинов в битве за Царство. Феодор отдал ему всех Дворян своих и телохранителей, до толе неразлучных с особою Монарха; заключился в уединенной палате с супругою и с духовником для молитвы; не боялся опасности, ибо считал за грех бояться, и сделав все, что мог, для спасения отечества, с Ангельским спокойствием предавал себя и Державу в волю Всевышнего. За Правителем ехали и все Бояре, как бы за Государем; но, встреченный, приветствуемый Воеводами, он не взял главного начальства из рук знатнейшего или опытнейшего вождя, Князя Мстиславского; удовольствовался вторым местом в большом полку, составив для себя воинскую Думу из шести сановников, в числе коих находился и знаменитый изгнанник, Богдан Яковлевич Бельский, властью Годунова уже примиренный с двором и с народом, витязь, украшен-

ный знаками отличия и славы.

Всю ночь стояла рать под знаменами; всю ночь бодрствовал Годунов: ходил по рядам, укреплял дух Воевод и воинов, советовал и принимал советы, требовал доверенности и находил ее, великим умом заменяя недостаток в опытности ратной. Знали о близости неприятеля; слышали вдали шум, топот коней и на рассвете увидели густые толпы Ханские. Казы-Гирей шел осторожно, стал против села Коломенского, и с Поклонной горы обозрев места, велел своим Царевичам ударить на войско Московское. Дотоле все было тихо; но как скоро многочисленная конница неприятельская спустилась с высоты на равнину; загремели все бойницы стана, монастырей, Кремлевские, и Сотни отборные из каждого полку с отборными Головами, дружины *Литовские*, *Немецкие* с их *Капитанами* выступили из укрепления, чтобы встретить Крымцев; а Воеводы с главным войском оставались в дощатом городке и ждали своего часа. Битва началась вдруг во многих местах: ибо неприятель, осыпанный пушечными ядрами, разделился, пуская стрелы и в схватке

действуя саблями лучше наших; но мы имели выгоду, искусно стреляя из ручных пищалей, стоя и нападая дружнее. Песчаная равнина покрывалась более Мусульманскими, нежели Христианскими трупами, в виду у Хана и Москвитян, коими стены, башни, колокольни были унижены, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: ибо дело шло о Москве: ее губили или спасали победители! Народ то безмолвствовал, то вопил, следуя душою за всеми движениями кровопролитной сечи, зрелища нового для нашей древней столицы, которая видала приступы к стенам ее, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своих равнинах. Не имели нужды в вестниках: глаз управлял чувством страха и надежды. Другие не хотели ничего видеть: смотрели только на святые иконы, орошая теплыми слезами помост храмов, где пение Иереев заглушалось звуком пальбы и курение фимиама мешалось с дымом пороха. Сказание едва вероятное: в сию торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах Московских, один человек наслаждался спокойствием ду-

ши непоколебимой: тот, чье имя вместе с Божиим призывалось Россиянами в сече, за кого они умирали пред стенами столицы: сам Государь!.. Утомленный долгою молитвою, Феодор мирно отдыхал в час полуденный, встал и равнодушно смотрел из высокого своего терема на битву. За ним стоял добрый Боярин, Григорий Васильевич Годунов, и плакал: Феодор обратился к нему, увидел его слезы и сказал: «Будь спокоен! Завтра не будет Хана!» Сие слово, говорит летописец, оказалось пророчеством.

Сражение было не решительно. С обеих сторон подкрепляли ратующих; но главные силы еще не вступали в дело: Мстиславский, Годунов с Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались с места, ожидая Хана, который с своими надежнейшими дружинами занял ввечеру село Воробьево и не хотел сойти с горы, откуда алчный взор его пожирал столицу, добычу завидную, но не легкую: ибо земля стонала от грома Московских пушек и Россияне бились мужественно на равнине до самой ночи, которая дала наконец отдых тому и другому войску. Множество

Татар легло в сече; множество было ранено: Царевич Бахты-Гирей, несколько больших Князей и Мурз; взято в плен также немалое число людей знатных. Дух упал в Хане и в Вельможах Крымских: они советовались, что делать, и более ужасали, нежели ободряли друг друга рассуждением о следствиях новой, решительной битвы, – слыша пальбу беспре- станную, видя сильное движение между на- шим станом и Москвою: ибо Годунов, не жа- лая пороху, велел и ночью стрелять из пушек, для устрашения неприятеля, и граждане по- сле сечи толпами устремились в стан, привет- ствовать храбрых, видеть живых друзей и родственников, узнать о мертвых. Пленники Российские, верные отечеству и в узах, ответ- ствывая на вопросы Хана, говорили ему, что в Москву пришло свежее войско, из Новагорода и Пскова; что мы стреляем в знак радости, не сомневаясь в победе, и еще до рассвета уда- рим всеми силами на Крымцев. Хан мог им и не верить; но уже видел обман Короля Швед- ского: видел, что Россия, невзирая на войну с Шведами, имеет довольно защитников – и бе- жал за час до света!

Известив о том Государя, Воеводы при звуке всех колоколов радостной Москвы, со всеми полками выступили вслед за Ханом, который бежал без памяти, оставляя на пути им в добычу и лошадей, и рухлядь и запасы; слышал за собою топот нашей конницы и без отдыха в сутки достиг Оки; на восходе солнца увидел передовую дружину Россиян и кинулся в реку, бросив на берегу собственные *возки Царские*; утопил множество людей своих и бежал далее. Мстиславский и Годунов ночевали в Бицах, гоня неприятеля легкими отрядами, которые настигли задние полки его близ Тулы, разбили их, взяли 1000 пленников с некоторыми знатнейшими Мурзами; топтали, истребляли Крымцев в степях и выгнали из наших владений, где Казы-Гирей не успел злодействовать, и 2 Августа прискакал на телеге ночью в Бакчисарай, с подвязанною, уязвленною рукою; а Крымцев возвратилось не более трети, пеших, голодных, так, что сей Ханский поход оказался самым несчастнейшим для Тавриды и самым безвреднейшим для России, где все осталось в целости: и города, и деревни, и жители.

Главные Воеводы не ходили далее Серпухова. Царь, может быть, по совету умной Ирины, писал к ним, чтобы они гнали и старались истребить неприятеля в степях; но Князь Мстиславский отвечал ему, что им невозможно достигнуть Хана, и, в сей бумаге наименовав себя одного, получил от Федора строгий выговор за неозначение в ней Борисова *великого* имени, к коему Двор относил всю честь победы. Однако ж соблюли равенство в наградах: 10 Июля приехал в Серпухов Стольник, Иван Никитич Юрьев, с милостивым словом и с жалованьем Государевым: *спросил войско о здравии* и вручил Воеводам медали: Мстиславскому и Годунову *золотые Португальские*, иным *корабельники* и червонцы Венгерские. Велев остаться на берегу некоторым младшим из них, Государь звал всех других в Москву для изъявления им новых милостей: надел на Бориса с своего плеча *шубу Русскую* с золотыми пуговицами в 1000 рублей (или в 5000 нынешних серебряных) и с себя же цепь драгоценную; пожаловал ему золотой сосуд Мамаевский, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важ-

ской в наследственное достояние и титуло *слуги*, знаменитейшее Боярского и в течение века носимое только тремя Вельможами: Князем Симеоном Ряполовским, коего отец спас юного Иоанна III от Шемякиной злобы; Князем Иваном Михайловичем Воротынским за Ведрошскую победу и сыном его, бессмертным Князем Михайлом, за разбитие Крымских Царевичей на Донце и взятие Казани. Князю Мстиславскому дал Феодор, также с своего плеча, шубу с золотыми пуговицами, кубок с золотою чаркою и пригород Кашин с уездом; других Воевод, Голов, Дворян и Детей Боярских жаловал шубами, сосудами, вотчинами и поместьями или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; стрельцов и Козаков тафтами, сукнами, деньгами: одним словом, никто из воинов не остался без награды и не было конца великолепным пирам в Грановитой палате, более в честь Годунова, нежели в Царскую: ибо Феодор велел торжественно объявить и в России и в чужих землях, что Бог даровал ему победу *радением и промыслом Борисовым*. Таким образом новый луч озарил главу Правителя, луч

ратной славы, блистательнейшей для народа Державы воинственной, которую окружали еще столь многие опасности и неприятели! – На месте, где войско стояло в укреплении против Хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный *Донским* от имени Святой иконы, которая была с Димитрием на Куликове поле и с Годуновым в Московской битве; а на случай нового приступа варваров к столице защитили все ее посады деревянными стенами с высокими башнями.

(1592 г.) Но торжество Борисово, пиры двора и воинства, милости и жалованья Царские заключились пытками и казнями! Донесли Правителю, что оскорбительная для него молва носится в городах уездных, особенно в Алексине – молва, распущенная его неприятелями, по крайней мере нелепая: говорили, что будто бы он привел Хана к Москве, желая унять вопль России о жалостном убиении Димитрия. Народ – и только один народ – слушал, повторял сию клевету. С великодушием, с невинностью Годунов мог бы презреть злословие грубое, разносимое ветром; но Году-

нов с совестью нечистою закипел гневом: послал чиновников в разные места; велел изыскивать, допрашивать, мучить людей бедных, которые от простоты ума служили эхом клевете, и в страхе, в истязаниях оговаривали безвинных; некоторые умерли в пытках или в темницах; других казнили, иным резали языки – и многие места, по словам летописца, опустели тогда в Украине, в прибавление к развалинам Углича! Сия жестокость, достойная времен Иоанновых, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзал ни говорить, ни мыслить ему противного: единственное условие, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой в Феодорово царствование! Грозный только для своих порицателей, Годунов во всех иных случаях хотел блистать милосердием редким. Заслуживал ли кто опалу, но мог извиниться естественно человеческою слабостию? того миловали и писали в указе: «Государь прощает, из уважения к ходайству слуги, Конюшого Боярина». Даже изменникам, даже Михайлу Головину, жившему в Литве, Борис предлагал мирное воз-

вращение в отечество, знатнейший сан и лучшее поместье, как бы в возмездие за гнусную измену! Кого же осуждали на казнь, о том писали в указе: «так приговорили Бояре, Князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи», о Годунове не упоминали. Для приятелей, угодников, льстецов не имея ничего заветного, кроме верховной власти, в его руках неприкосновенной, он ежедневно умножал число их и чем более заслуживал укоризны, тем более искал хвалы и везде слышал оную, искреннюю и лицемерную – читал и в книгах, сочиняемых тогдашними грамотеями, духовными и мирскими; одним словом, искусством и силою, страхом и благодеяниями произвел вокруг себя гром славы, заглушая им если не внутренний глас совести, то по крайней мере глас истины в народе.

Но жертвуя одной мысли и Небом и самым истинным земным счастьем: спокойствием, внутренним услаждением добродетели, законным величием Государственного благодетеля, чистою славою в Истории, Годунов едва было не лишился вожделенного плода своих козней от случая естественного, но

неожиданного: вдруг разнеслася весть от дворца Кремлевского до самых крайних пределов Государства и всех, кроме Бориса, от Монарха до земледельца, исполнила счастливой надежды – весть, что Ирина беременна! Никогда Россия, по сказанию Летописца, не изъясляла искреннейшего веселия: казалось, что Небо, раздраженное преступлением Годунова, но смягченное тайными слезами добрых ее сынов, примирилось с нею, и на могиле Димитриевой насаждает новое Царственное древо, которое своими ветвями обнимет грядущие веки России. Легко вообразить сии чувства народа, приверженного к Венценосному племени Св. Владимира: гораздо труднее вообразить тогдашние чувства Борисовы. Гнуснейшее из убийств оставалось тщетным для убийцы: совесть терзала его, а надежда затмевалась навеки или до нового злодея, еще страшного и для злодея! Годунов должен был терпеть общую радость, изъяслять живейшее в ней участие, обманывать двор и сестру свою! Через несколько месяцев нетерпеливого ожидания, Ирина родила дочь, к облегчению Борисова сердца; но роди-

тели были и тем счастливы, как ни желали иметь наследника престолу: разрешилось неплодие, и нежность их могла увенчаться плодом новым, в исполнение общего желания. Не только чувствительная мать, но и тихий, хладнокровный Феодор в восторге благодарил. Всевышнего за милую дочь, названную Феодосиею (и 14 Июня окрещенную в обители Чудовской); простил всех опальных, самых важных преступников, осужденных на смерть: велел отворить темницы и выпустить узников; наделил монастыри богатою милостынею и послал множество серебра Духовенству в Палестину. Народ также радовался; но люди склонные к подозрению, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали друг другу сомнение: не мог ли Годунов подменить младенца, если Царица родила сына, и вместо его обманом представить Феодосию, взятую им у какой-нибудь бедной родильницы? После увидим действие сей мысли, хотя и маловероятной. С другой стороны, любопытные спрашивали: «Должна ли Феодосия, если не будет у нее братьев, наследовать Державу? Случай, дотоле беспри-

мерный, не мог ли служить примером для будущего? Россия никогда не имела жен Венцезносных по наследию; но не лучше ли установить новый закон, чем осиротеть престолу?» Сии вопросы затруднительные беспокоили, как вероятно, и Годунова: они разрешились, к его успокоению, смертью Феодосии в следующем году. Несмотря на все утешения Веры, Феодор долго не мог осушить слез своих: с ним плакала и столица, погребая юную Царевну в Девичьем монастыре Вознесенском и разделяя тоску нежной матери, сим ударом навеки охлажденной к мирскому счастью. Злорадствуя во глубине души, Годунов без сомнения умел притвориться отчаянным (ибо легче показывать лицемерную скорбь в тайном удовольствии, нежели веселие лицемерное в тайной печали); но снова подозревали сего жестокого властолюбца: думали, что он, быв виновником Евдокииной смерти, уморил и Феодосию. Бог ведал истину; но обогранный святою кровию Димитриевою не имел права жаловаться на злословие и легковерие: все служило ему праведною казнию – и самая клевета невероятная!

Глава III

Продолжение царствования Феодора Иоанновича. г. 1591 – 1598

Война и мир с Швециею. Переписка с Литовскими Вельможами. Набег Крымцев. Посольства в Константинополь. Своевольство Донских Козаков. Строение городов. Мир с Ханом. Вспоможение Императору. Знатный Посол Австрийский. Легат Климента VIII к Москве. Дружество Феодора с Шахом Аббасом. Поход на Шавкала. Сношения с Даниею и с Англиею. Закон об укреплении крестьян и слуг. Новая крепость в Смоленске. Зажигальщики. Двор Московский. Ослепление Царя Симеона. Святители Греческие в Москве. Разрушение Печерской Обители. Слово Феодорова Годунову. Кончина Феодорова. Присяга Царице Ирине. Пострижение Ирины. Избрание Годунова в Цари.

В делах внешних Россия могла, как и дотоле, хвалиться успехами и Политикою благоразумною. В надежде на содействие Хана,

Иоанн, Король Шведский, отвергнул перемирие, данное ему Феодором в удовольствие Сигизмунду, и Генерал его, Мориц Грип, вступив в Новгородскую область, сжег многие селения близ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные сим нечаянным нападением, послали гонца спросить у него, знает ли он о подписанном в Москве договоре? *Не знаю*, отвечивал Мориц; шел далее и стоял уже в пятидесяти верстах от Новгорода. Сведая, что многочисленные Российские полки ожидают его впереди, он не захотел битвы и возвратился, но почти без войска, истребленного зимним холодом и болезнями. Летом 1591 года, когда Хан стремился к Москве, Шведы снова явились близ Гдова, разбили наш отряд и взяли в плен Воеводу, Князя Владимира Долгорукого; другие толпы их из Каянии проникли, сквозь пустыни и леса, в северную Россию и взяли Сумский острог на Белом море, думая овладеть и всеми ее пристанями. Но сия важная мысль, лишить нас выгод морской торговли, требовала усилий невозможных для слабой Швеции. Царь послал туда из Москвы двух Князей Волконских, Андрея и Григория,

с дружинами стрельцов: первый занял монастырь Соловецкий, угрожаемый неприятелем; второй истребил Шведов в Сумском остроге и взял несколько пушек. Узнав, что Каянские разбойники в самый день Рождества Христова сожгли Кольскую или Печенскую обитель, злодейски умертвив 50 Иноков и 65 слуг монастырских, Князь Григорий Волконский отмстил им опустошением Каянии и возвратился в монастырь Соловецкий с богатою добычею. – Сии неприятельские действия едва было не произвели и разрыва с Литвою: ибо Сигизмунд долго не хотел утвердить заключенного в Москве перемирия без обязательства с нашей стороны не тревожить Швеции. Послов Феодоровых, Салтыкова и Татищева, выводили из терпения остановками на пути в Варшаву, сердили грубостями, лишали всех удобностей, самого нужного, так что они, исполненные негодования, предлагали Королевским чиновникам, вместо денег, 50 сосудов серебряных, требуя пищи для своих людей голодных. Наконец Сигизмунд, сведав об изгнании Хана из России, утвердил договор Московский, но заставив наших послов вне-

сти в него новое условие, чтобы ни Царю, ни Литве в течение двенадцати лет не мыслить о завоевании Нарвы. Целуя крест, он сказал Салтыкову: «Мы будем в мире с Царем до его первого нападения на Швецию, ибо сын должен вступить за отца». Сия угроза не спасла однако ж Шведских владений от разорения.

(1592—1596 гг.) Зимой 1592 года Царь послал знатнейших Воевод, Князей Мстиславского и Трубецких, двух Годуновых Ивана и Степана Васильевичей, Князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бельского, в Финляндию, где они выжгли селения и города, взяв несколько тысяч пленников. Шведы не отважились на битву: сидели только в Выборге и в Абове, к коим не приступали Россияне, окружив их со всех сторон пеплом и развалинами. В исходе Февраля, совершив поход, Воеводы приехали в Москву жаловаться друг на друга: Князь Федор Трубецкой винил Годуновых, Годуновы Трубецкого в худой ревности к Царской службе. Царь всем им объявил немилость за раздор, вредный для отечества: не велел съезжать со двора, от Вербной Недели до Светлого Воскресения: ибо Правитель желал

славиться беспристрастием, сею легкою опалою доказав, что не щадит и своих ближних, когда дело идет о пользе государственной.

В самое то время, когда мы беспрепятственно опустошали Финляндию, находился в Стокгольме Посол Хана Крымского, Черкашенин Антоний, требуя золота от Шведов за впадение Казы-Гиреево в Россию. «Золото готово для победителя, – отвечивал Король Иоанн, – Хан видел Москву, но не спас нашей земли от меча Российского». Видя, что и Сигизмунд не может быть надежным защитником Швеции, Иоанн в последние дни жизни своей искренно хотел мира с Россиею, в августе 1592 года выслав Маршала Флеминга, Генерала Бое и других сановников на реку Плюсу, где они с Окольничим и Наместником Суздальским, Михайлом Салтыковым, в Генваре 1593 года заключили двулетнее перемирие, уже именем нового Венценосца Шведского: 25 Ноября (1592 г.) Иоанн умер, и сын его, Сигизмунд, наследовал престол Шведский, соединяя таким образом под своею державою силы двух Королевств, враждебных для России: чему радовались в Варшаве и в Стокгольме.

ме; чего опасались в Москве – но недолго. Оказались следствия неожиданные, более в пользу, нежели ко вреду России: ибо Сигизмунд, вместо тесной связи, произвел взаимную злобу между своими Государствами: раболепствуя Вельможам коронным и Литовским, хотел самовластвовать в Швеции, переменить Веру, ввести Латинскую, отдать Эстонию Польше; видел негодование, явное сопротивление Шведов и почти бежал из Стокгольма в Варшаву, оставив верховную власть в руках Сената. В сих несчастных обстоятельствах, в раздорах, в смятении Швеция не могла думать о войне с Россиею; искала мира твердого, вечного и в угождение Царю согласилась, чтобы ее Послы, Стен-Банер, Горн, Бое, съехались с Московскими, Князем Иваном Турениным и Пушкиным, в владении Российском, у Тявзина, близ Иванягорода; однако ж собрала и войско, в Выборге и в Нарве, чтобы дать более силы своим требованиям или отказам: Российское, гораздо многочисленнейшее, стояло от Новагорода до Эстонской и Финляндской границы, в тишине и в бездействии, ожидая конца переговоров. С обеих

сторон требовали для вида: мы Эстонии, Шведы Иванягорода, Ямы, Копорья, Орешка, Ладоги, Гдова или денег за убытки войны долговременной; но в самом деле Швеция хотела только мира без уступок с ее стороны, а Россия с приобретением Корельской области. Послы с обеих сторон жаловались на упрямство, в досаде снимали шатры и разъезжались, чтобы снова съехаться. Наконец Московские одержали верх, 18 Мая 1595 года подписав следующий договор: «1) быть вечному миру между Швециею и Россиею; 2) первой спокойно владеть Нарвою, Ревелем и всем Чухонским, или Эстонским, *Княжеством*, 3) России не помогать врагам Швеции, а Швеции врагам России, ни людьми, ни деньгами; 4) пленных освободить без окупа и без размена; 5) Лапландцам Остерботнийским и Варангским платить дань Швеции, а Восточным (Кольским и соседственным с землею Двинскою) России; 6) Шведам торговать свободно в Москве, Новгороде, Пскове и в иных местах: также и Россиянам в Швеции; 7) в кораблекрушении и во всяких бедственных случаях усердно оказывать друг другу взаимную по-

мощь; 8) Послам Московским вольно ездить чрез Шведские владения к Императору, Папе, Королю Испанскому и ко всем великим Государям Европейским или их Послам в Москву: также и людям торговым, воинским, лекарям, художникам, ремесленникам». Сей мир обрадовал ту и другую Державу, избавив Шведов от войны разорительной и надежно утвердив за ними Эстонию с Нарвою, а России возвратив древнюю Новгородскую собственность, где наши братья и церкви тосковали под властью чуждых завоевателей. Феодор вместе с Воеводами Послал в Кексгольм и Святителя, чтобы очистить там православие от следов иноверия.

Хотя Стен-Банер, Горн и Бое договаривались с нами еще именем Короля Сигизмунда, но он в самом деле не имел в том участия, и, мало заботясь о строптивой Швеции, в какой-то душевной сонливости редко сносился с Москвою и по делам Литовским. Тем более хитрила наша Дума Государственная, стараясь вселить в Вельможных панов недоверенность к беспечному Королю, и как бы с удивлением дав им заметить, что Сигизмунд в

своим титуле ставит имя Швеции выше имени Польского Королевства, спрашивали: «с их ли ведома он унижает знаменитую корону Ягеллонов пред Готфскою, столь новою и ничтожною? ибо Шведы еще недавно были подданными Дании, вместо Государей имея у себя Правителей, которые сносились только с Новгородскими Наместниками». Но величавые Паны, еще с живым неудовольствием вспоминая повелительную твердость Баториеву, любили мягкого Сигизмунда и хвалились его счастьем, одержав победу над Ханом Крымским, надеясь без войны взять Эстонию и наслаждаясь временным миром с Россиею, также им довольною.

Ослабленный несчастным походом Московским, Хан еще не престал, как видим, усиленно действовать против соседственных держав Христианских, чтобы искать добычи, не впасть в презрение у своих хищных Князей и не лишиться власти от гнева Амуратова: ибо Султан осыпал его жестокими укоризнами за малодушное бегство из России, коего стыд падал и на знамена Оттоманские. Желая усыпить Феодора, Казы-Гирей писал к нему о

возобновлении дружбы между ими; извинялся легковерием, наказами злых людей, которые хотели их ссорить, и гонец Крымский за тайну объявил Правителю, что Хан, зная мысль Султанову дать иного властителя Тавриде, намерен отстать от Турков, всею душою соединиться с Царем, все Улусы вывести из полуострова, разорить Крым, основать для себя державу и крепость на берегах Днепра, на Кошкине Перевозе, и там служить неодолимою оградою для России, в угрозу ненавистным Оттоманам, или Феодор доставит ему несколько пуд серебра на строение сей крепости; что в удостоверение своего дружества к нам и в задаток будущих великих услуг Казы-Гирей идет снова опустошать Литву. Хан, как обыкновенно, обманывал; а мы, как обыкновенно, и верили ему и не верили: послали гонца в Тавриду с ответом, что забудем все его злодейства, если он искренно примирится с нами; что дружба великого Монарха Христианского и для Мусульманина предпочтительнее игу Оттоманскому; что мы хотя и не в войне с Литвою, однако ж *не будем досадовать* на Хана за опустошение сей враждеб-

ной для него земли (коварство, называемое политикою!). Но чиновник Московский, еще не доехав до Тавриды, сведал, что ее Царевичи, Калга Фети-Гирей и Нурадин-Бахта, уже огнем и мечом свирепствуют в пределах Рязанских, Каширских, Тульских, где, не к похвале бдительного Правителя, все сделалось жертвою их мести или корыстолюбия: защиты не было. Они не думали идти к Москве: ушли назад, но истребив селения и захватив в плен множество *Дворян* с детьми и женами. Сия оплошность России стоила злой насмешки Хана, сказавшего с видом удивления гонцу Феодорову: «Куда делось войско Московское? Царевичи и Князья наши не вынимали ни сабли из ножен, ни стрелы из колчана и плетью гнали тысячи пленников, слыша, что ваши храбрые Воеводы прячутся в лесах и в дубрах». В знак милости надев на сего чиновника золотой кафтан, Хан велел ему уверить Феодора, что Царевичи действовали самовольно и что от нас зависит купить мир с Тавридою серебром и мехами драгоценными!

Упорствуя в желании сего мира, Феодор решился тогда возобновить сношения с Султа-

ном и послал в Константинополь чрез Кафу Дворянина Нащокина требовать, чтобы Амурат запретил Хану, Азовцам и Белгородцам воевать Россию из признательности к нашему истинному дружеству: «ибо мы, – так писал Царь к Султану и Годунов к Великому Визирю, – не хотим слушать Императора, Королей Испанского и Литовского, Папы и Шаха, которые убеждают нас вместе с ними обнажить меч на Главу Мусульманства». Изъявив учтивость Посланнику, Визирь сказал: «Царь предлагает нам дружбу: мы поверим ей, когда он согласится отдать великому Султану Астрахань и Казань. Не боимся ни Европы, ни Азии: войско наше столь бесчисленно, что земля не может поднять его; оно готово устремиться сухим путем на Шаха, Литву и Цесаря, а морем на Королей Испанского и Французского. Хвалим вашу мудрость, если вы действительно не хотели пристать к ним, и Султан не велит Хану тревожить России, буде Царь сведет с Дону Козаков своих и разрушит четыре новые крепости, основанные им на берегах сей реки и Терека, чтобы преграждать нам путь к Дербенту: или сделайте так,

или (в чем клянуся Богом) не только велим Хану и Ногаям беспрестанно воевать Россию, но и сами *пойдем на Москву своими головами, сухим путем и морем*, не боясь ни трудов, ни опасностей, – не жалея ни казны, ни крови. Вы миролюбивы; но для чего же вступаете в тесную связь с Ивериєю, подвластною Султану?» Нащокин отвечал, что Астрахань и Казань нераздельны с Москвою; что Царь велит выгнать Козаков из окрестностей Дона, где нет у нас никаких крепостей; что связь наша с Грузиєю состоит в единовѣрии и что мы посылаем туда не войско, а Священников и дозволяем ее жителям ездить в Россию для торговли. Нащокин предлагал Визирю изъясниться с Царем чрез Посла Султанского: Визирь сперва не хотел того, сказав: «у нас нет сего обычая: допускаем к себе послов иноземных, а своих не шлем»; однако ж согласился наконец отправить в Москву сановника, Чауша Резвана, с требованиями объявленными Нащокину; а Царь с ответом и с дарами (с черною лисьєю шубою для Амурата, с соболями для визиря) еще Послал в Константинополь Дворянина Исленьева (в июле 1594), обещающая

унять Козаков и свободно пропустить Турков в Дербент, в Шамаху, в Баку, если Амурат уйдет Казы-Гирея. «Мы велели (писал Феодор к Султану) основать крепости в земле Кабардинской и Шавкальской не в досаду тебе, а для безопасности жителей. Мы ничего у вас не отняли: ибо Князья Горские, Черкесские и Шавкальские были издревле *нашими подданными Рязанских пределов*, бежали в горы и там покорились отцу моему, своему давнишнему, законному властителю». Сия *новая история* Кабарды и Дагестана не уверила Султана, чтобы их Князья были Рязанскими выходцами: он видел стремление Московской Политики к присвоениям на Востоке, не мог ей благоприятствовать и не думал содействовать успокоению России, то есть мирить Хана с нею.

Сии Константинопольские Посольства не доставили нам ничего, кроме любопытных сведений о состоянии Империи Оттоманской и Греков. «В Турции ныне (доносил Нащокин) все изменилось: Султан и Паши мыслят единственно о корысти; первый умножает казну, а для чего, неизвестно: прячет золото в сундуках и не делает жалованья войску, которое

в ужасном мятеже недавно приступало ко дворцу, требуя головы Дефтердаря, или Казначея. Нет ни устройства, ни правды в Государстве. Султан обирает чиновников, чиновники обирают народ; везде грабеж и смертоубийства; нет безопасности для путешественников на дорогах, ни для купцов в торговле. Земля опустела от войны Персидской и насилия, особенно Молдавская и Волошская, где непрестанно сменяют Господарей от мздоимства. Греки в страшном утеснении: бедствуют, не имея и надежды на будущее». Исленьев был задержан в Константинополе, где в 1595 году воцарился Магомет III: ибо сей новый Султан, гнусный душегубец девятнадцати братьев, ждал только благоприятного времени, чтобы объявить войну России. Между тем, в Цареграде называя Донских витязей шайкою разбойников, мы посылали им воинские снаряды, свинец и селитру. Они умножились числом, принимая к себе Козаков Днепровских и всяких бродяг, вели непрестанную войну с Азовом, с Ногаями, с Черкесами, с Тавридою и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь ука-

зов Царских. Нащокин из Азова писал в Москву, что Козаки станиц низовых силою отняли у него дары Государевы, не хотели без окупа выдать ему своих пленников, Султанского Чауша с шестью Князьями Черкесскими, и с досады одному из них отсекли руку, вопя на шумной сходке: «Мы верны Царю Белому; но кого берем саблею, того не освобождаем даром!» Своевольством заслуживая опалу, Козаки заслуживали и милость Государеву, будучи непримиримыми врагами злодеев и зломысленников России.

Не имев успеха в намерении обуздать Хана посредством Турции, мы наконец и без ее содействия достигли цели своей: обезоружили его, не столько угождениями и переговорами, сколько благоразумными мерами, взятыми для защиты южных областей России. Возобновив древний Курск, давно запустевший — основав крепости Ливны, Кромы, Воронеж — Царь в конце 1593 года велел строить еще новые, на всех *сакмах*, или путях Татарских, от реки Донца к берегам Оки: Белгород, Оскол, Валуйку, и населить оные людьми ратными, стрельцами, Козаками, так что разбойники

Ханские уже не могли легко обходить грозных для них твердынь, откуда летом непрерывно выезжали конные отряды для наблюдения и гром пушечный оглушал варваров. Царь в одной руке держал меч, а в другой золото, и призывал к Хану: «Папа Римский, Цесарь, Короли Испанский, Португальский, Датский и вся Германия убеждают меня искоренить твой улус, между тем как они всеми силами будут действовать против Султана. Собственные Бояре мои, Князья, Воеводы, в особенности жители Украйны, также бьют мне челом, чтобы я вспомнил все ваши неправды и злодейства, двинул войско и в самых недрах твоей Орды не оставил камня на камне. Но я, желая дружбы твоей и Султановой, не внимаю ни Послам Европейских Государей, ни воплю моего народа и предлагаю тебе братство с богатыми дарами». Непрестанно помыкаемый Амуратом из земли в землю, то в Молдавию и Валахию, то в Венгрию, чтобы усмирять бунты Оттоманских данников или сражаться с Австрийцами, изнуряя войско в походах и приобретая скудную добычу трагю многих людей в битвах, Хан вымолил у

Султана дозволение обмануть Россию ложным примирением, торжественным и пышным, какого в течение семидесяти пяти лет у нас не бывало с Тавридою. В Ноябре 1593 года съехались знатные Послы, Ханский Ахмет-паша и Московские, Князь Федор Хворостинин с Богданом Бельским, на берегу Сосны, под Ливнами, для предварительного договора: сия река была тогда границею обитаемой, или населенной, России; далее к югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреев не хотел ехать на левый берег Сосны, боясь отдаться нам в руки и тем унижить достоинство Хана. Послы, сходясь на мосту, условились с обеих сторон прекратить неприятельские действия, освободить пленников, утвердить мир и союз навеки: для чего Крымскому Ширинскому Князю, Ишимамету, надлежало ехать в Москву, а Князю Меркурию Щербатову в Тавриду. Сии новые, Великие Послы, встретясь на том же мосту, ласково приветствовали друг друга, и каждый отправился в свой путь. В залог дружбы Феодор отпустил к Хану жену Царевича Мурата, умершего в Астрахани; доставил Казы-Гирею 10000 рублей,

сверх шуб и тканей драгоценных, обещая присылать ежегодно столько же; наконец имел удовольствие получить от него (летом в 1594 году) шертную, или клятвенную, грамоту с златою печатью. Сия грамота условиями и выражениями напоминала старые, истинно союзные, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостоверял Иоанна III в любви и в братстве. Казы-Гирей обязывался быть врагом наших врагов, без милости казнить своих Улусников за впадения в Россию, возвращать их добычу и пленников, оберегать Царских Послов и людей торговых, не задерживать иноземцев на пути в Москву, и проч. Хотя с сего времени Крымцы года три не беспокоили наших владений, усиленно помогая Султану в войне Венгерской: но рать Московская всегда стояла на берегах Оки, готовая к бою.

В сие время, совершенно мирное для России, внешняя политика ее не дремала, — и смело уверяя Султана, что мы из дружбы к нему не хотим дружить с его врагами, двор Московский искреннее прежнего желал союза с ними. В Сентябре 1593 года Цесарь вторично прислал в Москву сановника Николая

Варкоча красноречиво доказывать необходимость единодушного восстания держав Христианских на Султана и требовать от нас денежного вспоможения или мехов драгоценных для войны с неверными. В тайной речи он сказал Годунову, что Рудольф думает жениться на дочери Филиппа, Короля Испанского, и присвоить себе Францию с согласия многих тамошних Вельмож, ненавидящих Генрика IV; что Сигизмунд, оскорбляемый самовольством и дерзостью Панов, хочет сложить с себя венец Ягеллонов и возвратиться в Швецию; что брат Императора, Максимилиан, снова надеется быть Королем Польским и молит Феодора способствовать ему в том всеми нашими силами, обязываясь уступить России часть Ливонии. Именем Царским Бояре ответствовали: «Дед, отец Феодоров и сам Феодор многократно изъявляли Венскому Двору свою готовность вместе с Европою воевать Оттоманов; но мы тщетно ждали Императорского, Испанского и Римского Посольства в Москву для условия: ждем и ныне. За казну не стоим: лишь бы началось великое дело славы и спасения Христиан. Царь желает во всем успеха

Императору; будет ревностно действовать, чтобы доставить Максимилиану корону Польскую, и в таком случае уступит ему всю Ливонию, кроме Дерпта и Нарвы, необходимых для России». Варкоча отпустили с письмами к Рудольфу, Филиппу, папе о скорейшем отправлении Послов в Москву и к Шведскому Принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Феодор предлагал убежище сими словами: «Отцы наши были в дружбе и союзе: узнав, что ты скитаешься изгнанником в землях Италийских, зову тебя в Россию, где будешь иметь пристойное жалованье, многие города в отчину, жизнь спокойную и свободу выехать, когда и куда тебе угодно». После объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тем беспечный Рудольф, уже воюя с Султаном в Венгрии, еще не спешил заключить союза с Россиею. В Августе 1594 года явился в Москве гонец его, но с письмом странным (на языке Латинском, за открытою печатью), писанным вместе и к Феодору, и к Молдавскому Господарю Аарону, и к Бряславскому Воеводе Збаражскому, и к Козакам Днепровским, такого содержания: «Вручитель се-

го, Станислав Хлопицкий, начальник Запорожского войска, изъявил нам добрую волю служить Империи против неверного Султана с осмью или с десятью тысячами Козаков. Мы его охотно приняли и дали ему свое знамя, Орла черного, с тем, чтобы он *залег все пути Крымцам к Дунаю*, огнем и мечем опустошая владения Султанские, но щадя Литовские и другие Христианские земли: для чего и молим вас благоприятствовать сему нашему слуге усердному». Ясно, что надпись к Феодору была поддельная: не мог Император говорить одним языком и с Царем Московским и с Козаками; на словах же, именем Рудольфа, Хлопицкий известил Бояр о победах его, о союзе с ним Князя Седмиградского, Государей Молдавского и Волошского, уверяя, что Запорожские воины, считая Россию своим истинным отечеством, не смеют действовать без воли Царя, и молил, чтобы Феодор, соединив с ними несколько дружин Московских, велел им идти на Турков под знаменами Россиян. Хлопицкого не допустили до Государя, изъяснив ему непристойность Цесаревой грамоты; но примолвили: «из уважения к Императору»

Царь отпускает тебя без гнева и напишет к Гетману Запорожцев, Богдану Микошинскому, что они могут служить Рудольфу». Обстоятельство достопамятное: Днепровские Козаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболепно угождающей Султану, входят в союз с Императором, чтобы воевать с Турками, и признают себя в какой-то зависимости от Царя Московского! Хотя сей незаконный союз не имел желаемого следствия для Австрии; хотя Литовское Правительство наказало самовольство Козаков, отняв у них пушки, знамена, серебряные трубы, булаву, данную им Стефаном Баторием, и Черного орла Императорского: но воспоминания общего древнего отечества, единоверие, утеснение Греческой Церкви в Литве и месть народная с того времени уже явно готовили в душе Днепровских витязей присоединение их благословенного края к Державе Московской.

Желая чего-нибудь решительного в наших долговременных переговорах с Австриею, Федор посылал и своего гонца к Рудольфу, чтобы узнать истинную вину его странного отлагательства в деле столь важном: сведал, что

Николай Варкоч, выехав из России, нашел Императора в Праге, но долго не мог быть ему представлен, за обыкновенными недосугами сего праздного Венценосца; что Рудольф сообщил наконец Сейму Курфирстов благоприятный ответ Феодоров и что они, высоко ценя дружбу России, убедили его отправить к нам новое Посольство. Чрез несколько месяцев (в Декабре 1594) приехал в Москву тот же Варкоч, с уведомлением, что Турки более и более усиливаются в Венгрии: он требовал немедленного вспоможения казною – и мы удивили Австрийский двор щедростию, Послав Императору, на воинские издержки, 40360 соболей, 20760 куниц, 120 черных лисиц, 337235 белок и 3000 бобров, ценою на 44 тысячи Московских тогдашних рублей, с Думным Дворянином Вельяминовым, коему оказали в Праге необыкновенную честь: войско стояло в ружье на всех улицах, где он ехал ко дворцу в Императорской карете; не было конца приветствиям, угощениям, ласкам; давали ему обед за обедом, и всегда с музыкою, хотя сей чиновник не искал веселия, говоря: «Православный Царь оплакивает кончину своей ми-

лой дочери; а с ним плачет и вся Россия». В двадцати комнатах дворца разложив дары Феодоровы пред глазами Императора и Вельмож его, он удовлетворил их любопытству описанием (Сибири, богатой мехами, но не хотел сказать, чего стоила сия присылка Государева, оцененная Богемскими Евреями и купцами в восемь бочек золота. Вельяминов объявил Министерству Австрийскому, что вспоможение столь значительное доказывает всю искренность Феодорова дружества, невзирая на удивительную медленность Императора и союзников его в заключении торжественного договора с нами. Действительно трудно понять, для чего венский двор как бы уклонялся от сего договора, более для нас, нежели для Австрии, опасного или затруднительного: ибо он вел мирную Россию к войне с Султаном, который уже воевал Австрию! Ответствуя Царю, что дальность мест, вражда Испании с Англиею и Франциею, мятеж Нидерландский, дряхлость Короля Филиппа и новость Папы (Климента VIII) мешают общему союзу держав Христианских против Оттоманов, Император послал однако ж к Феодо-

ру, для изъявления благодарности, знатного Вельможу, Авраама Бургграфа *Донавского*, с Думным Советником, Юрием Калем, с двадцатью Дворянами и с девяносто двумя слугами.

Сие Посольство удовлетворяло единственно честолюбию Двора Московского своею пышностью и требовало с его стороны такой же. Вельможа Австрийский ехал из Ливонии чрез Псков, видя во всех городах, на всех станях множество людей, чисто одетых и собранных, по указу Царскому, из самых дальних мест, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россия. От границы до Москвы везде встречали и провожали его отряды воинов на прекрасных конях; везде находил он для себя покой с роскошью, не имея только свободы: ибо за ним наблюдали неусыпно, чтобы скрыть от него истины, прискорбные для самолюбия Россиян. В столице везли сего знаменитого гостя лучшими улицами, мимо лучших зданий; отвели ему красивый дом Князя Ноздроватого; дали услугу Царскую; приносили, на золоте и серебре, все лакомства стола русского, вместе с драгоценнейшими винами южной Европы. В день представления (22 Мая 1597)

двор Московский сиял великолепием чрезвычайным. Бургграф, имея подагру, ехал в Кремль не верхом, а в открытом Немецком возке, пред ним 120 всадников, Дворян и Сотников, в блестящих доспехах. Феодор принимал его в Большой Грановитой, *расписной* палате, сидя на троне, в диадеме и с скипетром: Годунов стоял подле, с державою. На правой лавке сидели Царевич Араслан-Алей, сын Кайбулин, Маметкул Сибирский и Князь Федор Мстиславский; на левой Ураз-Магмет, Царевич Киргизский; далее Бояре, сыновья Государей Молдавского и Волошского, Князья Служилые, Окольничие, Крайчий, Оружничий (Бельский), Дворяне Думные, Постельничий, Стряпчий, 13 Стольников, 200 Князей и Дворян; Дьяки же Думные в *Золотой* Грановитой палате. Император прислал в дар Царю мощи Св. Николая, окованные золотом, две кареты, 12 санников, боевые часы с органами, несколько сосудов хрустальных; Годунову кубок драгоценный с изумрудами, часы *стоячие* и двух жеребцов с бархатными попонами; а юному сыну его, Федору Борисовичу, обзьян и попугаев; благодарил, равно ласково, и

Царя и Правителя, который, чрез несколько дней дозволив Послу быть особенно у себя в доме, с величием Монарха *говорил* ему слова милостивые, а Дворянам его давал целовать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важного. Когда Австрийский Вельможа, приступив к главному делу, объявил, что Рудольф еще ждет от нас услуг дальнейших; что мы должны препятствовать впадению Хана в Венгрию и миру Шаха с Султаном; должны и впредь помогать казною Императору, в срочное время, в определенном количестве, золотом или серебром, а не мехами, коих он не может выгодно продавать в Европе: тогда Бояре сказали решительно, что Феодор без взаимного, письменного обязательства Австрии не намерен расточать для нее сокровищ России; что Посланник Государев, Исленьев, остановлен в Константинополе за наше вспоможение Рудольфу казною; что мы всегда обуздываем Хана и давно бы утвердили союз Христианской Европы с Персиею, если бы Император не манил нас пустыми обещаниями. — Вместе с сим Послом был у нас и го-

нец от Максимилиана, хотевшего, чтобы Федор помог ему деньгами в искании короны Польской: Максимилиану, желали короны, но отказали в деньгах – и Бургграф (в Июле месяце) выехал из Москвы с одною честью и с дарами богатыми.

Всего удивительнее, что Рудольф в своей медленности извинялся *новостию* Папы, Климента VIII, а сей Папа тогда же присылал к Федору, чрез Литву, именитого Легата, Александра Комулея, Аббата Моненского, и за тем же делом, убеждая Царя избавить Державы Христианские от ига Мусульманов. Комулей и Вельможа Австрийский едва ли виделись друг с другом в Москве; по крайней мере действовали или говорили без всякого сношения между собою. С обыкновенною тонкостию Римского двора Папа льстил Царю и России; представлял ему, что Оттоманы могут, завоевав Венгрию, завоевать и Польшу с Литвою; что они уже и с другой стороны касаются наших владений, покорив часть Грузии и Персии; что Византийская и многие иные Державы пали от излишней любви к миру, от бездействия и непредвидения опасностей; что

Феодору легко Послать войско в Молдавию и взять Султановы города на берегах Черного моря, где ожидает нас и слава и богатая добыча; что мы лучше узнаем там искусство военное, ибо увидим, как Немцы, Венгры, Италианцы сражаются и побеждают Турков; что от нас зависит присоединить к России земли счастливые благорастворением воздуха, выгодами естественными, красотою природы и чрез Фракию открыть себе путь к самой Византии, наследственному достоянию Государей Московских; что ревность Веры сближает пространства; что Рим и Мадрит далеки от Воспора, но что Константинополь увидит знамена Апостольские и Филипповы; что народы, угнетаемые Турками, суть нам братья по языку и Закону; что время благоприятно: войско Оттоманское разбито в Персии и в Венгрии, а внутри Турции везде мятеж, и не осталось половины жителей. – Достойны замечания и следующие места наказа, данного Папою Легату: «Мы слышали, что Цари любят хвалиться своим мнимым происхождением от древних Римских Императоров и дают себе пышные титула: изъясни Боярам Московским,

что степени в достоинстве или в величии Государей должны быть утверждены нами, и в пример наименуй Королей Польских и Богемских, обязанных венцем Первосвятителю Всемирной Церкви. Старайся впечатлеть в их души благоговение ко главе Христиан, мирных и счастливых нашею духовною властью; доказывай, что истинная Христова Церковь в Риме, а не в Константинополе, где неверные Султаны торгуют саном рабов-патриархов, чуждых благодати Св. Духа; что зависеть от мнимых Пастырей Византийских есть зависеть от врагов Спасителя, и что Россия знаменитая достойна лучшей доли. Тебе, мужу ученому, известно несогласие в догматах Римской и Греческой Веры: убеждай Россиян в истине нашего православия, сильно, но осторожно, тем осторожнее, что они *весьма любят точность*, и что ты, говоря их собственным языком, не можешь извиниться неведением истинного разума слов. Но сколько имеешь и выгод пред всеми учителями, посланными к ним из Рима в течение семи веков, и незнакомыми ни с языком, ни с обычаями России! Если Господь благословит подвиг

твой успехом; если откроешь путь к соединению Вер, то сердце наше утешится и славою Церкви и спасением душ бесчисленных». — Знаем, что с сим наказом Климентов Посол был два раза в Москве (в 1595 и 1597 году), но не знаем его переговоров, которые впрочем не имели важных следствий, уменьшив, как вероятно, надежду Рима на государственный и церковный союз с Россиею, по крайней мере до времени.

Обещая Императору, без сомнения и Папе, верного сподвижника в Шахе Персидском, мы действительно могли сдержать слово, возобновив с ним дружелюбную связь. Уже сей знаменитый Шах, Аббас, готовился к делам славы, которые доставили ему в летописях имя Великого; наследовав Державу расстроенную слабостию Тамаса и Годабенда, возмущаемую кознями Удельных Ханов, стесненную завоеваниями Турков, хотел единственно временного мира с последними, чтобы утвердиться на престоле и смирить внутренних мятежников; старался узнать взаимные отношения Государств, самых дальних, и, приветствуя за морями доброго союзника в

Короле Испанском, видел еще надежнейшего в сильном Монархе Российском, коего владения уже сходились с Персидскими и с Оттоманскими: новый Посол Шахов (в 1593 году), Ази Хосрев, вручив Царю ласковое письмо Аббасово, всего более льстил Правителю, в тайных с ним беседах пышными выражениями восточными, говоря ему: «ты единою рукою держишь землю Русскую, а другую возложи с любовью на моего Шаха и навеки утверди братство между им и Царем». Борис отвечал скромно: «я только исполняю волю Самодержца; где его слово, там моя голова», – но взялся быть ревностным ходатаем за Шаха. Изъясняя Годунову, что перемирие, заключенное Персиею с Турками, есть одна хитрость воинская, Посол сказал: «Чтобы усыпить их, Шах дал им своего шестилетнего племянника в аманаты – или в жертву: пусть они зарежут младенца при первом блеске нашей сабли! Тем лучше: ибо грозный Аббас не любит ни племянников, ни братьев, готовя для них вечный покой в могиле или мрак ослепления в темнице». Ази не клеветал на Шаха; но сей безжалостный истребитель еди-

нокровных умел явить себя великим Монархом в глазах Посла Феодорова, Князя Андрея Звенигородского, коему надлежало узнать все обстоятельства Персии и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (в 1594 году) ехал чрез Гилянъ, уже подвластную Шаху, который выгнал ее Царя, Ахмета, обвиняемого им в вероломстве. Везде тишина и порядок доказывали неусыпную деятельность государственной власти; везде честили Посла, как вестника Феодоровой дружбы к Шаху. Аббас принял его в Кашане, окруженный блестящим Двором, Царевичами и Вельможами, имея на бедре осыпанную алмазами саблю, а подле себя лук и стрелу; дал ему руку, не предлагая целовать ноги своей; изъявлял живейшее удовольствие; славил Царя и Годунова. Пирь и забавы предшествовали делам: днем гулянья в садах, музыка, пляски, игры воинские (в коих сам Аббас оказывал редкое искусство, носясь вихрем на борзом аргамаке своем и пуская стрелы в цель); ввечеру потешные огни, яркое освещение садов, водометов, площади, красивых лавок, где толпилось множество людей и где раскладывались драгоценности Азиатские

для прельщения глаз. Шах хвалился войском, цветущим состоянием художеств и торговли, пышностью, великолепием и, показывая Князю Звенигородскому свои новые палаты, говорил: «ни отец, ни дед мой не имели таких». Показывал ему и все свои редкие сокровища: *желтый яхонт*, весом во 100 золотников, назначенный им в дар Царю, богатое седло Тамерланово, латы и шлемы работы Персидской. За обедом, сидя с ним рядом, Шах сказал: «Видишь ли Посла Индейского, сидящего здесь ниже тебя? Монарх его, Джеладдин Айбер, владеет странами неизмеримыми, едва ли не двумя третями населенного мира; но я уважаю твоего Царя еще более». Начав беседовать с Князем Андреем о делах, Аббас удостоверял его в твердом намерении изгнать ненавистных Оттоманов из западных областей Персии, но прежде отнять Хоросан у Царя бухарского Абдулы, который овладел им в Годабендово несчастное время и завоевал Хиву. «Я живу одною мыслию, – говорил Аббас, – восстановить целостность и знаменитость древней Персии. Имею 40000 всадников, 30000 пеших воинов, 6000 стрельцов с *огненным боем*,

смирю ближайшего недруга, а после и Султана: даю в том клятву, довольствуясь искренним обещанием Государя Московского содействовать, когда настанет время, успеху сего великого подвига, да разделим славу и выгоду оного!» Аббас соглашался вступить в сношение с Австриею чрез Москву (где Посол его виделся с Рудольфовым); бесспорно, уступал нам Иверию, но говорил: «Царь Александр обманывает Россию, грубит мне и тайно платит дань Султану». Сын Александров, Константин, находясь аманатом в Персии, волею или неволею принял там Веру Магометанскую и женился на Мусульманке: Шах в угодность Феодору отпускал его в Москву; но сей юный Князь сам не захотел ехать туда, сквозь слезы сказав нашему Послу: «моя судьба умереть здесь в честном рабстве!» Чтобы доказать отменную дружбу к России, Аббас приехал сам нечаянно в гости к Князю Звенигородскому с изгнанником, Царем Хивинским, Азимом, и с первым своим Министром, Фергат-ханом, пил у него вино и мед (любя часто быть навеселе, вопреки Магомету), внимательно рассматривал иконы Богоматери и Св. Николая и, взяв

от хозяина в дар черную лисью шапку, отдал его щедро прекрасным аргамаком и образом Девы Марии, писанным на золоте в Персии с Фряжской иконы, которая была прислана Шаху из Ормуса. В подтверждение всего сказанного Андрею Звенигородскому, Аббас Послал с ним в Москву одного из Вельмож своих, Куляя; а Феодор к Шаху Князя Василья Тюфякина с образцовою договорною грамотою, в том смысле, чтобы им быть верными союзниками и братьями, общими силами выгнать Турков из земель Каспийских, России взять Дербент с Бакою, Персии Ширванскую область. Но Тюфякин и Дьяк его умерли на пути: о чем долго не знали в Москве, и сношения с Аббасом, занятым тогда счастливою для него войною Бухарскою, прервались до нового Царствования в России.

По крайней мере Шах уступил нам Иверию: до времени не споря об ней с Султаном явно, Феодор хотел утвердить свое право на имя ее верховного властителя усмирением жестокого врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылал на него Воевод, Князей Григория Засекина и Андрея Хворостинина:

от первого бежал Шавкал в неприступные горы; второму надлежало довершить покорение сей земли Дагестанской, соединиться в ней с войском Иверским, с сыном Александровым, Юрием, и взять ее столицу, Тарки, чтобы отдать ее тестю Юриеву, другому Князю Дагестанскому. Князь Хворостинин пришел и взял Тарки; но не встретил ни сына, ни свата Александрова: ждал их тщетно; непрестанно бился с горными жителями, ежедневно слабел в силах, и должен был, разорив Тарки, бежать назад в Терскую крепость: не менее трех тысяч Россиян легло, как пишут, в горах и дебрях. Сей случай мог быть поставлен в вину Александру: Царь изъявил ему удивление, для чего сын и сват его не соединились с нашим Воеводою? Александр извинялся непроходимостью гор; а Феодор благоразумно заметил ему, что если разбойник Шавкал находит путь в Иверию, то и войско Иверское могло бы найти путь в землю Шавкала. Однако ж терпеливая, хладнокровная политика наша не изменилась от сей досады, ни от скупости Александра в платеже нам дани: «казна моя истощена (говорил он) свадьбою моей до-

чери, вышедшей за Князя Дадьянского, и многими дарами, коих требуют от меня сильные Цари Мусульманские». Узнав, что Александр примирился с зятем своим, Симеоном, будто бы в услугу России, Царь писал к первому: «верю твоему усердию и еще более поверю, если склонишь Симеона быть нашим присяжником». Обманывал ли Александр Россию, как сказал Шах Аббас Князю Звенигородскому? Нет, он был только слабым между сильными: без сомнения искренно предпочитал власть России власти Оттоманской и Персидской: надеялся, ободрялся; но видя, что мы не хотим или не можем прислать в Иверию войска достаточного для обороны ее, хладел в усердии к нам; не слагал с себя имени Российского данника, но действительно платил дань Султану (шелком и конями), убеждая Федора защитить Иверию хотя со стороны Дагестана, где Московские Воеводы основали тогда новые крепости на берегу Койсы, чтобы стеснить Шавкала и загладить неудачу Князя Хворостинина.

Сверх Иверии и Князей Черкесских, или Кабардинских, подвластных России – сверх

Ногаев, также наших присяжников, хотя и не всегда верных – Феодор с 1595 года объявил себя владыкою и многолюдной Орды Киргизской: Хан ее, Тевкель, именуясь *Царем Казацким и Калмацким*, добровольно ему поддался, моля единственно о свободе племянника своего, Ураз-Магмета, взятого нами вместе с Сибирским Князем, Сейдяком. Феодор обещал Тевкелю милость, защиту и снаряд огнестрельный; соглашался отпустить к нему племянника, но требовал от него сына в аманаты. Кроме чести быть *Царем Царей*, Феодор ожидал и пользы от нового слуги Российского: наш злодей, изгнанник Сибирский, Кучюм, скитался в степях Киргизских: мы хотели, чтобы Тевкель истребил или представил его в Москву и воевал Бухарию, ибо Царь ее, Абдула, покровительствовал Кучюма и в своих письмах грубил Феодору. – Так политика наша действовала в Азии, чтобы утвердить власть России над Востоком.

В Европе мы сносились еще с Даниею и с Англиею: с первою о границах в Лапландии, со второю о торговле. Фридерик Датский, желая означить верный предел нашего и своего

владения во глубине Севера, между Колою и Варгавом, присылал туда чиновника, Керстена Фриза; но он уехал назад, не хотев ждать Посла Московского, Князя Ивана Борятинского. Новый Король, сын Фридериков, Христиан IV, изъявив Феодору желание быть с ним в *крепкой любви*, также условился о съезде послов в Лапландии, и также бесплодно: Воевода, Князь Семен Звенигородский, и Наместник Болховский, Григорий Васильчиков, (в 1592 году) долго жили в Коле и не могли дожждаться Христиановых поверенных. С обеих сторон извинялись дальностью и неверностью пути, бурями и снегами; с обеих сторон узнали по крайней мере, от старожилков Кольских и Варгавских, древнюю межу Норвегии с Новагородскою Лопью; велели жителям прекратить споры, торговать мирно и свободно, впредь до общего, письменного условия между Царем и Королем. Феодор, в удовольствие Христиану, дал слово освободить некоторых пленников, взятых Россиянами в набеге Датчан на уезд Колмогорский, и писал о том к начальникам Астрахани, Терской крепости и Сибири, куда ссылались военнопленные. Од-

ним словом, Дания снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговле России с Англиею.

Сия важная торговля едва было не прервалась от взаимных досад Английского и нашего Правительства. Мы жаловались на обманы Лондонских купцов и требовали с них около полумиллиона нынешних рублей, взятых ими в долг из Царской казны, у Годунова, у Бояр и дворян; а купцы запирались в сем долге, слагали его друг на друга и жаловались на притеснения. Царь (в 1588 году) вторично посылал Бекмана в Лондон для объяснения с Елисаветою, которая долго не могла видеть его, оплакивая смерть человека, некогда милого ее сердцу: графа Лейстера; наконец приняла толмача Российского с великою милостию: отошла с ним в угол комнаты и беседовала тихо; пеняла ему без гнева, что он, года за четыре перед тем гуляв и беседовав с нею в саду, будто бы в донесении к Царю назвал сие увеселительное место низким именем огорода; спрашивала о здоровье Годунова; уверяла, что все сделает из дружбы к Феодору, но объявила новые требования, с коими приехал в

Москву доктор Флетчер. Сей более ученый, нежели знатный Посланник именем Елисаветы предложил нашей Думе следующие статьи:

«Королева желала бы заключить тесный союз с Царем; но океан между ими: дальность, препятствуя государственному союзу, не мешает однако ж любви сердечной: так отец Феодоров, Государь славный и мудрый, всегда являл себя истинным братом Елисаветы, которая хочет быть нежною сестрою и великого сына его. Сия любовь, хотя и бескорыстная, питается частыми сношениями Венценосцев о делах купеческих: если гостей Английских не будет в России, то Королева и не услышит о Царе; а долговременная безвестность не охладит ли взаимного дружества?

Для утверждения сей, ее сердцу приятной связи, Королева молит Царя, чтобы он указал: 1) основательнее рассмотреть дело о сомнительном долге купцев Лондонских; 2) судить их только великому Боярину Годунову, благотворителю Англичан; 3) давать им, как было в Царствование Иоанново, свободный путь из Москвы в Бухарию, в Шамаху и в Персию, без

задержания и без всякого осмотра товаров в Казани и в Астрахани; 4) Царским сановникам не брать у них ничего силою, без платежа денег; 5) отменить всякую заповедь в товарах, покупаемых Англичанами в России; 6) способствовать им в отыскании земли Китайской, давать вожатых, суда и лошадей на всех дорогах; 7) без письменного вида от Елисаветы не пускать никаких гостей в пристани между Варгавом и Двинским устьем, ни в Новгород; 8) денежным Российским мастерам беспошлинно переливать ефимки для купцов Лондонских; 9) ни в каких преступлениях не пытаться Англичан, но отсылать к их старосте или прикащику, или в Англию для казни; 10) никого из них не беспокоить в рассуждении Веры. — Сим докажет Царь любовь к Елисавете».

Бояре написали в ответ: «Государь наш, благодаря Королеву за доброе к нему расположение, сам искренно желает ее дружбы, подобно своему великому родителю; но не может согласиться с тем, чтобы взаимная любовь Венценосцев питалась делами купечества и чтобы без торговли они уже не имели

средств сноситься друг с другом. Такие выражения непристойны. Царь хочет жить в братстве с знаменитыми Монархами, с Султаном, Императором, Королями Испанским, Французским, с Елисаветою, и со всеми не для выгоды купцев, а для своего *обычая государственного*. В удовольствие Елисавете он жаловал гостей Лондонских, которые, забыв его милости, начали жить обманом, не платить долгов, ездить тайно в другие земли как лазутчики, в письмах злословить Россию, преграждать путь иноземным кораблям к Двинскому устью – одним словом, заслуживали казнь по уставам всех Государств; но Царь из уважения к Королеве, щадил преступников, и писал к ней о делах их; щадит и теперь: се его воля!

1) Хотя долг купцев Лондонских ни мало несомнителен; хотя сие дело было уже основательно рассмотрено в Царском Совете: но Государь из великодушия уступает им половину, требуя, чтобы они немедленно заплатили 12 тысяч рублей. – 2) Непристойно самому великому, ближнему Боярину и шурина Царскому судить купцев: ему вверено Государ-

ство; без его ведома ничего не делается: но судить Англичан будут люди приказные, а ему только докладывать. – 3) Из особенной любви к сестре своей, Елисавете, Государь дозволяет Англичанам ездить чрез Россию в Бухарию и в Персию, не платя пошлины с товаров, хотя другим иноземцам и не велено ни за версту ездить далее Москвы. – 4) Он не терпит, чтобы в его земле силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было. – 5) Завета нет и не будет для гостей Лондонских в покупке наших товаров, кроме воска, вымениваемого иноземцами в России единственно на ямчугу или на зелье и серу. – 6) Невозможно Царю пускать иноземцев чрез Россию для отыскания других Государств. – 7) Удивительно, что Королева снова объявляет требование столь неблагоприятное и недружелюбное: мы сказали и повторяем, что в угодность Англии не затворим своих пристаней и не изменим нашего закона в торговле: свободы. – 8) Англичане вольны делать деньги, платя известную пошлину, как и Россияне. – 9) Никаких чужеземцев не пытаются в России: Англичан же, обвиняемых в самых тяжких преступлениях,

отдают их старостам. – 10) До Веры нет и дела Государю нашему: всякий мирно и спокойно живет в своей, как всегда у нас бывало и будет».

Посол, еще недовольный сими ответами на каждую статью его бумаги, требовал свидания с Годуновым и писал к нему: «Муж светлейший! Королева велела мне *бить тебе челом от сердца*. Она знает благоволение твое к ее народу и любит тебя более всех Государей Христианских. Не смею докучать тому, на ком лежит все Царство; но возрадуюся душою, если дашь мне видеть *пресветлые очи твои*: ибо ты *честь и слава России*». Невзирая на лесть, Флетчер не имел совершенного успеха, и в новой жалованной грамоте, данной тогда Лондонским купцам, упоминается о пошлинах, хотя и легких. Годунов не взял и даров Королевы: «для того (писал он к Елисавете) что ты, как бы в знак неуважения к великому Царю, прислала ему в дар мелкие золотые монеты». К сильнейшему негодованию нашего Двора, явился в Москве новым Посланником от Елисаветы Иероним Горсей, некогда любимый Иоанном и Борисом, но в

1588 году изгнанный из России за умысел препятствовать торговле Немцев в Архангельске: Царь не хотел видеть его, ни Правитель; а Королева писала к Борису, что она не узнает в нем своего бывшего друга; что Англичане, гонимые Андреем Щелкаловым, уже не находят заступника в России и должны навсегда оставить ее. Сия угроза, может быть, произвела действие: ибо Годунов знал всю пользу Английской торговли для России, для нашего обогащения и самого гражданского образования; знал, что Иоанн III уже не мог исправить своей ошибки, чрезмерною строгостию выгнав купцов Ганзейских из Новагорода. Годунов же, как уверяют, любил Англичан более всех иных Европейцев, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя, не преставала изъявлять дружество к Феодору и в доказательство того запретила книгу, изданную (в 1591 году) Флетчером о России, оскорбительную для Царя и писанную вообще с нелюбовию к нашему отечеству. Может быть, и смерть знаменитого Царского сановника, ненавистного Англичанам, благоприятствовала их успеху: около 1595 года не стало

ближнего, Великого Дьяка, Андрея Щелкалова (главного дельца России в течение двадцати пяти лет, угодного Иоанну и Борису отличными способностями, умом гибким и лукавым; совестью неупрямою, смесию достохвальных и злых качеств, нужною для слуги *таких* Властителей); а в начале 1596 года Елисавета уже благодарила Царя за *добродетельную* любовь к ней, за новую милостивую грамоту, данную им Лондонскому купечеству с правом вольной, неограниченной *беспошлинной* торговли во всей России, хваля мудрость нашей Государственной Думы (в коей Василий Щелкалов занял место брата своего, Андрея, называясь с сего времени Ближним Дьяком и Печатником). Елисавета в другом письме к Годунову опровергала клевету, для нее чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благодетель Англичан в России, единственный виновник прав и выгод, данных им Царем, тайно известил меня, что Послы Императора и Папы, будучи в Москве, вымыслили гнусную ложь о моем мнимом союзе с Турками против держав Христианских: ты не верил ей – и не верь. Нет, я

чиста пред Богом и в совести, всегда искренно желав добра Христианству. Спросите у Короля Польского, кто доставил ему мир с Султаном? Англия. Спросите у самого Императора, не старалась ли я удалить бедствие войны от его державы? Он благодарил меня, но хотел войны: теперь жалеет о том, к несчастью поздно! Сановник мой живет в Константинополе единственно для выгод нашей торговли и для освобождения Христианских узников. — Папа ненавидит меня за Короля Испанского, непримиримого врага Англии, сильного флотами и богатствами обеих Индий, но смиренного мною в глазах всей Западной Европы. Надеюсь и впредь на милость Божию, которою да благоденствует и Россия!»

Таковы были последние действия Феодоровой внешней Политики, ознаменованные умом Годунова. Из дел внутренних сего времени достопамятно следующее: Мы знаем, что крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой: свободу в назначенный законом срок переходить с места на место, от владельца к владельцу, с условием обрабатывать часть

земли для себя, другую для господина, или платить ему оброк. Правитель видел невыгоды сего перехода, который часто обманывал надежду земледельцев сыскать господина лучшего, не давал им обживать, привыкать к месту и к людям для успехов хозяйства, для духа общественного, – умножал число бродяг и бедность: пустели села и деревни, оставляемые *кочевыми* жителями; дома обитаемые, или хижины, падали от нерадения хозяев временных. Правитель хвалился льготою, данною им состоянию земледельцев в отчинах Царских и, может быть, в его собственных: без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским – желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном – он в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село, и навеки укрепил их за господами. Что ж было следствием? Негодование знатной части народа и многих владельцев богатых. Крестьяне жалели о древней свободе, хотя и часто бродили с нею

бездомками от юных лет до гроба, хотя и не спасались ее правом от насилия господ временных, безжалостных к людям, для них непрочным; а богатые владельцы, имея немало земель пустых, лишались выгоды населять оные хлебопашцами вольными, коих они сманивали от других вотчинников или помещиков. Тем усерднее могли благодарить Годунова владельцы менее избыточные, ибо уже не страшились запустения ни деревень, ни полей своих от ухода жителей и работников. – Далее откроется, что законодатель благонамеренный, предвидев, вероятно, удовольствие одних и неудовольствие других, не предвидел однако ж всех важных следствий сего нового устава, дополненного указом 1597 года о непрременном возвращении беглых крестьян, с женами, с детьми и со всем имением, господам их, от коих они ушли в течение последних пяти лет, избывая крепостной неволи. – Тогда же вышел указ, чтобы все Бояре, Князья, Дворяне, люди воинские, приказные и торговые явили крепости на своих холопей, им служащих или беглых, для записания их в книги приказа Холопьяго, коему ве-

лено было дать господам кабалы и на людей вольных, если сии люди служили им не менее шести месяцев, то есть законодатель желал угодить господам, не боясь оскорбить бедных слуг, ни справедливости: но подтвердил вечную свободу отпущенников с женами и с детьми обоего пола.

Защитив юг России новыми твердынями, Борис для безопасности нашей границы Литовской в 1596 году основал каменную крепость в Смоленске, куда он сам ездил, чтобы назначить места для рвов, стен и башен. Сие путешествие имело и цель иную: Борис хотел пленить жителей западной России своею милостию; везде останавливался, в городах и селах; снисходительно удовлетворял жалобам, раздавал деньги бедным, угощал богатых. Возвратясь в Москву, Правитель сказал Царю, что Смоленск будет *ожерельем России*. «Но в сем *ожерелье* (возразил ему Князь Трубецкой) могут завестися насекомые, коих мы нескоро выживем»: слово *достопамятное*, говорит летописец: оно *сбылося*: ибо Смоленск, нами укрепленный, сделался *твердынею Литвы*. — Феодор послал туда каменщиков изо всех го-

родов, ближних и дальних. Строение кончилось в 1600 году.

Москва украсилась зданиями прочными. В 1595 году, в отсутствие Феодора, ездившего в Боровскую обитель Св. Пафнутия, сгорел весь Китай-город: чрез несколько месяцев он восстал из пепла с новыми каменными лавками и домами, но едва было снова не сделался жертвою огня и злодейства, которое изумило Москвитян своею безбожною дерзостью. Нашлись изверги, и люди чиновные: Князь Василий Щепин, Дворяне Лебедев, два Байкова, отец с сыном, и другие; тайно условились зажечь столицу, ночью, в разных местах, и в общем смятении расхитить богатую казну, хранимую в церкви Василия Блаженного. К счастью, Правительство узнало о сем заговоре; схватили злодеев и казнили: Князю Щепину и Байковым отсекли головы на лобном месте; иных повесили или на всю жизнь заключили. Сия казнь произвела сильное впечатление в Московском народе, уже отвыкшем от зрелищ кровопролития: гнушаясь адским умыслом, он живо чувствовал спасительный ужас законов для обуздания преступников.

Ревностная, благотворная деятельность верховной власти оказывалась в разных бедственных случаях. Многие города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивением Царским; где не родился хлеб, туда немедленно доставляли его из мест изобильных; во время заразительных болезней учреждались заставы: летописи около 1595 года упоминают о сильном море во Пскове, где осталось так мало жителей, что Царь велел перевести туда мещан из других городов. Внутреннее спокойствие России было нарушено впадением Крымских разбойников в области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую: Калужский Воевода, Михайло Безнин, встретился с ними на берегах Высы и побил их наголову.

Двор Московский отличался благолепием. Не одни любимцы державного, как бывало в грозные дни Иоанновы, но все Бояре и мужи государственные ежедневно, утром и ввечеру, собирались в Кремлевских палатах видеть Царя и с ним молиться, заседать в Думе (три раза в неделю, кроме чрезвычайных надобностей: в Понедельник, в Среду и в Пятницу, от

семи часов утра до десяти и более) или принимать иноземных Послов, или только беседовать друг с другом. Обедать, ужинать возвращались домой, кроме двух или трех Вельмож, изредка приглашаемых к столу Царскому: ибо Феодор, слабый и недужный, отменил утомительные, многолюдные трапезы времен своего отца, деда и прадеда; редко обедал и с Послами. Пышность двора его увеличивало присутствие некоторых знаменитых изгнанников Азии и Европы: Царевич Хивинский, Господари Молдавские (Стефан и Димитрий), сыновья Волошского, родственник Императоров Византийских, Мануил Мускополович, Селунский Вельможа Димитрий и множество благородных Греков являлись у трона Феодорова. вместе с другими чиновными иноземцами, которые искали службы в России. — Пред дворцом стояло обыкновенно 250 стрельцов, с заряженными пищалями, с фитилями горящими. Внутреннюю стражею палат Кремлевских были 200 знатнейших Детей Боярских, называемых жильцами: они, сменяясь, ночевали всегда в третьей комнате от спальни Государевой, а в первой и второй

ближние Царедворцы, Постельничий и товарищи его, называемые *Спальниками*, каждую дверь стерег Истопник, зная, кто имел право входить в оную. Все было устроено для порядка и важности.

Приближаясь к мете, Годунов более и более старался обольщать людей наружностью государственных и человеческих добродетелей; но, буде предание не ложно, еще умножил свои тайные злодеяния новым. Так называемый Царь и великий Князь тверской Симеон, женатый на сестре Боярина Федора Мстиславского, снискав милость Иоаннову верною службою и принятием Христианского Закона, имел в Твери пышный двор и власть Наместника с какими-то правами Удельного Князя, должен был в Царствование Феодорова выехать оттуда и жить уединенно в селе своем Кушалине. Незнаменитый ни разумом, ни мужеством, он слыл однако ж благочестивым, смиренным в счастии, великодушным в ссылке, и казался опасным Правителю, нося громкое имя Царское и будучи зятем первого родового Вельможи. Борис в знак ласки прислал к нему, на именины, вина Испанского:

Симеон выпил кубок, желая здравия Царю, и чрез несколько дней *ослеп*, будто бы от ядовитого зелия, смешанного с сим вином: так говорит Летописец; так говорил и сам несчастный Симеон Французу Маржерету. По крайней мере сие ослепление могло быть полезно для Бориса: ибо государственные бумаги следующих времен России доказывают, что мысль возложить венец Мономахов на голову Татарина не всем Россиянам казалась тогда нелепою.

Обратим взор, в последний раз, на самого Феодора. И в цветущей юности не имел иной важной мысли, кроме спасения души, он в сие время еще менее заботился о мире и Царстве; ходил и ездил из обители в обитель, благодетельствовал нищим и Духовенству, особенно Греческим Монахам, Иерусалимским, Пелопоннесским и другим, которые приносили к нам драгоценности, святыни (одни не расхищенные Турками!): кресты, иконы, мощи. Многие из сих бедных изгнанников оставались в России: Кипрский Архиепископ Игнатий жил в Москве; Арсений Элассонский, быв у нас вместе с Патриархом Иеремиею, возвра-

тился и начальствовал над Суздальскою Епархию. – Феодор с радостию сведал о явлении в Угличе нетленных мощей Князя Романа Владимировича (внука Константинова) и душевно оскорбился бедствием знаменитой обители Печорской Нижегородской, где спасались некогда Угодники Божии, Дионисий Суздальский, ученик его Евфимий и Макарий Желтоводский или Унженский: гора, под которою стоял монастырь, вдруг с треском и колебанием двинулась к Волге, засыпала и разрушила церковь, келии, ограду. Сия гибель места святого поразила воображение людей суеверных и названа в летописи *великим знамением* того, что ожидало Россию, – чего ожидал и Феодор, заметно слабея здравием. Пишут, что он (в 1596 году) торжественно перекладывая мощи Алексия Митрополита в новую серебряную раку, велел Годунову взять их в руки и, взирая на него с печальным умилением, сказал: «Осязай святыню, Правитель народа Христианского! Управляй им и впредь с ревностию. Ты достигнешь желаемого; но все суета и миг на земле!» Феодор предчувствовал близкий конец свой, и час настал.

Нет, не верим преданию ужасному, что Годунов будто бы ускорил сей час отравой. Летописцы достовернейшие молчат о том, с праведным омерзением изобличая все иные злодейства Борисовы. Признательность смиряет и льва яростного; но если ни святость Венценосца, ни святость благодетеля не могли остановить изверга, то он еще мог бы остановиться, видя в брэнном Феодоре явную жертву скорой естественной смерти и между тем властвуя, и ежедневно утверждая власть свою как неотъемлемое достояние... Но история не скрывает и клеветы, преступлениями заслуженной.

(1598 г.) В конце 1597 года Феодор впал в тяжкую болезнь; 6 Генваря открылись в нем явные признаки близкой смерти, к ужасу столицы. Народ любил Феодора, как Ангела земного, озаренного лучами святости, и приписывал действию его ревностных молитв благосостояние отечества; любил с умилением, как последнего Царя Мономаховой крови – и когда в отверстых храмах еще с надеждою просил Бога об исцелении Государя доброго, тогда Патриарх, Вельможи, сановники, уже

не имея надежды, с искренним сокрушением сердца предстояли одру болящего, в ожидании последнего действия Феодоровой Самодержавной власти: завещания о судьбе России сиротеющей. Но как в течение жизни, так и при конце ее, Феодор не имел иной воли, кроме Борисовой; и в сей великий час не изменил своей беспредельной доверенности к наставнику: лишаясь зрения и слуха, еще устремлял темнеющий взор на Годунова и с усилием внимал его шептаниям, чтобы сделать ему угодное. Безмолвствовали Бояре: Первосвятитель Иов дрожащим голосом сказал: «Свет в очах наших меркнет; праведный отходит к Богу... Государь! кому приказываешь Царство, нас сирых и свою Царицу?» Феодор тихо отвечивал: «в Царстве, в вас и в моей Царице волен Господь Всевышний... оставляю грамоту духовную». Сие завещание было уже написано: Феодор вручал Державу Ирине, а душу свою приказывал великому Святителю Иову, двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасии) и шурина Борису Годунову; то есть избрал их быть главными советника-

ми трона. Он хотел проститься с нежною супругою наедине и говорил с нею без земных свидетелей: сия беседа осталась неизвестною. В 11 часов вечера Иов помазал Царя елеем, исповедал и приобщил Святых Таин. В час утра, 7 Генваря, Феодор испустил дух, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко.

В сию минуту оцепенения, горестию произведенного, явилась Царица и пала на тело умершего: ее вынесли в беспмятстве. Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годунов напомнил Боярам, что они, уже не имея Царя, должны присягнуть Царице: все с ревностью исполнили сей обряд священный, целуя крест в руках Патриарха... Случай дотоле беспримерный: ибо мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти. – На рассвете ударили в большой колокол Успенский, извещая народ о преставлении Феодора, и вопль раздался в Москве от палат до хижин: каждый дом, по выражению современника,

был домом плача. Дворец не мог вместить людей, которые стремились к одру усопшего: и знатные и нищие. Слезы лилися; но и чиновники и граждане, подобно Боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой Царице-матери, которая еще спасала Россию от сиротства совершенного. Столица была в отчаянии, но спокойна. Дума послала гонцов в области; велела затворить пути в чужие земли до нового указа и везде строго блюсти тишину.

Тело Феодорово вложили в раку, при самой Ирине, которая ужасала всех исступлением своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни Патриарха; из уст ее, обогранных кровию, вырывались слова: «я вдовица бесчадная... мною гибнет корень Царский!» Вечеру отнесли гроб в церковь Михаила Архангела Патриарх, Святители, Бояре и народ вместе; не было различия в званиях: общая горесть сравнивала их. 8 Генваря совершилось погребение, достопамятное не великолепием, но трогательным беспорядком: захлипаясь от слез и рыдания, Духовенство прерывало священнодействие, и лики

умолкали; в вопле народном никто не мог слышать пения. Уже не плакала – одна Ирина: ее принесли в храм как мертвую. Годунов не осушал глаз, смотря на злосчастную Царицу, но давал все повеления. Отверзли могилу для гроба Феодорова, подле Иоаннова: народ громогласно изъявил благодарность усопшему за счастливые дни его Царствования, с умилением славя личные добродетели сего Ангела кротости, наследованные им от незабвенной Анастасии, – именуя его не Царем, но отцом чадолюбивым, и в искреннем прискорбии сердца забыв слабость души Феодоровой. – Когда предали тело земле, Патриарх, а с ним и все люди, воздев руки на небо, молились, да спасет Господь Россию, и лишив ее пастыря, да не лишит Своей милости. – Совершив печальный обряд, раздали богатую казну бедным, церквам и монастырям; отворили темницы, освободили всех узников, даже смертоубийц, чтобы сим действием милосердия увенчать земную славу Феодоровых добродетелей... Так пресеклось на троне Московском знаменитое Варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величи-

ем, — от начала столь малого, сквозь ряд веков бурных, сквозь огонь и кровь, достигнув господства над севером Европы и Азии воинственным духом своих властителей и народа, счастием и промыслом Божиим!..

Скоро узнала печальная столица, что вместе с Ириною вдовствует и трон Мономахов; что венец и скипетр лежат на нем праздну; что Россия, не имея Царя, не имеет и Царицы.

Пишут, что Феодор набожный, прощаясь с супругою, вопреки своему завещанию тайно велел ей презреть земное величие и посвятить себя Богу: может быть, и сама Ирина, вдовица бездетная, в искреннем отчаянии возненавидела свет, не находя утешения в Царской пышности; но гораздо вероятнее, что так хотел Годунов, располагая сердцем и судьбою нежной сестры. Он уже не мог возвыситься в Царствование Ирины, властвовав беспредельно и при Феодоре: не мог, в конце пятого десятилетия жизни, еще ждать или откладывать; вручил Царство Ирине, чтобы взять его себе, из рук единокровной, как бы правом наследия: занять на троне место *Годуновой*, а не Мономахова венценосного племе-

ни, и менее казаться похитителем в глазах народа. Никогда сей лукавый честолюбец не был столь деятелен, явно и скрытно, как в последние дни Феодоровы и в первые мнимого Иринина державства; явно, чтобы народ не имел и мысли о возможности государственного устройства без радения Борисова; скрытно, чтобы дать вид свободы и любви действию силы, обольщения и коварства. Как бы невидимою рукою обняв Москву, он управлял ее движениями чрез своих слуг бесчисленных; от церкви до синклита, до войска и народа, все внимало и следовало его внушениям, благоприятствуемым с одной стороны робостию, а с другой истинною признательностию к заслугам и милостям Борисовым. Обещали и грозили; шепотом и громогласно доказывали, что спасение России нераздельно с властью Правителя и, приготовив умы или страсти к великому феатральному действию, в девятый день по кончине Царя объявили торжественно, что Ирина отказывается от Царства и навеки удаляется в монастырь, воспринять Ангельский образ Инокини. Сия весть поразила Москву: Святители, Дума, сановни-

ки, Дворяне, граждане *собором* пали пред венценосною вдовою, плакали неутешно, называли ее материю и заклинали не оставлять их в ужасном сиротстве; но Царица, дотоле всегда мягкосердая, не тронулась молением слезным: ответствовала, что воля ее неизменна и что Государством будут править Бояре, вместе с Патриархом, до того времени, когда успеют собраться в Москве все чины Российской Державы, чтобы решить судьбу отечества по вдохновению Божию. В тот же день Ирина выехала из дворца Кремлевского в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан Инокинь. Россия осталась без главы, а Москва в тревоге, в волнении.

Где был Годунов и что делал? Заключился в монастыре с сестрою, плакал и молился с нею. Казалось, что он, подобно ей, отвергнул мир, величие, власть, кормило государственное и предал Россию в жертву бурям; но кормчий неусыпно бодрствовал, и Годунов в тесной келии монастырской твердою рукою держал Царство!

Сведав о пострижении Ирины, Духовенство, чиновники и граждане собрались в

Кремле, где Государственный Дьяк и Печатник, Василий Щелкалов, представив им вредные следствия безначалия, требовал, чтобы они целовали крест на имя Думы Боярской. Никто не хотел слышать о том; все кричали: «не знаем ни Князей, ни Бояр; знаем только Царицу, ей мы дали присягу, и другой не дадим никому: она и в Черницах мать России». Печатник советовался с Вельможами, снова вышел к гражданам и сказал, что Царица, оставив свет, уже не занимается делами Царства, и что народ должен присягнуть Боярам, если не хочет видеть государственного разрушения. Единогласным ответом было: «и так да Царствует брат ее!» Никто не дерзнул противоречить, ни безмолвствовать; все восклицали: «да здравствует отец наш, Борис Феодорович! он будет преемником матери нашей, Царицы!» Немедленно, *всем собором*, пошли в монастырь Новодевичий, где Патриарх Иов, говоря именем отечества, заклинал Монахиню Александру благословить ее брата на Царство, ею презренное из любви к жениху бессмертному, Христу Спасителю, исполнить тем волю Божию и народную – утишить колеба-

ние в душах и в государстве – отереть слезы Россиян, бедных, сирых, беспомощных, и снова восставить державу сокрушенную, доколе враги Христианства еще не уведали о вдовстве Мономахова престола. Все проливали слезы – и сама Царица Инокия, внимая Первосвятителю красноречивому. Иов обратился к Годунову; смиренно предлагал ему корону, называл его Свышеизбранным для возобновления Царского корени в России, естественным наследником трона после зятя и друга, обязанного всеми успехами своего владычества Борисовой мудрости.

Так совершилось желание властолюбца!.. Но он умел лицемерить: не забылся в радости сердца – и за семь лет пред тем смело вонзив убийственный нож в гортань Св. младенца Димитрия, чтобы похитить корону, с ужасом отринул ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенством, синклитом, народом; клялся, что никогда, рожденный верным подданным, не мечтал о сане державном и никогда не дерзнет взять скипетра, освященного рукою усопшего Царя-Ангела, его отца и благодетеля; говорил, что в России много

Князей и Бояр, коим он, уступая в знатности, уступает и в личных достоинствах; но из признательности к любви народной обещается вместе с ними радеть о Государстве еще ревностнее прежнего. На сию речь, заблаговременно сочиненную, Патриарх отвечал такую же, и весьма плодovитую, исполненною движений витийства и примеров исторических; обвинял Годунова в излишней скромности, даже в неповиновении воле Божией, которая столь явна в общенародной воле; доказывал, что Всевышний искони готовил ему и роду его навеки веков Державу Владимирова потомства, Феодоровою смертию пресеченного; напоминал о Давиде, Царе Иудейском, – Феодосии Великом, Маркиане, Михаиле Косноязычном, Василии Македонском, Тиверии и других Императорах Византийских, неисповедимыми судьбами Небесными возведенных на престол из ничтожества; сравнивал их добродетели с Борисовыми; убеждал, требовал, и не мог поколебать его твердости, ни в сей день, ни в следующие – ни пред лицом народа, ни без свидетелей, – ни молением, ни угрозами духовными.

Годунов решительно отрекся от короны.

Но патриарх и Бояре еще не теряли надежды: ждали *Великого Собора*, коему надлежало быть в Москве чрез шесть недель по смерти Феодора; то есть велели съехаться туда из всех областных городов людям выборным: духовенству, чиновникам воинским и гражданским, купцам, мещанам. Годунов хотел, чтобы не одна столица, но вся Россия призвала его на трон, и взял меры для успеха, всюду Послав ревностных слуг своих и клеветников: сей вид единогласного, свободного избрания казался ему нужным – для успокоения ли совести? или для твердости и безопасности его владычества? Между тем Борис жил в монастыре, а Государством правила Дума, советуясь с Патриархом в делах важных; но указы писала именем *Царицы Александры* и на ее же имя получала донесения Воевод земских. Между тем оказывались неповиновение и беспорядок: в Смоленске, Пскове и в иных городах Воеводы не слушались ни друг друга, ни предписаний Думы. Между тем носились слухи о впадении Хана Крымского в пределы России, и народ говорил в ужасе: «Хан будет

под Москвою, а мы без Царя и защитника!» Одним словом, все благоприятствовало Годунову, ибо все было им устроено!

В Пятницу, 17 Февраля, открылась в Кремле Дума Земская, или Государственный Собор, где присутствовало, кроме всего знатнейшего Духовенства, Синклита, Двора, не менее пяти-сот чиновников и людей выборных из всех областей, для дела великого, небывалого со времен Рюрика: для назначения Венценосца России, где дотоле властвовал непрерывно, уставом наследия, род Князей Варяжских, и где Государство существовало государем: где все законные права истекали из его единственного самобытного права: судить и рядить землю по закону совести. Час опасный: кто избирает, тот дает власть, и следовательно имеет оную! ни уставы, ни примеры не ручались за спокойствие народа в ее столь важном действии, и Сейм Кремлевский мог уподобиться Варшавским: бурному морю страстей, гибельных для устройства и силы Держав. Но долговременный навык повиновения и хитрость Борисова представили зрелище удивительное: тишину, единомыслие, увет-

ливість во многолюдстве разнообразном, в смеси чинов и званий. Казалось, что все желали одного: как сироты, найти скорее отца – и знали, в ком искать его. Граждане смотрели на Дворян, Дворяне на Вельмож, Вельможи на Патриарха. Известив Собор, что Ирина не захотела ни царствовать, ни благословить брата на Царство, и что Годунов также не принимает венца Мономахова, Иов сказал: «Россия, тоскуя без Царя, нетерпеливо ждет его от мудрости Собора. Вы, Святители, Архимандриты, Игумены; вы, Бояре, Дворяне, люди приказные, дети Боярские и всех чинов люди царствующего града Москвы и всей земли Русской! объявите нам мысль свою и дайте совет, кому быть у нас Государем. Мы же, свидетели преставления Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича, думаем, что нам мимо Бориса Феодоровича не должно искать другого Самодержца». Тогда все Духовенство, Бояре, *воинство и народ* единогласно ответствовали: «наш совет и желание то же: немедленно бить челом Государю Борису Феодоровичу и мимо его не искать другого властителя для России». Усердие обратилось в восторг, и

долго нельзя было ничего слышать, кроме имени Борисова, громогласно повторяемого всем многочисленным собранием. Тут находились Князья Рюрикова племени: Шуйские, Сицкие, Воротынский, Ростовские, Телятевские и столь многие иные; но давно лишенные достоинства Князей владетельных, давно слуги Московских Государей наравне с Детьми Боярскими, они не дерзали мыслить о своем наследственном праве и спорить о короне с тем, кто без имени Царского уже тринадцать лет единовластвовал в России: был хотя и потомком Мурзы, но братом Царицы. Восстановив тишину, Вельможи, в честь Годунова, рассказали Духовенству, чиновникам и гражданам следующие обстоятельства: «Государыня Ирина Феодоровна и знаменитый брат ее с самого первого детства возрастали в палатах Великого Царя Иоанна Васильевича и питались от стола его. Когда же Царь удостоил Ирину быть своею невесткою, с того времени Борис Феодорович жил при нем неотступно, навывая государственной мудрости. Однажды, узнав о недуге сего юного любимца, Царь приехал к нему с нами и сказал

милостиво: „*Борис! страдаю за тебя как за сына, за сына как за невестку, за невестку, как за самого себя, – поднял три перста десницы своей и примолвил: се Феодор, Ирина и Борис; ты не раб, а сын мой.* В последние часы жизни всеми оставленный для исповеди, Иоанн удержал Бориса Феодоровича при одре своем, говоря ему: *Для тебя обнажено мое сердце. Тебе приказываю душу, сына, дочь и все Царство: блюди, или дашь за них ответ Богу*“. Помня сии незабвенные слова, Борис Феодорович хранил, яко зеницу ока, и юного Царя и великое Царство». Описав, как Правитель свою неусыпную, мудрую деятельность возвысил отечество, смирил Хана и Шведов, обуздал Литву, расширил владения России, умножил число ее Царей-данников и слуг; как знаменитейшие Венценосцы Европы и Азии изъявляют ей уважение и приязнь – какая тишина внутри государства, милость для войска и для народа, правда в судах, защита для бедных, вдов и сирот – Бояре заключили так: «Мы напомним вам случай достопамятный. Когда Царь Феодор, умом и мужеством Правителя одержав славнейшую победу над

Ханом, весело пировал с Духовенством и синклитом: тогда, в умилении признательности, сняв с себя златую *Царскую* гривну, он возложил ее на выю своего шурина». А Патриарх изъяснил собранию, что Царь, исполненный Св. Духа, сим таинственным действием ознаменовал будущее державство Годунова, искони предопределенное Небом. Снова раздались клики: «Да здравствует государь наш Борис Феодорович!» И Патриарх воззвал к Собору: «Глас народа есть глас Божий: буди, что угодно Всевышнему!» В следующий день, Февраля 18, в первый час утра, церковь Успения наполнилась людьми: все, преклонив колена, Духовенство, Синклит и народ, усердно молили Бога, чтобы Правитель смягчился и принял венец; молились еще два дни, и Февраля 20 Иов, Святители, Вельможи объявили Годунову, что он избран в Цари уже не Москвою, а всею Россиею. Но Годунов вторично ответствовал, что высота и сияние Феодорова трона ужасают его душу; клялся снова, что и в сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видел слезы, слышал убеждения самые трогательные и был непре-

клонен; выслал *искусителей*, Духовенство с Синклитом, из монастыря и не велел им возвращаться. Надлежало искать действительнейшего средства: размышляли – и нашли. Святители в общем совете с Боярами устави-ли петь, 21 Февраля, во всех церквах *праздничный молебен*, и с обрядами торжественными, с святынею Веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым; а тайно, между собою, Иов, Архиепископы и Епископы условились в следующем: «Если Государь Борис Федорович смилуется над нами, то разрешим его клятву не быть Царем России; если не смилуется, то отлучим его от Церкви; там же, в монастыре, сложим с себя Святительство, кресты и панагии; оставим иконы чудотворные, запретим службу и пение во святых храмах; предадим народ отчаянию, а Царство гибели, мятежам, кровопролитию – и виновник сего неисповедимого зла да ответствует пред Богом в день Суда Страшного!»

В сию ночь не угасали огни в Москве: все готовилось к великому действию – и на расвете, при звуке всех колоколов, подвиглась

столица. Все храмы и дома отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена отечества; за Клиром шли Синклит, Двор, воинство, Приказы, выборы городов; за ними устремились и все жители Московские, граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской Богоматери навстречу Патриарху: за сим образом шел и Годунов, как бы изумленный столь необыкновенно-торжественным церковным ходом; пал ниц пред иконою Владимирскою, обливался слезами и воскликнул: «О мать Божия! что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня под сению Твоего крова!» обратился к Иову, и с видом укоризны сказал ему: «Пастырь великий! Ты дашь ответ Богу!» Иов отвечивал: «Сын возлюбленный! не снейдай себя печалию, но верь Провидению! Сей подвиг совершила Богоматерь из любви к тебе, да устыдишься!» Он пошел в церковь Святой Обители с Духо-

венством и людьми знатнейшими; другие стояли в ограде; народ вне монастыря, занимающая все обширное Девичье поле. Собором отпев Литургию, Патриарх снова, и тщетно, убеждал Бориса не отвергать короны; велел нести иконы и кресты в келии Царицы; там со всеми Святителями и Вельможами преклонил главу до земли... и в то же самое мгновение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колена, с воплем *неслыханным*, все требовали Царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика. Искренность побеждала притворство; вдохновение действовало и на равнодушных, и на самых лицемеров! Патриарх, рыдая, заклинал Царицу долго, неотступно, именем святых икон, которые пред нею стояли, – именем Христа Спасителя, церкви, России, дать миллионам Православных Государя *благонадежного*, ее великого брата... Наконец услышали слово милости: глаза Царицы, дотоле нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволению всесильного Бога и Пречистыя Девы Ма-

рии возьмите у меня единородного брата на Царство, в утоление народного плача. Да исполнится желание ваших сердец, ко счастью России! Благословляю избранного вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, Святым Угодникам Московским и тебе, Патриарху – и вам, Святители – и вам, Бояре! Да заступит мое место на престоле!» Все упали к ногам Царицы, которая, печально взглянув на смиренного Бориса, дала ему повеление властвовать над Россиею. Но он еще изъявлял нехотение; страшился тягостного бремени, возлагаемого на слабые рамена его; просил избавления; говорил сестре, что она из единого милосердия не должна предавать его в жертву трону; еще вновь клялся; что никогда умом робким не дерзал возноситься до сей высоты, ужасной для смертного; свидетельствовался Оком Всевидящим и самою Ириною, что желает единственно жить при ней и смотреть на ее лицо Ангельское. Царица уже настояла решительно. Тогда Борис как бы в сокрушении духа воскликнул: «Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди в суд с рабом Твоим! Повинуюсь Тебе, испол-

няя желание народа». Святители, Вельможи упали к ногам его. Осенив животворящим крестом Бориса и Царицу, Патриарх спешил возвестить дворянам, приказным и всем людям, что Господь даровал им Царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздевали руки на небо, славили Бога; плакали, обнимали друг друга. От келий Царицыных до всех концов Девичьего поля гремели клики: *слава! слава!* .. Окруженный Вельможами, тесный, лобзаемый народом, Борис вслед за Духовенством пошел в храм Новодевичьей обители, где Патриарх Иов, пред иконами Владимирской и Донской, благословил его на Государство Московское и всея России; нарек Царем и возгласил ему первое многолетие.

Что, по-видимому, могло быть торжественнее, единокрушнее, законнее сего наречения? и что благоразумнее? Пременилось только имя Царя; власть державная оставалась в руках того, кто уже давно имел оную и властвовал счастливо для целости Государства, для внутреннего устройства, для внешней чести и безопасности в России. Так казалось; но сей человеческою мудростию наделенный Прави-

тель достиг престола злодейством... Казнь
Небесная угрожала Царю-преступнику и Цар-
ству несчастному.

Глава IV

Состояние России в конце XVI века

Безопасность России в отношении к соседственным Державам. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановых. Суд и расправа. пытки и казни. Торговля. Цена разных товаров. Корабли Российские. Образование. Геометрия и Арифметика. Тайное письмо или цифры. География. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычай. Примеры местничества. Двор. Вина иноземные, меды и яства Русские. Хлебосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разные обыкновения. Убогий дом. Одежда женщин. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть первого Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Уния в Литве.

Описав судьбу нашего отечества под наследственным скипетром Монархов Варяжского племени, заключим Историю семисот тридцати шести лет обозрением тогдашнего состояния России в государственном и

гражданском смысле.

Никогда *внешние* обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной к величию Иоанном III, не казались столь благоприятными для ее целости и безопасности, как в сие время. В Литве преемник Баториев дремал на троне, окруженном строптивыми, легкомысленными и несогласными Вельможами; Швеция колебалась в безначалии; Хан умел только грабить оплошных; Магомет III в сильном борении с Австриею предвидел еще опаснейшую войну с Шахом – а Россия, почти без кровопролития взяв неизмеримые земли на северо-востоке, заложив крепости под сению Кавказа, восстановив свои древние грани на скалах Корельских, ожидая случая возвратить и другие несчастные уступки Иоаннова малодушия, города в Ливонии и важную пристань Балтийскую, – Россия, спокойная извне, тихая внутри, имела войско многочисленнейшее в Европе и еще непрестанно умножала его. Так говорят иноземные современники о ратных силах Феодоровых:

«Пятнадцать тысяч Дворян, разделенных на три степени; Больших, Средних и Мень-

ших, Московских и так называемых *Выборных* (присылаемых в столицу из всех городов и чрез три года сменяемых иными), составляют конную дружину Царскую. Шестьдесят пять тысяч всадников, из Детей Боярских, ежегодно собирается на берегах Оки, в угрозу Хану. Лучшая пехота – стрельцы и Козаки: первых 10000, кроме двух тысяч отборных, или стремянных; вторых около шести тысяч. Наряду с ними служат 4300 Немцев и Поляков, 4000 Козаков Литовских, 150 Шотландцев и Нидерландцев, 100 Датчан, Шведов и Греков. Для важного ратного предприятия выезжают на службу все поместные Дети Боярские с своими холопами и *людьми даточными* (из отчин Боярских и церковных), более крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одетыми (в чистые, узкие кафтаны с длинным, отложным воротником): невозможно определить их числа, умножаемого в случае нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами Государя Московского, Ногаями, Черкесами, древними подданными Казанского Царства. Сборные областные дружины называются именами городов своих: Смолен-

скою, Новогородскою и проч.; в каждой бывает от 300 до 1200 ратников. Многие вооружены худо; только пехота имеет пищали: но огнестрельный снаряд не уступает лучшему в Европе. Доспехи и конские приборы Воевод, чиновников, Дворян блистают светлостью булата и камнями драгоценными; на знаменах, освещаемых Патриархом, изображается Св. Георгий. В битвах удары конницы бывают всегда при звуке огромных *набатов* (или барабанов), сурн и бубнов: всадники пускают тучу стрел, извлекают мечи, машут ими вокруг головы и стремятся вперед густыми толпами. Пехота, действуя в степи против Крымцев, обыкновенно защищает себя *гуляем*, или подвижным складным городком, возимым на телегах; то есть ставят два ряда досок на пространстве двух или трех верст в длину и стреляют из сего укрепления сквозь отверстия в обеих стенах. Ожидая Хана, Воеводы высылают Козаков в степи, где изредка растут высокие дубы: там, под каждым деревом, видите двух оседланных лошадей: один из всадников держит их под узду, а товарищ его сидит на вершине дуба и смотрит во все стороны; уви-

дев пыль, слезает немедленно, садится на лошадь, скачет к другому дубу, кричит издали и показывает рукою, где видел пыль; страж сего дерева велит своему товарищу также скакать к третьему дереву с вестью, которая в несколько часов доходит до ближайшего города или до передового Воеводы». – Далее сии иноземные наблюдатели, замечая (как и в Иоанново время), что Россияне лучше бьются в крепостях, нежели в поле, спрашивают: «чего со временем нельзя ожидать от войска бесметного, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кроме гнева Царского, с толком и сухарями, без обоза и крова, с неодолимым терпением скитается в пустынях Севера, и в коем за славнейшее дело дается только маленькая золотая деньга (с изображением Св. Георгия), носимая счастливым витязем на рукаве или шапке?»

Но Цари уже не скупилась и не щадили казны для лучшего устройства ополчений. Уже Иоанн производил денежное жалованье воинам в походах: Феодор или Годунов давал, сверх поместных земель, каждому Дворянину или сыну Боярскому пятнадцатитысячной

Царской дружины от 12 до 100 рублей; каждому стрельцу и Козаку 7 рублей, сверх хлебного запаса; конному войску на берегах Оки около 40000 рублей ежегодно; что, вместе с платою иноземным воинам (также Боярам, окольниковым и другим знатнейшим сановникам, из коих первые имели 700, а вторые от 200 до 400 рублей жалованья), составляло несколько миллионов нынешнею монетою и свидетельствовало о возрастающем богатстве России, которое еще яснее увидим из следующих подробных известий о тогдашних доходах государственных.

1) Особенная Царская отчина, 36 городов с селами и деревнями, доставляла казне дворцового ведомства, сверх денежного оброка, хлеб, скот, птиц, рыбу, мед, дрова, сено: чего, за содержанием двора, в *расточительное* Иоанново время продавалось ежегодно на 60000 рублей, а в Феодорово, от лучшего хозяйства, введенного Дворецким, Григорьем Васильевичем Годуновым, на 230000 рублей (около 1150000 нынешних серебряных).

2) *Тягло* и *подать* государственная, с *вытей* хлебом, а с *сох* деньгами, приносили каз-

не Четвертного ведомства 400000 рублей: с области Псковской 18000, Новгородской 35000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30000, Муромской 12000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12000, Казанской 18000, Устюжской 30000, Ростовской 50000, Московской 40000, Сибирской (мехами) 20000, Костромской 12000, и проч.

3) Разные городские пошлины: торговые, судные, питейные, банные, вносимые в казну большого прихода (с Москвы 12000, Смоленска 8000, Пскова 12000, Новагорода 6000, Старой Русы, где варилась соль, 18000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Костромы 1800, Нижнего 7000, Казани 11000, Вологды 2000, и проч.), составляли 800000 рублей, вместе с экономией приказов Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, которые, имея свои *особенные* доходы, отсылали сберегаемые ими суммы в сей же большой приход – так, что в сокровищницу Кремлевскую, под Феодорову или Годунова печать, ежегодно вступало, сверх главных государственных издержек на войско и двор, не менее миллиона четырехсот тысяч рублей (*от шести до се-*

ми миллионов нынешних серебряных). «Несмотря на сие богатство (пишет Флетчер в своей книге о России), Феодор, по совету Годунова, велел перелить в деньги множество золотых и серебряных сосудов, наследованных им после отца: ибо хотел сим мнимым знаком недостатка в монете оправдать тягость налогов».

К умножению государственного достояния, Феодор на Соборе духовенства и Бояр (в июле 1584) подтвердил Устав Иоаннов 1582 года, чтобы Святители, церкви и монастыри безденежно отдали в казну все древние Княжеские отчины, вместе с землями, им заложенными, и впредь до нового указа отменил *тарханные*, или льготные, *грамоты*, которые знатную часть церковных, Боярских и Княжеских имений освобождали от государственных податей, к ущербу казны и ко вреду всех иных владельцев: ибо крестьяне уходили от них в *льготные жительство*, чтобы не платить никаких налогов. В сей же Соборной грамоте сказано: «Земли и села, отказанные монастырям за упокой души, выкупаются наследниками или, буде их нет, Государем, для

раздачи воинским людям», коим уже не доставало земель помещтных.

Но обогащение казны, по известию чужеземцев, в некотором смысле вредило народному благосостоянию: 1) налоги, облегченные Феодором, были все еще тягостны; 2) заведение питейных домов в городах, умножая пьянство, разоряло мещан, ремесленников, самых земледельцев; губило достояние их и нравственность; 3) от монополий казны терпело купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если царские еще лежали в лавках. Флетчер пишет, что между купцами славились богатством одни братья Строгановы, имея до трехсот тысяч (около полутора миллиона нынешних серебряных) рублей наличными деньгами, кроме недвижимого достояния; что у них было множество иноземных, Нидерландских и других мастеров на заводах, несколько аптекарей и медиков, 10000 людей вольных и 5000 собственных крепостных, употребляемых для варения и развоза соли, рубки лесов и возделания земли от Вычегды до пределов Сибири; что они ежегодно платили Царю 23000 рублей пошлины, но что

правительство, требуя более и более, то под видом налога, то под видом займа, разоряет их без жалости; что в России вообще мало богатых людей, ибо казна все поглощает; что самые древние удельные Князья и Бояре живут умеренным жалованьем и поместным доходом (около тысячи рублей на каждого), совершенно завися от милости Царской. Однако ж Бояре и многие сановники имели знатные отчины, как родовые, так и жалованные; а потомки древних Князей и в Иоанново время еще владели частию их бывших Уделов: например, славный Князь Михайло Воротынский в 1572 году ведал треть Воротынска как свою наследственную собственность.

Умножая войско и доходы, правительство занималось, как мы видели, и лучшим внутренним устройством Государства: радело о безопасности лиц и достояния. Вопреки сказанию иноземцев, что в России не было тогда никаких гражданских законов, кроме слепого произвола Царей, сии законы, изданные первым Самодержцем Московским (что достойно примечания), дополненные его сыном, исправленные, усовершенствованные внуком,

служили неизменным правилом во всех тяжбах – и Грозный, попирая святые уставы человечества, оставлял гражданские ненарушимыми в России: не отнимал даже истинной Царской собственности у тех, которые могли доказать, что владеют ею долее шести лет. Именем Феодоровым издав важный политический закон об укреплении земледельцев, Годунов не прибавил ничего более к Судебнику, но пекся о точном исполнении оногo: желая славиться неумытным правосудием, оказывал его в делах гласных: о чем свидетельствуют и летописцы, славя счастливый век Феодоров. Как в Иоанново, так и в сие время суд с расправою земскою зависели в областях, под главным ведомством Думы, от наместников, избираемых из Бояр, Окольничих и других знатных сановников. Все члены Феодоровой Думы были наместниками и редко выезжали из Москвы, но они имели товарищей, Тиунов, Дьяков, которые с их ведома решили дела. Пишут, что народ вообще ненавидел Дьяков корыстолюбивых: определяемые всегда на малое время, сии грамотеи приказные тем более спешили наживать всякими

средствами; жалобы имели действие; но обыкновенно уже после смены грабителей: тогда судили их строго, лишали всей незаконной добычи, выставляли на позор и секли, привязывая лихоимцу к шее взятую им вещь, кошелек с деньгами, соболя или что другое. Закон не терпел никаких взяток; но хитрецы изобрели способ обманывать его; челобитчик, входя к судье, клал деньги пред образами, будто бы на свечи: сию выдумку скоро запретили указом. Только в день Светлого Воскресения дозволялось судьям и чиновникам вместе с красным яйцом принимать в дар и несколько червонцев (коих цена обыкновенно возвышалась в сие время от 16 до 24 алтын и более). По крайней мере видим достохвальное усилие правительства искоренять зло, известное и в веки лучшего гражданского образования. – Та же ревность к уменьшению преступлений ввела или сохраняла у нас отвратительную для сердца жестокость в законных пытках: чтобы выведать истину от уличаемого преступника, жгли его несколько раз огнем, ломали ему ребра, вбивали гвозди в тело. Убийц и других злодеев вешали, казнили

на плахе или топили, или сажали на кол. Осужденный, идучи к лобному месту, держал в связанных руках горящую восковую свечу. Для благородных людей воинских облегчали казнь: за что крестьянина или мещанина вешали, за то сына Боярского сажали в темницу или секли батогами. Убийца собственного холопа наказывался денежною пенею. — Благородные люди воинские имели еще, как пишут, странную выгоду в гражданских тяжбах: могли, вместо себя, представлять слуг своих для присяги и для телесного наказания в случае неплатежа долгов.

Торговля, хотя отчасти и стесняемая казенными монополиями, распространилась в Федорово время от успехов внутренней промышленности: любопытству и наблюдательному духу Англичан, которые всех более умели ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными об ней сведениями. «Мало земель в свете (пишут они), где природа столь милостива к людям, как в России, изобильной ее дарами. В садах и в огородах множество вкусных плодов и ягод: груш, яблок, слив, дынь, арбузов, огурцов, вишни, малины,

клубники, смородины; самые леса и луга служат вместо огородов. Неизмеримые равнины покрыты хлебом: пшеницею, рожью, ячменем, овсом, горохом, гречею, просом. Изобилие рождает дешевизну: четверть пшеницы стоит обыкновенно не более двух алтын (нынешних тридцати копеек серебром). Одна беспечность жителей и корыстолюбие богатых производят иногда дороговизну: так в 1588 году за четверть пшеницы и ржи платили в Москве 13 алтын. Хлеб и плоды составляют важный предмет торговли внутренней; а для богатства внешней Россияне имеют:

1) Меха, собольи, лисьи, куньи, бобровые, рысьи, волчьи, медвежьи, горностаевые, беличьи, коих продается в Европу и в Азию (купцам Персидским, Турецким, Бухарским, Иверским, Арменским) на 500 тысяч рублей». (Ермаковы и новейшие завоевания в северной Азии обогатили нас мягкою рухлядью: Феодор строго предписал Сибирским Воеводам, чтобы они никак не выпускали оттуда в Бухарию ни дорогих соболей, ни лисиц черных, ни кречетов, нужных для охоты царской и для даров Европейским Венценосцам.)

«Лучшие соболи идут из земли Обдорской; белые медведи из Печорской; бобры из Колы; куницы из Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани; белки, горностаи из Галича, Углича, Новагорода и Перми.

2) Воск: его продается ежегодно от десяти до пятидесяти тысяч пуд.

3) Мед: употребляется на любимое питье Россиян, но идет и в чужие земли, более из областей Мордовской и Черемисской, Северной, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

4) Сало: его вывозится от тридцати до ста тысяч пуд, более из Смоленска, Ярославля, Углича, Новагорода, Вологды, Твери, Городца; но и вся Россия, богатая лугами для скотоводства, изобилует салом, коего мало расходуется внутри Государства на свечи: ибо люди зажиточные употребляют восковые, а народ лучину.

5) Кожи, лосьи, оленьи и другие: их отпускают за границу до десяти тысяч. Самые большие лоси живут в лесах близ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми; Казанские не так велики.

6) Тюлений жир: сих морских животных ловят близ Архангельска, в заливе Св. Николая.

7) Рыбу: лучшею считается так называемая белая. Города, славнейшие рыбною ловлею, суть Ярославль, Белоозеро, Новгород Нижний, Астрахань, Казань: чем они приносят Царю знатный доход.

8) Икру, белужью, осетровую, севрюжью и стерляжью: продается купцам Нидерландским, Французским, отчасти и Английским; идет в Италию и в Испанию.

9) Множество птиц: кречеты продаются весьма дорогою ценою.

10) Лен и пеньку: их менее отпускается в Европу с того времени, как Россия лишилась Нарвы. Льном изобилует Псков, пенькою Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

11) Соль: лучшие варницы в Старой Русе; есть и в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках. Астраханские озера производят самосадку: купцы платят за нее в казну по три деньги с пуда.

12) Деготь: его вывозят в большом количестве из Смоленской и Двинской области.

13) Так называемые *рыбьи зубы*, или клыки моржовые: из них делают четки, рукоятки и проч.; составляют также лекарственный порошок, будто бы уничтожающий действие яда. Идут в Азию, Персию, Бухарию.

14) Слюду, употребляемую вместо стекла: ее много в земле Корельской и на Двине.

15) Селитру и серу: первую варят в Угличе, Ярославле, Устюге; вторую находят близ Волги (в озерах Самарских), но не умеют очищать ее.

16) Железо, весьма ломкое: его добывают в земле Корельской, Каргополе и в Устюге Железном (Устюжне).

17) Так называемый *Новгородский жемчуг*, который ведется в реках близ Новгорода и в Двинской земле».

За сии-то многие естественные богатства России Европа и Азия платили ей отчасти своими изделиями, отчасти и свойственными их климатам дарами природы. – Означим здесь цену некоторых вещей, привозимых тогда в Архангельск на кораблях Лондонских, Голландских и Французских: лучший изумруд или яхонт стоил 60 рублей (нынешних

серебряных 300); золотник жемчугу, не самого мелкого, 2 р. и более; золота и серебра пряженного 5 рублей литра; аршин бархату, камки, атласу около рубля; Английского тонкого сукна постав 30 р., среднего 12 р., аршин 20 алтын; кусок миткалю 2 р.; бочка вина Французского 4 р., лимонов 3 р., сельдей 2.; пуд сахару от 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена Срацинского 4 гривны, масла деревянного 1 1/2 р., пороху 3 р., ладану 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., меди в деле 2/2 р., железа прутового 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковец 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверх того иноземцы доставляли нам множество своей серебряной монеты, ценя ефимок в 12 алтын; на одном корабле привозилось иногда до 80000 ефимков, с коих платили пошлину как с товаров. Сия пошлина была весьма значительна: например, Ногаи, торгуя лошадьми, из выручаемых ими денег платили в казну пять со ста и еще отдавали Царю на выбор десятую долю табунов своих; лучший конь Ногайский стоил не менее двадцати рублей.

Довольные выгодною меною с Европей-

скими народами в своих северных пристанях, купцы наши не мыслили ездить морем в иные земли, но любопытно знать, что мы в сие время уже имели корабли собственные: Борисов Посланник в 1599 году возвратился из Германии на двух больших морских судах, купленных и снаряженных им в Любеке, с кормщиком и матросами Немецкими, там нанятыми.

Некогда столь знаменитая, столь полезная для России торговля Ганзейская, уже бессильная в совместничестве с Английскою и с Голландскою, еще искала древних следов своих между развалинами Новагорода: Царь в 1596 году дозволил Любеку снова завести там гостинный двор с лавками; но Шведы мешали ее важному успеху, имея Нарву, о коей не представляли жалеть Новагород, Псков и вся Россия.

«Видя в торговле средство обогащения для казны (говорит Флетчер) и мало заботясь о благосостоянии своего купечества, Цари вообще не доброхотствуют и народному образованию; не любят новостей, не пускают к себе иноземцев, кроме людей, нужных для их

службы, и не дозволяют подданным выезжать из отечества, боясь *просвещения*, к коему Россияне весьма способны, имея много ума природного, заметного и в самых детях: одни Послы или беглецы Российские являются изредка в Европе». Сказание отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имели обычая странствовать, еще не имея любопытства, свойственного уму образованному; купцам не запрещалось торговать вне отечества, и самовластный Иоанн посылал молодых людей учиться в Европе, Иноземцев же действительно пускали к нам с разбором и благоразумно. В 1591 году Посол Рудольфов, Николай Вароч, писал к Борису, что какой-то Италиянский Граф Шкот, призванный в Москву Иоанном, желает служить Феодору; что сей Граф, достойно уважаемый Императором и многими Венценосцами, *знает все языки под солнцем* и все науки так, что ни в Италии, ни в Германии нельзя найти ему подобного. Борис отвечивал: «Хвалю намерение Графа, мужа столь благородного и столь ученого. Великий Государь наш, жалуя всех иноземцев, которые к нам приезжают, без сомнения отличит

его; но я еще не успел доложить о том Государю». Нет сомнения, что в России знали и не хотели Шкота как лазутчика опасного или ненадежного человека: ибо людей ученых мы не отвергали, но звали к себе: например, славного Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Английская называла своим *Философом* и который находился тогда в Богемии: Феодор, чрез Лондонских купцов, предлагал ему 2000 фунтов стерлингов ежегодно, а Борис особенно тысячу рублей, стол Царский и всю услугу, для того, как думали, чтобы пользоваться его советами для открытия новых земель на северо-востоке, за Сибирю; но вероятнее не для того ли, чтобы поручить ему воспитание юного Борисова сына, отцовскою тайною мыслию уже готовимого к державству? Слава Алхимика и Звездочета в глазах невежества еще возвышала знаменитость Математика. Но Ди, страстный в воображении только к искусственному золоту философского камня, в гордой бедности отвергнул предложение Царя, изъявив благодарность и как бы угадав, по вычетам своей любимой Астрологии, грядущую судьбу Рос-

сии и Дома Борисова! – Всего ревностнее мы искали тогда в Европе металлургов, для наших печерских рудников, открытых еще в 1491 году, но едва ли уже не бесполезных, за неимением людей искусных в горном деле. посылая к Императору (в 1597 году) Дворянина Вельяминова, Царь приказывал ему вызвать к нам из Италии, чего бы то ни стоило, *мастеров, умеющих находить и плавить руду золотую и серебряную.* – Кроме четырех или пяти тысяч иностранцев-воинов, нанимаемых Феодором, Московская Яузская Слобода населялась более и более Немцами, которые в Иоанново время обогащались продажею водки и меда, спесивились и роскошествовали до соблазна: жены их стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они в Борисово Царствование снова имели церковь и, хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились с Россиянами. – Постоянно следуя правилам Иоанна III; золотом и честью маня к себе художества, искусства, Науки Европейские; размножая церковные училища и число людей грамотных, приказных, коим самое Дворянство завидовало в их важности госу-

дарственной, Цари без сомнения *не боялись просвещения*, но желали, как могли или умели, ему способствовать; и если не знаем их мысли, то видим дела их, благоприятные для гражданского образования России: означим и некоторые новые плоды оного.

Измерение и перепись земель, от 1587 до 1594 года, в Двинской области, на обеих сторонах Волги – вероятно, и в других местах – служили, может быть, поводом к сочинению *первой Российской Геометрии*, коей списки, нам известные, не древнее XVII века: «книги *глубокомудрой*, по выражению автора, дающий легкий способ измерять места самые недоступные, плоскости, высоты и дебри *радиксом и цыркулом*». В ней изъясняется *сошное и вытное письмо*: то есть разделение всех населенных земель в России, для платежа государственных податей, на сохи и выти (в сохе считалось 800 четвертей доброй земли, а в выти 12; в четверти 1200 квадратных сажень, а в десятине 2400). – К сему времени относим и *первую Российскую арифметику*, писанную не весьма ясно. В предисловии сказано, что без сей *численной философии, изобретения Фини-*

кийского, единой из семи свободных мудростей, нельзя быть ни философом, ни доктором, ни гостем искусным в делах торговых, и что ее знанием можно снискать великую милость Государеву. В конце сообщаются некоторые сведения о Церковном Круте, о составе человеческом, о физиогномике. В обеих книгах, в Геометрии и в Арифметике, употребляются в счислении Славянские буквы и цифирь. Тогда же в посольских бумагах начали мы употреблять тайные цифры: гонец Андрей Иванов в 1590 году писал из Литвы к Царю взыщу, литорею и новою азбукою, взятою у Посла Австрийского, Николая Варкоча. – Так называемая *Книга Большого Чертежа*, или древнейшая География Государства Российского, составлена, как вероятно, в Царствование Феодора: ибо в ней находим имена Курска, Воронежа, Оскола, построенных в его время, не находя новейших, основанных Годуновым: Борисова на Донце Северском и Царво-Борисова на устье Протвы. Сия книга была переписана в разряде около 1627 года и решит для нас многие важные географические вопросы, указывая, например, где была земля

Югорская, Обдорья, Батыева столица, Улусы Ногайские.

Поле словесности не представляет нам богатой жатвы от времени Иоанна до Годунова; но язык украсился какою-то новою плавностию. Истинное, чувством одушевленное красноречие видно только в письмах Курбского к Иоанну. Причислим ли к Писателям и самого Иоанна как творца плодovitых, велеречивых посланий, богословских, укорительных и насмешливых? В слоге его есть живость, в диалектике сила. Лучшими творениями сего века в смысле правильности и ясности должно назвать Степенную книгу, mineю Макариеву и Стоглав. Вероятно, что митрополит Дионисий заслужил имя *Грамматика* какими-нибудь уважаемыми сочинениями; но их не знаем. Патриарх Иов описал житие, добродетели и кончину Феодора слогом цветистым и не без жара; например, так говорит о своем Герое: «Он древним Царям благочестивым равнославен, нынешним *красота* и *светлость*, будущим *сладчайшая повесть*, не *пригвозждаясь* к суетному велелепию мира, *умащал* свою Царскую душу глаголами *Боже-*

ственными и рекою нескудною изливал милости на вселенную; с нежною супругою преспевал в добродетели и в Вере к Богу... имел единое земное сокровище, единую блаженную леторасль корени державнаго и лишился возлюбленной дщери, чтобы в сердце, хотя и сокрушенном, но с умилением Христианским предаться в волю Отца Небеснаго, когда синклит и весь народ предавались отчаянию... О весть страшная, весть ужасная: *любимый Царь земли Русския отходит к Богу... но не смертью, а сладким успением; душа излетает, а тело спокойно и недвижимо: не видим ни трепета, ни содрогания... Се время рыдания, не глаголов; время молитвы, не беседы... На нас исполнилося вещание пророка: кто даст источник слез очам моим, да плачу довольно? .. Скорби пучина, сетования бездна!.. Отсе ле красный, многолетний престол великия России начинает вдовствовать и великий многолюдный град Москва приемлет сиротство жалостное». Обязанный Борису своим первосвященством и чистосердечно ему преданный, он говорит об нем в сем творении: «В счастливые дни Феодора Иоанновича*

строил под ним Державу великий шурин и слуга его, муж верховный, единственный в России не только саном, но и разумом высоким, храбростию, верою к Богу. Его промыслом цвела сия Держава *в тишине велелепной*, к изумлению людей и самого Царя, ко славе правителя не только в нашем отечестве, но и в дальних пределах вселенныя, откуда знаменитые Послы являлись здесь с дарами многоценными, рабски благоговеть пред Царем и дивиться светлой красоте лица, мудрости, добродетели правителя, среди народа, им счастливаго, — среди столицы, им украшенной». — Иов писал еще утешительное послание к Феодоровой супруге, когда она тосковала о милой усопшей дочери; заклинал Ирину быть не только матерью, но и Царицею, и Христианкою; осуждал ее слабость с ревностию Пастыря, но и жалел о горестной с чувствительностию друга, оживляя в ней надежду дать наследника престолу: сочинение достопамятное более своим трогательным предметом, нежели мыслями и красноречием. Патриарх, напоминая Ирине учение Евангельское о доверенности к Вышней Благодати,

прибавляет: «Кто лучше тебя знает Божественное Писание? Ты можешь наставлять иных, храня всю мудрость онаго в сердце и в памяти». Воспитанная при дворе Иоанновом, Ирина имела просвещение своего времени: читала Св. Писание и знаменитейших Отцев нашей Церкви. Россияне уже пользовались печатною Библиею Острожского издания, но Святых Отцев читали только в рукописи. Между Славянскими или Русскими переводами древних авторов, тогда известными и сохраненными в наших библиотеках, наименуем Галеново рассуждение о стихиях большого и малого мира, о теле и душе, переведенное с языка Латинского, коим, вопреки сказанию одного иноземца-современника, не *гнушались* Россияне: еще скудные средствами науки, они пользовались всяким случаем удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, где его не было от неразумия Писцов или *толковников*, и с удивительным терпением списывали книги, исполненные ошибок. Сей темный перевод Галена находился в числе рукописей Св. Кирилла Белозерского: следственно уже существовал в XV веке. —

Упомянем здесь также о рукописном лечебнике, в 1588 году *преложенном с языка Польского* для Серпуховского Воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина. Сей памятник тогдашней науки и тогдашнего невежества любопытен в отношении к языку смелым переводом многих имен и слов ученых.

Может быть, относятся ко временам Федоровым или Годунова и старые песни Русские, в коих упоминается о завоевании Казани и Сибири, о грозах Иоанновых, о добродетельном Никите Романовиче (брате Царицы Анастасии), о злодее Малюте Скуратове, о впадениях Ханских в Россию. Очевидцы рассказывают, дети и внуки их воспевают происшествия. Память обманывает, воображение плодит, новый вкус исправляет: но дух остается, с некоторыми сильными чертами века – и не только в наших исторических, богатырских, охотничьих, но и во многих нежных песнях заметна первобытная печать старины: видим в них как бы снимок подлинника уже неизвестного; слышим как бы отзыв голоса, давно умолкшего, находим свежесть чувства, теряемую человеком с летами, а народом с ве-

ками. Всем известна песня о Царе Иоанне: «Зачиналась каменна Москва, // Зачинался в ней и Грозный Царь:// Он Казань город на славу взял, // Мимоходом город Астрахань», – о сыне Иоанновом, осужденном на казнь: «Упадает звезда поднебесная, // Угасает свеча воску яраго: // Не становится у нас Царевича»; другая о витязе, который умирает в дикой степи, на ковре, подле огня угасающего: «Припекает свои раны кровавые: // В головах стоит животворящий крест, // По праву руку лежит сабля острая, // По леву руку его крепкой лук, // А в ногах стоит его добрый конь; // Он, кончаяся, говорит коню: // „Как умру я, мой доброй конь, // Ты зарой мое тело белое // Среди поля, среди чистаго; // Побеги потом во святую Русь; // Поклонись моим отцу и матери, // Благословенье свези малым детушкам; // Да скажи моей молодой вдове, // Что женился я на другой жене: // Я в приданое взял поле чистое; // Была свахою калена стрела, // Положила спать сабля острая. // Все друзья-братья меня оставили, // Все товарищи разъехались: // Лишь один ты, мой доброй конь, // Ты служил мне верно до смерти“» – о воине убитом, кое-

му постелию служит камыш, изголовьем куст раkitовый, одеялом темная ночь осенняя и коего тело орошается слезами матери, сестры и молодой жены: «Ах! мать плачет, что река льется; // Сестра плачет, как ручьи текут; // Жена плачет, как роса падает: // Взойдет солнце, росу высушит».

Сии и многие иные стихотворения народные, ознаменованные истиною чувства и смелостию языка, если отчасти не слогом, то духом своим ближе к XVI, нежели к XVIII веку. Сколько песен, уже забытых в столице, более и менее древних, еще слышим в селах и в городах, где народ памятливей для любезных преданий старины! Мы знаем, что в Иоанново время толпы скоморохов (Русских трубадуров) ходили из села в село, веселя жителей своим искусством: следственно тогдашний вкус народа благоприятствовал дарованию песенников, коих любил даже и Постник Федор.

Сей Царь любил и художества: в его время были у нас искусные ювелиры (из коих знаем одного Венецианского, именем Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шап-

ка, данная Феодором Патриарху Иеремии, украшенная камнями драгоценными и ликами святых, в описании Арсениева путешествия названа превосходным делом Московских художников. Сей Греческий Епископ видел на стенах Ирининой палаты изящную мусию в изображениях Спасителя, Богоматери, Ангелов, Иерархов, Мучеников, а на своде прекрасно сделанного льва, который держал в зубах змею с висящими на ней богатыми подсвечниками. Арсений с изумлением видел также множество огромных серебряных и золотых сосудов во дворце; одни имели образ зверей: единорога, львов, медведей, оленей; другие образ птиц: пеликанов, лебедей, фазанов, павлинов, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человек едва могли переносить их с места на место. Сии чудные сосуды делались, вероятно, в Москве, по крайней мере некоторые, и самые тяжелые, вылитые из серебра Ливонского, добычи Иоаннова оружия. Искусство золотошвеев, заимствованное нами от Греков, издревле цвело в России, где знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Феодор желал завести и шелко-

вую фабрику в Москве: Марко Чинопи, вызванный им из Италии, ткал бархаты и парчи в доме, отведенном ему близ Успенского собора. – Размножение церквей умножало число иконописцев: долго писал только образа, мы начали писать и картины, именно в Феодорово Царствование, когда две палаты, *Большая Грановитая* (памятник Иоанна III) и *Золотая Грановитая* (сооруженная внуком его) украсились живописью. В первой изображались Господь Саваоф, творение Ангелов и человека, вся история Ветхого и Нового Завета, мнимое разделение вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и действительное разделение нашего древнего отечества между сыновьями Св. Владимира (представленными в митрах, в одеждах камчатных, с оплечьями и с поясами золотыми) – Ярослав Великий, Всеволод I, Мономах в Царской утвари, Георгий Долгорукий, Александр Невский, Даниил Московский, Калита, Донской и преемники его до самого Феодора (который, сидя на троне в венце, в порфире с нараменником, в жемчужном ожерелье, с золотою цепью на груди, держал в руках скипетр и ябло-

ко Царское; у трона стоял правитель, Борис Годунов, в шапке мурманке, в верхней золотой одежде на опашку). В палате Золотой, на своде и стенах, также представлялись Священная и Российская история, вместе с некоторыми аллегорическими лицами добродетелей и пороков, времен года и феноменов природы (весна изображалась отроковицею, лето юношею, осень мужем с сосудом в руке, зима старцем с обнаженными локтями; четыре Ангела с трубами знаменовали четыре ветра). В некоторых картинах, на свитках, слова были писаны связью, или невразумительными чертами, вместо обыкновенных букв. – Золотая палата уже не существует (на ее месте дворец Елисаветин); а на стенах Грановитой давно изглажены все картины, известные нам единственно по описанию очевидцев. – Упомянем также об искусстве литейном: в Феодорово время имели мы славного мастера, Андрея Чехова, коего имя видим на древнейших пушках Кремлевских: на *Дробовике* (весом в 2400 пуд), *Троиле* и *Аспиде*; первая вылита в 1586, а вторая и третья, называемые *пищальями*, в 1590 году.

Успехи гражданского образования были заметны и в наружном виде столицы. Москва сделалась приятнее для глаз не только новыми каменными зданиями, но и расширением улиц, вымощенных деревом и менее прежнего грязных. Число красивых домов умножилось: их строили обыкновенно из соснового леса, в два или три жилья, с большими крыльцами, с дощатыми свислыми кровлями, а на дворах летние спальни и каменные кладовые. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бедные мещане жили еще в черных избах; у людей избыточных в лучших комнатах были изразчатые печи. Для предупреждения губительных пожаров чиновники воинские летом ежедневно объезжали город, чтобы везде, по изготовлении кушанья, гасить огонь. Москва – то есть Кремль, Китай, Царев, или Белый город, новый деревянный, Замоскворечье и Дворцовые слободы за Яузою – имели тогда в окружности более двадцати верст. В Кремле считалось 35 каменных церквей, а всех в столице более четырех сот, кроме приделов: колоколов же не менее пяти тысяч – «в часы праздничного звона

(пишут иноземцы) люди не могли в разговоре слышать друг друга». Главный колокол, весом в 1000 пуд, висел на деревянной колокольне среди Кремлевской площади: в него звонили, когда Царь ехал в дальний путь или возвращался в столицу, или принимал знаменитых иноземцев. Китай-город, обведенный кирпичною, небеленою стеною, и соединяемый с Замоскворечьем мостами, деревянным, или *живым*, и каменным, всего более украшался великолепною Готическою церковию Василия Блаженного и Гостиным двором, разделенным на 20 особенных рядов: в одном продавались шелковые ткани, в другом сукна, в третьем серебро, и проч. На Красной площади *лежали* две огромные пушки. В сей части города находились дома многих Бояр, знатных сановников, Дворян, именитых купцов и богатый арсенал, или Пушечный двор; в Белом городе (названном так от *выбеленных* стен) Литейный двор (на берегу Неглинной), Посольский, Литовский, Арменский, площади Конская и Сенная, мясной ряд, дома Детей Боярских, людей приказных и купцов; а в деревянном городе, или *Скородоме* (то есть *наскоро*

выстроенном в 1591 году) жили мещане и ремесленники. Вокруг зданий зеленелись рощи, сады, огороды, луга; у самого дворца косили сено, и три сада Государевы занимали немалое пространство в Кремле. Мельницы – одна на устье Неглинной, другие на Яузе – представляли картину сельскую. Немецкая Слобода не принадлежала к городу, ни Красное Село, где обитали семьсот ремесленников и торгашей, для коих готовила Судьба, к несчастью Борисова семейства, столь важное действие в нашей истории!

В Иоанново и Феодорово Царствование древние обычаи народные, вероятно, мало изменились; но в современных известиях находим некоторые новые подробности относительно к сему любопытному для нас предмету.

Годунов, столь хитрый, столь властолюбивый, не мог или не хотел искоренить местничества Бояр и сановников, которое доходило до крайности непонятной, так что ни одно назначение Воевод, ни одно распределение чиновников для придворной службы в дни торжественные не обходилось без распри и

суда. Скажем пример: Москва (в 1591 году) уже слышала топот Ханских коней, а Воеводы еще спорили о старейшинстве и не шли к местам своим. Из любви к мнимой чести не боялись бесчестия истинного: ибо жалобщиков неправых наказывали даже телесно, иногда и без суда: Князя Гвоздева (в 1589 году) за местничество с Князьями Одоевскими высекли батогами и *выдали* им *головую*, то есть велели ему уничиженно молить их о прощении. Князя Борятинского за спор с Шереметевым посадили на три дни в темницу: он не смирился; вышел из темницы и не поехал на службу. Чем изъясняется сия странность? Отчасти гордостью, которая естественна человеку и во всяких гражданских обстоятельствах ищет себе предмета; отчасти самую политикою Царей: ибо местничеством жило честолюбие, нужное и в Монархии неограниченной для ревностной службы отечеству. Нет обыкновения, нет предрассудка совершенно бессмысленного в своем начале, хотя вред и превосходит иногда пользу в действии сих вековых обычаев. Годунов же мог иметь и цель особенную, следуя известному злomu правилу:

раздором властвуй. Сии всегдашние местничества питали взаимную ненависть между знатнейшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми. Они враждовали: Борис господствовал!

Но споры о местах не нарушали благочиния на собраниях двора: все утихало, когда Царь являлся в величии разительном для слов иноземных. «Закрыв глаза, пишут очевидцы, всякий сказал бы, что дворец пуст. Сии многочисленные, золотом облитые сановники и безмолвны и недвижимы, сидя на лавках в несколько рядов, от дверей до трона, где стоят Рынды в одежде белой, бархатной или атласной, опушенной горностаем, в высоких белых шапках, с двумя золотыми цепями (крестообразно висящими на груди), с драгоценными секирами, подъятыми на плечо, как бы для удара... Во время торжественных Царских обедов служат 200 или 300 Жильцов, в парчовой одежде, с золотыми цепями на груди, в черных лисьих шапках. Когда Государь сядет (на возвышенном месте, с тремя ступе-

нями, один за трапезою золотою), чиновники-служители низко кланяются ему и по два в ряд идут за кушаньем. Между тем подают водку: на столах нет ничего, кроме хлеба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложек; нет ни тарелок, ни салфеток. Приносят вдруг блюд сто и более: каждое, отведанное поваром при Стольнике, вторично отведывается Крайчим в глазах Царя, который сам посылает гостям ломти хлеба, яства, вина, мед и собственною рукою в конце обеда раздает им сушеные Венгерские сливы; всякого гостя отпускают домой еще с целым блюдом мяса или пирогов. Иногда Послы чужеземные обедают и дома с роскошного стола Царского: знатный чиновник едет известить их о сей чести и с ними обедать; 15 или 20 слуг идут вокруг его лошади; стрельцы, богато одетые, несут скатерть, солонки и проч.; другие (человек 200) хлеб, мед и множество блюд, серебряных или золотых, с разными яствами». Чтобы дать понятие о роскоши и лакомстве сего времени, выпишем следующее известие из бумаг Феодорова Царствования: в 1597 году отпускали к столу Австрийского Посла из *дворца сытного*

семь кубков романеи, столько же рейнского, мушкателя, Французского белого, бастру (или Канарского вина), аликанту и мальвазии; 12 ковшей меду вишневого и других лучших; 5 ведер смородинного, можжевелового, черемухового и проч.; 65 ведер малинового, Боярского, Княжего – из *кормового дворца* 8 блюд лебедей, 8 блюд журавлей с пряным зельем, несколько петухов рассольных с инбирем, куриц *бескостных*, тетеревей с шафраном, рябчиков с сливами, уток с огурцами, гусей с пшеном срацинским, зайцев в лапше и в репе, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранные (белые и черные), калы лимонные и с огурцами – из *дворца хлебного* калачи, пироги с мясом, с сыром и сахаром, блины, оладьи, кисель, сливки, орехи и проч. Цари хотели удивлять чужеземцев изобилием и действительно удивляли.

Древняя Славянская роскошь гостеприимства, известная у нас под коренным Русским именем *хлебосольства*, оказывалась и в домах частных: для гостей не было скупых хозяев. Зато самый обидный упрек в неблагодарности выражался словами: «ты забыл мою

хлеб-соль». – Сие изобилие трапез, долгий сон полдневный и малое движение знатных или богатых людей производили их обыкновенную тучность, вменяемую в достоинство: быть дородным человеком значило иметь право на уважение. Но тучность не мешала им жить лет до осьмидесяти, ста и ста двадцати. Только Двор и Вельможи советовались с иноземными врачами. Феодор имел двух: Марка Ридлея, в 1594 году присланного Английскою Королевою, и Павла, Миланского гражданина: первый жил в Москве пять лет и возвратился в Лондон; о втором в 1595 году писал Генрих IV к Феодору, ласково прося, чтобы Царь отпустил его на старости в Париж к родственникам и друзьям. Сие дружелюбное письмо знаменитейшего из Монархов Франции осталось для нас единственным памятником ее сношений с Россиею в конце XVI века. – На место Ридлея Елисавета прислала к Борису доктора Виллиса, коего испытывал в знаниях Государственный Дьяк Василий Щелкалов, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? каким правилам следует и на пульсе ли основывает свои суждения о болезнях или

на состоянии жидкостей в теле? Виллис сказал, что он бросил все книги в Любеке и ехал к нам под именем купца, зная, как в Германии и в других землях не благоприятствуют медикам, едущим в Россию; что лучшая книга у него в голове, а лекарства изготовляются аптекарями, не докторами; что и пульс и состояние жидкостей в болезни равно важны для наблюдателя искусного. Сии ответы казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать в Москве. Борис в 1600 году вызвал шесть лекарей из Германии: каждому из них он давал 200 рублей жалованья, сверх поместья, услуги, стола и лошадей; давал им и патенты на сан докторов: сию странную мысль внушил ему Елисаветин посланник Ли, убедив его назвать доктором лекаря Рейтлингера, который с ним приехал служить Царю. Мы имели тогда и разных аптекарей: один из них, Англичанин Френчгам, быв у нас еще в Иоанново время, при Годунове возвратился из Лондона с богатым запасом целебных растений и минералов. Другой, Аренд Клаузенд, Голландец, 40 лет жил в Москве. Но Россияне, кроме знат-

ных, не верили аптекам: простые люди обыкновенно лечились вином с истертым в нем порошком, луком или чесноком, а после банею. Они не любили выхухоли в лекарствах и никаких пилюль; особенно не терпели промывательного, так что самая крайность не могла победить их упрямства. – Кто, быв отчаянно болен и соборован маслом, выздоравливал, тот носил уже до смерти черную рясу, подобную Монашеской. Жене его, как пишут, дозволялось будто бы выйти за другого мужа. Мертвых предавали земле до суток; богатых оплакивало, и в доме и на могиле, множество нанимаемых для того женщин, которые вопили нараспев: «тебе ли было оставлять белый свет? не жаловал ли тебя Царь Государь? не имел ли ты богатства и чести, супруги милой и детей любезных?» и проч. Сорочины заключались пиром в доме покойника, и вдова могла, без нарушения пристойности, чрез шесть недель избрать себе нового супруга. – Флетчер уверяет, что в Москве зимою не хоронили мертвых, а вывозили отпетые тела за город в *Божий* (убогий) дом и там оставляли до весны, когда земля расступалась и можно было

без труда копать могилу.

«Россияне (пишет Маржерет), сохраняя еще многие старые обычаи, уже начинают изменяться в некоторых с того времени, как видят у себя иноземцев. Лет за 20 или за 30 предсим, в случае какого-нибудь несогласия, они говорили друг другу без всяких обиняков, слуга Боярину, Боярин Царю, даже Иоанну Грозному: *ты думаешь ложно, говоришь неправду*. Ныне менее грубы и знакомятся с учтивостию; однако ж мыслят о чести не так, как мы: например, не терпят поединков и ходят всегда безоружные, в мирное время вооружаясь единственно для дальних путешествий; а в обидах ведаются судом. Тогда наказывают виновного батожем, в присутствии обиженного и судьи, или денежною пенею, именуемую *бесчестьем*, соразмерно жалованью истца: кому дают из Царской казны ежегодно 15 рублей, тому и бесчестья 15 рублей, а жене его вдвое: ибо она считается оскорбленною вместе с мужем. За обиду важную секут кнутом на площадях, сажают в темницу, ссылают. Правосудие ни в чем не бывает так строго как в личных оскорблениях и в доказанной

клевете. Для самых иноземцев поединок есть в России уголовное преступление».

Женщины, как у древних Греков или у восточных народов, имели особенные комнаты и не скрывались только от ближних родственников или друзей. Знатные ездили зимою в санях, летом в колымагах, а за Царицею (когда она выезжала на богомолье или гулять) верхом, в белых поярковых шляпах, обшитых тафтою телесного цвета, с лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плеч висящими кистями. Дома они носили на голове шапочку тафтяную, обыкновенно красную, с шелковым белым повойником или шлыком; сверху для наряда большую парчовую шапку, унизанную жемчугом (а незамужняя или еще бездетная – черную лисью); золотые серьги с изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду из тонкого красного сукна с висящими рукавами, застегнутыми дюжиною золотых пуговиц, и с отложным до половины спины воротником собольим; под сею верхнею одеждою другую, шелковою, называемую *летником*, с руками, надетыми и до локтя обшитыми пар-

чою; под летником *ферезь*, застегнутую до земли; на руках запястье, пальца в два шириною, из каменьев драгоценных; сапожки сафьянные, желтые, голубые, вышитые жемчугом, на высоких каблуках: все, молодые и старые, белились, румянились и считали за стыд не расписывать лиц своих.

Между забавами сего времени так описывают любимую Феодорову – *медвежий бой*: «Охотники Царские, подобно римским гладиаторам, не боятся смерти, увеселяя Государя своим дерзким искусством. Диких медведей, ловимых обыкновенно в ямы или тенетами, держат в клетках. В назначенный день и час собирается двор и несметное число людей пред феатром, где должно быть *поединку*, сие место обведено глубоким рвом для безопасности зрителей и для того, чтобы ни зверь, ни охотник не могли уйти друг от друга. Там является смелый боец с рогатиною, и выпускают медведя, который, видя его, становится на дыбы, ревет и стремится к нему с отверстым зевом. Охотник недвижим: смотри, метит – и сильным махом всаживает рогатину в зверя, а другой конец ее пригнетает к земле ногою.

Уязвленный, яростный медведь лезет грудью на железо, орошает его своею кровию и пеною, ломит, грызет древко – и если одолеть не может, то, падая на бок, с последним глухим ревом издыхает. Народ, доселе безмолвный, оглашает площадь громкими восклицаниями живейшего удовольствия, и Героя ведут к погребам Царским пить за Государево здравие: он счастлив сею единственною наградою или тем, что уцелел от ярости медведя, который в случае неискusstва или малых сил бойца, ломая в куски рогатину, зубами и когтями растерзывает его иногда в минуту».

Говоря о страсти Московских жителей к баням, Флетчер всего более удивлялся нечувствительности их к жару и холоду, видя, как они в жестокие морозы выбегали из бань нагие, раскаленные, и кидались в проруби.

Известие сего наблюдателя о тогдашней нравственности Россиян не благоприятствовало их самолюбию: как Писатель учтивый, предполагая исключения, он укорял Москвитян лживостию и следствием ее, недоверчивостию беспредельною, изъясняясь так: «Москвитяне никогда не верят словам, ибо

никто не верит их слову». Воровство и грабеж, по его сказанию, были часты от множества бродяг и нищих, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встречному: «дай мне или убей меня!» Днем они просили, ночью крали или отнимали, так что в темный вечер люди осторожные не выходили из дому. – Флетчер, ревностный слуга Елисаветин, враг западной церкви, несправедливо осуждая и в нашей все то, что сходствовало с уставами Римской, излишно чернит нравы монастырские, но признается, что искренняя набожность господствовала в России.

Угождая ли общему расположению умов или в терзаниях совести надеясь успокоить ее действиями внешнего благочестия, сам Годунов казался весьма набожным: в 1588 году, имея только одного сына – младенца, зимою носил его больного, без всякой предосторожности, в церковь Василия Блаженного и не слушал врачей: младенец умер. Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и

торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь ли народа или веря святости сего человека. Такие юродивые, или блаженные, нередко являлись в столице, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконною жизнью и брать все, им удобное, в лавках без платы: купцы благодарили их за то, как за великую милость. Уверяют, что современник Иоаннов, Василий Блаженный, подобно Николе Псковскому, не щадил Грозного и с удивительною смелостию вопил на стогнах о жестоких делах его.

Упрекая Россиян суеверием, иноземцы хвалили однако ж их терпимость, которой мы не изменяли со времен Олеговых до Феодоровых и которая в наших летописях остается явлением достопамятным, даже удивительным: ибо чем изъяснить ее? Просвещением ли, которого мы не имели? Истинным ли понятием о существовании Веры, о коем спорили и философы и богословы? Равнодушием ли к ее догматам в Государстве искони набожном? Или естественным умом наших древних

Князей воинственных, которые хотели тем облегчить для себя завоевания, не тревожа совести побеждаемых, и служили образцом для своих преемников, оставив им в наследие и земли разновременные и мир в землях? То есть назовем ли сию терпимость единственно политической добродетелью? Во всяком случае она была выгодною для России, облегчив для нас и завоевания и самые успехи в гражданском образовании, для коих мы должныствовали заманивать к себе иноверцев, пособников сего великого дела.

К счастью же нашему, естественные враги России не следовали ее благоразумной системе: Магометане, язычники поклонялись у нас Богу, как хотели; а в Литве неволили Христиан Восточной Церкви быть Папистами: говорим о зачале так называемой унии в Сигизмундово время, происшествии важном своими политическими следствиями, коих не могли ни желать, ни предвидеть ее виновники.

Духовенство Литовское, отвергнув Устав Флорентийский, снова чтит в Константинопольском Первосвятителе Главу своей Церкви: Патриарх Иеремия на возвратном пути из

Москвы заехал в Киев, отрешил тамошнего Митрополита Онисифора как двоеженца и на его место посвятил Михаила Рагозу; судил Епископов, наказывал Архимандритов недостойных. Сия строгость произвела неудовольствие; действовали и другие причины: домогательство Папы и воля Королевская, оболъщения, угрозы. Еще в 1581 году хитрый иезуит Антоний Поссевин, обманутый не менее хитрым Иоанном с берегов Шелоны писал к Григорию XIII, что для удобнейшего обращения *Московских еретиков* должно прежде озарить светом истины Киев, колыбель их Веры: советовал ему войти в сношение с Митрополитом и с Епископами Литовскими, послать к ним мужа ученого, благоразумного, который мог бы убеждениями и ласками изготовить торжество Римской Церкви в земле *раскола*. Антоний писал и действовал: внушил Баторию мысль завести Иезуитское училище в Вильне, чтобы воспитывать там бедных отроков Греческого исповедания в правилах римского; старался о переводе славнейших книг Латинской богословии на язык Российский; сам ревностно проповедо-

вал, и не без успеха, так что многие Литовские Дворяне начали говорить о соединении церквей и благоприятствовать западной, угождая более миру, нежели совести: ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемые Королями и сеймами, единоверцы наши в Литве должныствовали везде и всегда уступить первенство Католикам; бывали даже теснимы, – жаловались и не находили управы. Колебались умы и самых духовных сановников: ибо Папа и Сигизмунд III, исполняя совет иезуита Антония, с одной стороны, предлагали им выгоды, честь и доходы новые, а с другой, представляли унижение Византийской Церкви под игом Оттоманов. Не грозили насилием и гонением; однако ж, славя счастья единоверия в Государстве, напоминали о неприятностях, которые испытало Духовенство в Литве, отвергнув Устав Флорентийский. Еще Митрополит Рагоза таил свою измену, хвалился усердием к Православию, и велел сказать Московским Послам, ехавшим в Австрию чрез владения Сигизмундовы, что не смеет видеться с ними, будучи в опале, в гонении за твердость в Догматах Восточной

Церкви, всеми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоял один Воевода Новгородский, Федор Скумин, но и тот уже безмолвствует в страхе: что Папа неотменно требует от Короля и Вельмож присоединения Литовских епархий к Церкви Римской и хочет отдать Киевскую Митрополию своему Епископу; что он (Митрополит) должен неминуемо сложить с себя Первосвятительство и заключиться в монастыре. Послы советовали ему быть непреклонным в буре и лучше умереть, нежели предать Святую Паству *на расхищение волкам Латинства*. Михаил, лукавый и корыстолюбивый, хотел еще *в последний раз* нашего золота и взял в задаток несколько червонцев: ибо Цари не без хитрости давали *милостыню* Духовенству Литовскому, чтобы оно питало в народе любовь к своим единоверным братьям. В том же (1595) году сей лицемер, призвав в Киев всех Епископов, усоветовал с ними искать мира и безопасности в недрах Западной Церкви. Только два Святителя, Львовский Гедеон Балабан и Михаил Премышльский, изъявили сопротивление; но их не слушали и к живейшему удовольствию Ко-

роля послали Епископов Ипатия Владимирского и Кирилла Луцкого в Рим, где в храме Ватиканской они торжественно лобызали ногу Климента VIII и предали ему свою Церковь.

Сие происшествие исполнило радости Папу и Кардиналов: славили Бога; честили Послов *Духовенства Российского* (так называли Епископов Владимирского и Луцкого, чтобы возвысить торжество Рима); отвели им великолепный дом – и когда, после многих совещаний, все затруднения исчезли; когда Послы обязались клятвою в верном наблюдении Устава Флорентийского, приняв за истину исхождение Св. Духа от Отца и Сына, бытие Чистилища, первенство Епископа Римского, но удерживая древний чин богослужения и язык Славянский – тогда Папа обнял, благословил их с любовью, и Правитель его Думы, Сильвий Антонин, сказал громогласно: «Наконец, чрез 150 лет (после Флорентийского Собора) возвращаетесь вы, о Епископы Российские! к камню Веры, на коем Христос утвердил Церковь: к горе святой, где сам Всевышний обитать благоизволил; к матери и наставнице всех Церквей, к единой истинной – Рим-

ской!» Пели молебны, на память векам внесли в летописи церковные *повесть о воссиянии нового света в странах полунощных*, вырезали на меди образ Климента VIII, Россиянина падающего ниц пред его троном и надпись Латинскую: *Ruthenis receptis...* Однако ж радость была не долговременна.

Во-первых, Святители Литовские, изменяя православию, надеялись, по обещанию Климентову, заседать в Сенате наравне с Латинским Духовенством, но обманулись: Папа не сдержал слова, от сильного противоречия Епископов Польских, которые не хотели равняться с Униатами. Во-первых, не только Святитель Львовский, Гедеон, со многими другими духовными сановниками, но и некоторые знатнейшие Вельможи, наши единоверцы, воспротивились унии: особенно Воевода Киевский, славный богатством и душевными благородными свойствами, Князь Константин Острожский. Говорили и писали, что сие мнимое соединение двух Вер есть обман; что Митрополит и клеветы его приняли Латинскую, единственно для вида удержав обряды Греческой. Народ волновался; храмы пустели.

Чтобы важным, священным действием церковного Собора утишить раздор, все Епископы съехались в Бресте, где присутствовали и Вельможи Королевские, Послы Климента VIII и Патриарха Византийского; но вместо мира усилилась вражда. Собор разделился на две стороны; одна предала анафеме другую – и с сего времени существовали две Церкви в Литве: *Униатская*, или *соединенная*, и *Благочестивая*, или *несоединенная*. Первая зависела от Рима, вторая от Константинополя. Униатская, под особою защитою Королей и сеймов, усиливалась, гнала благочестивую в ее сиротстве жалостном – и долго стон наших единоверных братьев исчезал в воздухе, не находя ни милосердия, ни справедливости в верховной власти. Так один из сих ревностных Христиан Греческого исповедания торжественно, на сейме, говорил Королю Сигизмунду: «Мы, усердные сыны республики, готовы стоять за ее целость; но можем ли идти на врагов внешних, терзаемые внутренним: злобною униєю, которая лишает нас и безопасности гражданской и мира душевного? Можем ли свою кровию гасить пылающие стены отече-

ства, видя дома пламень, никем не гасимый? Везде храмы наши затворены, Священники изгнаны, достояние церковное расхищено; не крестят младенцев, не исповедуют умирающих, не отпевают мертвых и тела их вывозят как стерво в поле. Всех, кто не изменил Вере отцов, удаляют от чинов гражданских; благочестие есть опала; закон не блюдет нас... вопием: не слушают!.. Да прекратится же тиранство! или (о чем не без ужаса помышляем) можем воскликнуть с пророком: *суди ми, Боже, и рассуди прю мою!*» Сия угроза исполнилась позднее, и мы, в счастливое Царствование Алексия, столь легко приобрели Киев с Малороссиею от насилия Униатов.

Таким образом Иезуит Антоний, Король Сигизмунд и Папа Климент VIII, ревностно действуя в пользу Западной Церкви, неволь-но содействовали величию России!